

СОФЬЯ ОРЕХ

ДОЛГИЙ ПУТЬ
СКОМОРОХА

РОМАН В ТРЁХ КНИГАХ

КНИГА ВТОРАЯ

16+

Его заставляют начать расследование страшного убийства молоденьких послушниц в Девичьем монастыре. За его сердце вступают в соперничество юная и зрелая красавицы. А он между тем решает судьбу библиотеки Либерии, становится жертвой предательства, теряет уважение друзей... Жизнь скомороха Ратмира и его друзей-скоморохов продолжается...

Глава 1

Огромная Торговая площадь перед Собором Покрова Пресвятой Богородицы была заполнена городским людом, запружена лошадиными повозками разных размеров, заставлена широкими деревянными прилавками. На прилавках тех высились самые разнообразные товары: от деревянных ложек, туесков, глиняных горшков и рулонов белёного холста и сатина в цветочек до деревянных коробов с орехами, берестяных бочонков с душистым мёдом и кусками янтарных сот, предлагаемых горластыми торговцами. Мимо торговых рядов протискивались добропорядочные граждане города. То поодиночке, то парами, то целыми шумными семействами. Бояре в дорогих одеждах, посматривая свысока на московских и заезжих купцов, придирчиво разглядывали объёмистые, отливающие на солнце полотна бархата, парчи. Тискали толстыми, украшенными тяжёлыми золотыми и серебряными перстнями пальцами красивые сафьяновые сапожки и туфельки, подбирая наряды для своих жён и дочерей. Долго разглядывали, поцокивая языком, булатные сабли и кинжалы, обрамлённые витиеватой арабской вязью и украшенные восточным самоцветами.

Здесь же, вдоль рядов, с озабоченными лицами, сжимая в потных ладонях медные монетки, пробирались служащие разных приказов, мастеровые, кухарки, ремесленники... Мужчины и женщины разного возраста и сословия и их шумные, орущие и плачущие дети — все пришли на рынок на площади с одной целью — что-нибудь купить. Кому что-то для пропитания, а кому — для рукоделия или для умственных занятий, или по хозяйству.

Красные кирпичные стены Кремля были обнесены глубоким рвом и с них начинались загоны для лошадей и другого домашнего скота, привезённого для продажи на рынке. Стойкий запах навоза соседствовал с ароматами только что выпеченных в переносных печах пирогов с грибами, брюквой, щавелем и мясом. Неподалёку от торговых рядов ремесленников стояли палатки с дорогостоящими специями и восточными благовониями. На их фоне скромно смотрелись небольшие палаточки торговцев украшениями из золота, серебра и меди. Здесь зажиточные горожане чинно рассматривали в руках продавцов кольца, серьги, монисто и прочие украшения с переливающимися в лучах солнца самоцветами.

Только вездесущие мальчишки и девчонки носились между рядами с громким смехом и просто радовались жизни.

— Эй, народ, подходи! На представление посмотри! Мы вам фокусы покажем, да всю правду и расскажем. Песни грустные найдём, и станцуем, и споём! Вы такого не видали! Скоморохи к вам примчали! — неожиданно зазвучал в одном из уголков площади, перекрывая стоящий шум и гам звонкий мальчишеский голос. Услышав это, народ оживился и многие поспешили в сторону стоявшего неподалёку от красной кремлёвской стены разноцветного, яркого шатра, откуда доносился весёлый мальчишеский голос. Кто же не любит скоморошьи потешки?

На мужской половине шатра крепкий телом старик Никифор, стоя у распахнутого баула, натягивал на себя разноцветный костюм итальянского скомороха:

— А почему мы сегодня выступаем с итальянскими потешками, Ратмир? На площади мало людей, кто понимает по-итальянски.

— Так надо, Никифор. Да и итальянские потешки мы будем говорить не по-итальянски, а по-русски. А вот петь и танцевать придётся на итальянский манер, — усмехнулся Ратмир, застёгивая последние пуговицы на красно-синем атласном костюме итальянского менестреля. Он достал из другого баула картонную маску Арлекина с грустным выражением лица. Откинув назад ладонью со лба волнистые тёмные волосы, приложил её к своему лицу и закрепил на затылке шёлковыми шнурами. — Что там с нашими дамами, Василий? Готовы к выступлению?

— Готовы-то готовы. Да только у Дуньки моей всё глаза на мокром месте, — вздохнул почти двухметровый с огненной шевелюрой здоровяк Василий. На нём был такой же костюм итальянского скомороха, только на несколько порядков больше, чем у Ратмира и Никифора.

— Пора бы ей уже уgomониться, — покачал головой старик Никифор. — Все мы смертны. Да и не родней же ей Лукерья приходилась!.. Что уж так убиваться-то?

Ратмир помрачнел лицом, но ничего не сказал. Он достал из баула лютню, бережно провёл рукой по туго натянутым струнам:

— Иди Василий, объявляйте с Теодоркой начало.

Тот кивнул и вышел из небольшого шатра наружу. Прямо перед шатром находилась небольшая площадка, огороженная кольями с разноцветными лентами, за которыми стояли зрители. Первые ряды занимали радостно улыбавшиеся мальчишки в отцовских картузах и девчонки в платочках. За ними теснились нарядно одетые бабы и девки. Далее, сдерживая напор подходивших зрителей, стояли плечистые мужики, мастеровые, боярские холопы и сами бояре. Всем были интересны выступления скоморохов или потешников, как они называли их между собой.

— А-а, расступись, народ честной! Да встречай сегодня как бы итальянских скоморохов! Мы покажем вам сегодня, как живут людишки в Италии, какие песни поют, да танцы танцуют, да какие стишата читают! — встав на одно колено, взмахнул рукой здоровяк Василий и подставил стоявшему тут же в ярком разноцветном костюме тринадцатилетнему Теодорке свою большую ладонь. Теодорка живо упёрся одной рукой о протянутую ладонь Василия, второй — на его предплечье, и уверенно вытянулся в стойке вниз головой. Народ ахнул и радостно засмеялся, наблюдая, как Василий осторожно встал на ноги и прошёлся со стоявшим вниз головой Теодоркой по кругу.

Тут на круг из другого входа в шатёр появился ещё один акробат в итальянской маске, и только по густым каштановым волосам можно было узнать в нём мать Теодорки Елену. Она приветственно махнула рукой зрителям и, подскочив к Василию с другого бока, быстро и ловко забралась к нему на плечо.

— Во даёт! Смотри, что делает! — радостно закричали зрители, наблюдая, как второй акробат тоже встал вниз головой, опираясь руками на плечо и голову силача Василия. Последний, важно выпятив грудь колесом, пошёл по второму кругу под радостные крики зрителей, держа на своих широких плечах двух акробатов.

Ратмир положил лютню на баул с вещами и прошёл на женскую половину маленького шатра. Карлица Авдотья в костюме итальянского скомороха смотрелась забавно. Но лицо её

выражало такую боль и грусть, что ей не нужна была никакая маска. Завидев Ратмира, она поспешно стала утирать слёзы и размазала по лицу яркий грим.

— Подожди, Дуняша, — Ратмир опустился перед ней на колени. — Давай я тебе краску-то подправлю. Всю слезами залила.

— Так мне её жаль, Ратмир. Так жаль! — Авдотья приложила к лицу тряпицу и высморкалась.

— Дуняша, ну уже ничего не поделаеть. Смирись с этим. Мне тоже очень жалко Лукерью, — Ратмир другой тряпицей заботливо подтёр грим на лице карлицы. — Она же мне жизнь спасла в тот день.

— Вот видишь! А ты всё сомневался, что она тебя любит, — с укоризной всхлипнула Авдотья.

— Да, Дуняша, и теперь очень сожалею об этом, — кивнул Ратмир и вздохнул: — Ну, ладно, я смотрю, что ты совсем не можешь сегодня представлять. Сиди уж тогда в шатре, отдохни. А Андрейку пока отправлю к зрителям деньги собирать.

— Как это — отдохни?! — воскликнула Авдотья. — Вы, значит, там работать будете, а я должна здесь слезами обливаться. Мне, может, легче, когда я работаю с вами. Я тогда и про Лукерью не вспоминаю.

— Тогда, конечно, иди — работай, — сочувственно посмотрел на неё Ратмир и пошёл на мужскую половину шатра. Там он глянул на сидевшего на корточках у входа в шатёр худенького подростка Андрейку. Последний в щёлочку наблюдал за выступлением скоморохов и радостно улыбался.

— Андрейка, держи, — Ратмир протянул мальчишке итальянскую широкополую черную шляпу: — Как в прошлый раз ходи по кругу и протягивай зрителям эту шляпу. Люди будут туда денежки кидать, да только держи её покрепче. А то какие-нибудь грабастики отнимут, и прощай наши денежки.

Мальчишка, смущённо улыбаясь, взял шляпу и нерешительно вышел из шатра. Он посмотрел на выступавших скоморохов и медленно пошёл по кругу, протягивая шляпу. Через несколько мгновений в ней зазвенели первые медяки.

— Ну, что, Никифор, наш выход, — Ратмир протянул старику Никифору заранее заготовленные факелы.

— Слава Богу, хоть дожди начались, — улыбнулся тот. — А то такая засуха стояла, что нас за эти факелы могли бы распять прямо на площади.

— Так я тебе и не дал бы их зажигать, если бы засуха не закончилась, — усмехнулся в свою очередь Ратмир. — Крутили бы просто так, без огня...

— А вот сейчас мы вам, добрые люди, представим огненные упражнения! — воскликнул Василий, завидев выходящих из шатра старика Никифора и Ратмира с факелами в руках. Зрители заволновались, стараясь устоять под напором напиравших сзади желающих увидеть огненное представление. Теодорка и Елена, спрыгнув с Василия, картинно помахали руками и, раскланявшись, удалились в шатёр.

Вот Ратмир чиркнул огнём и по очереди поджёг все факелы. Они загорелись ярким, цветным огнём. Зрители ещё больше оживились, и стали обсуждать происходящее, указывая пальцами на скоморохов.

Ратмир передал четыре пылающих факела старику Никифору и, держа ещё четыре в левой руке, отошёл от него на приличное расстояние. По сигналу силача Василия оба начали жонглировать горящими факелами. В кругу зрителей наступила тишина. Сначала Ратмир и

Никифор жонглировали сами по себе. Дальше по сигналу Василия они стали жонглировать между собой, чем вызвали бурное оживление в толпе. Но вот здоровяк Василий опустился на корточки. Ратмир, продолжая жонглировать с Никифором, легко ступил одной ногой на колено, затем второй на плечо силача и, быстро подтянувшись, уверенно встал обеими ногами к нему на плечи. Силач медленно поднялся во весь свой рост, и тут же зрители разразились воплями восторга и удивления, наблюдая за жонглирующими скоморохами. Василий, стоя в центре круга с Ратмиром на плечах, стал осторожно крутиться вокруг собственной оси. При этом Никифор мелкими шажками двигался вслед за ним, продолжая жонглировать горящими факелами с Ратмиром. В этот момент Ратмир краем глаза вдруг заметил тёмную группу всадников на черных как смоль скакунах, явно направлявшихся в их сторону.

— Баста! — громко скомандовал он и, убедившись, что Никифор приостановил жонглирование, остановился сам и мягко спрыгнул с плеч Василия. Тихо произнёс:

— Василий, быстро мне лютню, а ты, Никифор, аккуратно туши факелы. Позже продолжим. Я сегодня говорю голосом Арлекино.

Привыкшие понимать его с полуслова скоморохи, молча, кивнули и кинулись выполнять указания Ратмира.

— А теперь наш грустный итальянский кабальеро исполнит для бабского сословия душещипательную песенку про любовный жар. Петь он будет по-итальянски! — воскликнул Василий, стараясь перекричать недовольные возгласы зрителей, разочарованных быстрым окончанием огненного представления и добавил: — А упражнения с горящими факелами покажем ещё, только чуть позже.

— Да хоть по-немецки! Один чёрт, что всё одно ничего не поймём. Лучше бы с огнём продолжили показывать картинки, — начали возмущаться мальчишки и мужики. Женская же половина с любопытством смотрела на стройного скомороха в итальянской маске и с лютней в руках.

В этот момент позади толпы послышались шум, ругань, щелчки от плетей. Народ кинулся было врассыпную, но, пропуская всадников, тут же вновь смыкал за ними тесные ряды. Опричники во главе с рыжебородым Малютой Скуратовым подъехали к самому кругу, огороженному цветными лентами.

Ратмир нежно коснулся длинными, сильными пальцами туго натянутых струн, и послышались чарующие звуки лютни. Скоморох запел. Печальная баллада на чудесном итальянском языке зазвучала над толпой. Народ опять стал подтягиваться поближе к выступавшим. В первых рядах зрителей наступила тишина. Далее стали умолкать последующие ряды. Малюта Скуратов, остановивший коня в первых рядах, внимательно прислушиваясь к пению скомороха в итальянской маске, нетерпеливо помахивал хлыстом. Неожиданно он взмахом руки прервал его пение:

— На итальянском же языке ты поёшь, потешник?

— На итальянском, сударь, — деревянно-мальчишеским голосом подтвердил тот и поклонился опричнику.

— А потешки на итальянский манер представлять можете? — оживился Малюта Скуратов.

— С нашим большим удовольствием, — опять поклонился скоморох.

— И людишки твои могут изъясняться по-итальянски?

— Могут, сударь, могут, не извольте беспокоиться, — в третий раз деревянным голосом ответил скоморох и вновь поклонился.

Малюта Скуратов довольно оскалился:

— Кто у вас тут за старшего? Живо ко мне! Разговор есть, — скомандовал он.

— Сию минуту, сударь. Я вам сейчас пришлю старшего, — опять поклонившись ему, ответил скоморох и исчез за занавеской шатра. Там Ратмир кивнул ожидавшим его скоморохам и подошёл к старику Никифору:

— Никифор, сегодня ты за старшего. Так надо, — тихо произнёс он, не снимая маски. — Иди, разговаривай с ним. Это — Малюта Скуратов. Но ты его зови Григорием Лукьяновичем, так ему больше нравится...

— Почему не ты сам? — растерялся тот.

— Он меня знает как другого человека. Никак нельзя ему открыться. И так он уже ранее меня за шпиона принимал.

— Что нужно-то от него? — заволновался Никифор.

— Думаю, что будет звать представлять потешки на царском пиру.

— На царском пиру?! — тихо ахнули скоморохи.

— Ты должен дать ему согласие и узнать, когда туда нужно явиться. И запомни всё, что он тебе скажет, — Ратмир взял старика Никифора за плечи и вытолкал его из шатра.

— Что-то ты долго собирался, старый чёрт! — раздражённо прикрикнул на старика Никифора Малюта Скуратов. — Поди сюда и слушай меня внимательно. Вы тут итальянские картинки и песни представляете. Язык знаете.

— Да мы, барин Григорий Лукьянович, на разных языках представлять можем, — поклонился ему в пояс старик Никифор. — Хочешь — на итальянском, хочешь — на аглицком или немецком...

— Откуда меня знаешь? — прищурился тот.

— Так добрая молва — она быстро в народе разносится, — опять поклонился старик Никифор.

— Добрая?! Обо мне?! — настороженно посмотрел на него царский опричник. — Ты, старый пень, ври да не завирайся. Мне мои людишки докладывают, какая молва обо мне в народе идёт. Да только меня это не сильно печалит.

— Прости, Григорий Лукьянович, хотел как лучше, — старик Никифор, подобострастно сложив руки лодочкой на груди, приблизился к черному скакуну, на котором величественно сидел Малюта.

— Жизнью, видать, хорошо битый. Потому и ведёшь себя разумно, — ухмыльнулся тот. — Слушай меня внимательно, старик. Через день к царю прибывает посланник папы римского на поклон. Так наш кормилец-государь желает потешить его при своём дворе разными итальянскими штучками. Певцы, художники там и прочая итальянская нечисть. И приказал найти скоморохов, представляющих на итальянский манер. А вас мне сегодня, видать, сам Бог послал. Потому готовьтесь быть через два дня при дворце. Всем быть и представлять так, чтобы наш Великий государь и посланник папы римского были довольны. Понял?! Иначе узнаете у меня почём фунт лиха! — Малюта Скуратов погрозил старику Никифору большим кулаком.

— Не изволь беспокоиться, батюшка Григорий Лукьянович! — поклонился ему старик Никифор. — Всё будет в наилучшем виде.

— Завтра к вечеру быть у первого поста на Александрову слободу со всем вашим

скарбом. Мои людишки уже будут предупреждены и проводят вас куда надо. Эх! — воскликнул Малюта Скуратов и, резко повернув коня, вместе со своими конниками направил его в завизжавшую и кинувшуюся врассыпную от ударов плетей толпу.

Спустя несколько часов после окончания выступления на городской площади скоморохи сидели за большим деревянным столом и ужинали, возбуждённо обсуждая предстоящие представления в царском дворце.

— Вот ведь не зря ты, Ратмир, учил нас разным фразам иноземным! Вот в который раз уже как пригодилось! — звонким детским голосом радостно произнесла карлица Авдотья.

— А ты не хотела никак учить их, — рассмеялась Елена, ласково теребя сына Теодорку за вихры. — Зато вон мой сынок лучше всех нас на трёх иноземных языках говорить может.

— Так он же дитё! — развела руками Авдотья. — А у них, у дитёв, память-то ещё ого-го какая! Да и Ратмир с ним всегда больше занимался.

— Не переживайте, бабоньки! Всё представим в наилучшем виде! — весело произнёс силач Василий, беря с тарелки большой кусок пирога с тыквой. — А ты, Елена, готовься с Ратмиром ту песню петь на итальянском, от которой даже мне плакать хочется.

— А это уж как Ратмир скажет, — пожалала плечами черноглазая Елена. — Думаю, что фроттолу представим обязательно. Так ведь, Ратмир?

Ратмир, вполуха слушавший разговор своих товарищей, согласно кивнул и отпил из глиняной кружки горячего сбитня. Затем встал из-за стола и посмотрел на старика Никифора:

— Пойдём, Никифор, разговор у меня к тебе.

Тот сразу поднялся с лавки и пошёл за Ратмиром. Остальные скоморохи, обрадовавшись, что Ратмир позвал не их, продолжили наслаждаться ужином в освещённой факелами корчме.

— Я тебе уже сказал, Никифор, что Григорий Лукьянович знает меня в лицо и знает мой голос, — обратился Ратмир к старику Никифору, закрыв за ними входную дверь в их комнату.

— Я понял, Ратмир, и почему-то это мне не в новинку, — улыбнулся тот, присаживаясь на свою лавку. — Говори, что нужно делать.

— Ничего особенного — просто выступать, как мы и раньше выступали, когда проезжали по Италии, — Ратмир лёг на свою лавку и положил руку под голову. — Хотел попросить тебя повнимательнее посмотреть, что будет происходить вокруг нас и вокруг царя и потом рассказать мне. Я буду мало говорить и в основном голосом Арлекино.

— Так я же не знаю почти никого, кто будет при царском дворе, — возразил Никифор.

— Там, скорее всего, будут некоторые из уже знакомых нам бояр, тот же Малюта Скуратов... Просто понаблюдай за ними, как сможешь, — пробормотал Ратмир и неожиданно чихнул.

— Не буду даже спрашивать для чего тебе это нужно, — задумчиво произнёс старик Никифор. — Если ты что-то просишь — значит нужно для дела. Только скажи мне честно, Ратмир: мы ведь сегодня выступали на площади в итальянских видах не просто так? Ты же знал, что Малюта Скуратов проедет этой дорогой?

— Знал. Давно заметил, — не сразу ответил Ратмир. — И сегодня мне было нужно, чтобы он увидел, как мы выступаем, — Ратмир прикрыл глаза и стал наматывать тёмный локон на указательный палец правой кисти. — Надоело, Никифор, мотаться только по городским площадям да боярским дворам. Хочется уже и при дворах начинать выступать, да

получать побольше денег.

— А, если бы он вдруг не стал бы сегодня проезжать этой дорогой? Как бы тогда мы попали бы на царский пир? — прищурил глаз старик Никифор.

— Пришлось бы обращаться к товарищам-боярам, — вздохнул Ратмир. — Мы должны быть на этом пиру, Никифор. Любыми путями...

— Верю тебе, Ратмир. С той поры как ты с нами — подлости от тебя ни разу не видел. Одна только польза для нас была, — улыбнулся его собеседник.

— Стараюсь, Никифор, — усмехнулся Ратмир и двумя пальцами правой руки потёр переносицу. Странная гримаса пробежала по его лицу.

В комнате наступила тишина, которую опять прервал старик Никифор.

— А в другие страны мы поедем выступать нынешним годом? Наши-то меня уже который раз спрашивают об этом, — спросил он.

— Обязательно! Вот как только начнутся холода, да земля морозом схватится, так и поедем в тёплые края. Думал я сначала на зиму от бескормицы на Север податься, на верфи государевы. Да, боюсь, что не каждый из нас выдержит те холода. А потому постараемся съездить в Италию да в Испанию. Документы вот только всем выправлю новые.

— Андрейку с собой берём? — озабоченно спросил старик Никифор.

— А как же! Он мне, Никифор, жизнь спас. По гроб жизни я ему обязан. Вот и хочу помочь Андрею стать достойным человеком в этой жизни. Слава Пресвятой Деве Марии, что у него есть дар к рисованию. А в Италии мы покажем его рисунки известным художникам, глядишь — там и останется в учениках, если захочет. Будет усерден — тоже станет известен и богат. В Италии даровитым живописцам привольно живётся.

— Повезло парню, что он тебя встретил, — улыбнулся Никифор.

— Нет, Никифор. Это мне очень повезло, что он встретился на моём пути. Иначе не разговаривали б мы с тобой сейчас.

— Что правда — то правда, — согласился собеседник Ратмира.

Глава 2

На постоялом дворе уже стояла глубокая ночь, когда откуда-то издалека послышался стук копыт. Несколько всадников проскакали в огороженный высокими кольями двор. Тут же истоиво залаяли сторожевые собаки, будя постояльцев и всю округу. На крыльце показался заспанный корчмарь с горящей свечкой в руке. Увидев незнакомых ратников, он встревожено спросил их:

— Вы по делу али как? Корчма моя до утра закрыта. Только постояльцев принимаю без перерыва.

— Вот и скажи, корчмарь, не на твоём ли дворе остановились потешники?

— А вы кто такие, чтобы я вам про своих постояльцев рассказывал? — зевнул корчмарь.

— А мы по велению боярина Федоскина. Потешник нам нужен, Ратмиром кличут, — придерживая разгоряченного коня, ответил один из ратников.

В комнате, где спали Ратмир и старик Никифор, было темно. Сквозь открытое окно проникал загадочный лунный свет, и было слышно всё, что происходила во дворе.

— Слышишь, Ратмир? По твою душу, — прошептал старик Никифор.

— Слышу, — ясно прозвучал озабоченный голос Ратмира. Фамилия «Федоскин» ему

показалась смутно знакомой, но не более. Он в темноте рывком сел на лавке и прислушался: — Вроде фамилию эту уже где-то слышал. Но я не знаю никакого боярина Федоскина... И мне это всё очень не нравится.

— Может быть, пока не поздно, предупредить наших? — напрягся старик Никифор.

— Боюсь, что уже поздно, — чутко вслушиваясь в приближающиеся к их двери чьи-то осторожные шаги, пробормотал Ратмир. Он бесшумно поднялся со своей лавки и, взяв что-то с изголовья своей постели, крадучись подошёл к двери и замер.

Кто-то тихонько постучал в дверь. Ратмир чуть расслабился — лихой человек едва ли стал бы стучаться.

— Ратмир... Ратмир, проснись. Тут к тебе с делом посыльный от боярина Федоскина прискакал, — зашептал в щель между дверью и стеной заспанный корчмарь. — Очень, говорит, срочно тебе нужно до боярина ехать.

Ратмир резко распахнул дверь. Корчмарь, стоявший за дверью со свечкой в руках, даже отшатнулся от неожиданности.

— Где этот посыльный, Митроха? — недовольно посмотрел на него Ратмир.

— Здесь я, — из темноты коридора шагнул коренастый ратник с лицом в глубоких рубцах от оспы. — Собирайся скорее, потешник, да со мной поедешь. А там, глядишь, я ещё и соснуть успею, — нещадно зевая, поторопил он скомороха.

— Никуда не поеду пока не узнаю в чём тут дело, — твёрдо ответил Ратмир. — Не знаю я никакого боярина Федоскина. И нет у меня с ним никаких дел.

— Экий ты борзый, потешник! — изумился ратник. — Или спросонья тебе малость разум отшибло? Сам боярин тебя кличет, а ты тут ерепенишься. Давно плетей не получал?

— Пошёл вон, и боярин твой мне не указ, — нахмурился Ратмир и попытался прикрыть дверь.

— Э-э, нет, шалишь! — ратник резво всунул свою ногу в грязном, кожаном сапоге в дверной проём. — Ишь ты, смелый какой! Я кому сказал — живо собирайся, чернь! А то сам же и отхлещу тебя прямо здесь плетью.

— Нет, так не годится, милоч! — послышался из-за спины Ратмира голос старика Никифора. Никифор уверенно отодвинул в сторону удивлённого Ратмира и доверительно склонился к возмущённому ратнику. — Некогда нашему Ратмиру и нам вместе с ним ко всяким там боярам по неизвестным надобностям добираться.

— К-к-как это — ко всяким боярам?! — аж поперхнулся от негодования ратник.

— А так, милоч, что назавтра мы званы к самому царю-батюшке потешки показывать. Сам понимать должен, что для хорошего представления нам сегодня отдых нужен и добрая еда. А всякие незнакомые бояре нам сегодня и взаправду не указ, — почесал себе нос старик Никифор. — Так что бывай, милоч. А нам дозволь дальше почивать да силы беречь для батюшки-царя.

Он неторопливо прикрыл дверь перед застывшим с открытым ртом ратником боярина Федоскина. Ратмир только покачал головой и со смешком произнёс: — Тебя, Никифор, по дипломатической части надо было определить. Умеешь ты убедительные речи говорить, да нужные слова находить.

— А что? — пожал плечами тот, направляясь к своей лавке. — Разве же я неправду сказал?

— Всё так, Никифор, — усмехнулся Ратмир, также заваливаясь на лавку. — Молодец! В коридоре послышались чьё-то перешептывание, и потом звуки удалявшихся шагов.

Через несколько минут к ним в дверь кто-то поскрёбся, и раздался тихий, тоненький голосок карлицы Авдотьи: — Эй, мужики, у вас там всё в порядке?

— В порядке, в порядке, — успокоил её старик Никифор. — Иди спать, Дуняша. Завтра всё расскажем.

— Ну, хорошо. А то мой Василий собрался идти вас выручать, — прошептала карлица в щёлочку двери и отправилась в свою комнату.

Глава 3

— Ну, что же? Не вернулся ещё Прохор-то? — встревоженный старческий дребезжащий женский голос послышался из угла богато обставленной большой кельи. Там, в полумраке горящих свечей, среди раскиданных по обтянутой атласом широкой перине подушек сидела, опершись спиной на несколько пуховых подушек седая, простоволосая грузная женщина семидесяти пяти лет. Её широкое, с нездоровой бледностью лицо блестело от мелких капелек пота. Опухшими глазами, полными отчаянья и ужаса, она смотрела на свою помощницу — келейницу Ефросинью и, тяжело дыша, то и дело проводила рукавом исподней рубахи по взмокшему лбу.

— Да нет, схимница Серафима, не видать пока, — утирая слёзы, отвечала ей та, также не сводя с хозяйки полных горя глаз. И вдруг резко кинулась к маленькому оконцу, заделанному слюдой. — Ай, вот-вот, слышу отпирают ворота...Ага... Вот они уже скачут сюда, матушка!

Через несколько минут в келье показался тот самый ратник, что приезжал какое-то время назад к Ратмиру, и упал на колени: — Не гневайся, схимница Серафима! Не привёз я тебе того скомороха, что мой боярин тебе описал.

— Ах ты, Боже мой! Что же так, Прохорушка?! — сдавленным голосом воскликнула тяжело дышавшая женщина, в отчаянии простирая к нему трясущиеся руки. — Как же быть — то теперь?! Иль не нашёл ты его, Прохорушка?!

— Да нашёл, матушка, нашёл. Только ведь он отказал мне.

Келейница Ефросинья охнула и, обхватив лицо руками, тихонько завывала.

— Цыц, Фроська! — прикрикнула на неё матушка и вновь обратилась к ратнику: — Как же простой смерд посмел отказать боярскому посланнику? — искренно удивилась она. — Ты бы его вожжами отхлестал, да, связав по рукам-ногам, сюда бы и доставил!

— Думал я про то, мать Серафима. Только их старший сказал мне, что званы они на завтра на царский двор свои потешки представлять, и потому сегодня будут отдыхать, да готовиться к тому представлению, — развёл руками ратник. — Какие уж тут вожжи?

— Прямо к самому царю званы?! — поразилась женщина. — Знаю, что царь Иоанн привечает скоморохов и сам с ними подчас вытанцовывает-куролесит — нечистого тешит. Что же за оказия такая — что этот жалкий скоморошишка так вдруг всем понадобился?! Как же быть-то мне теперь?

— А, может, я тебе сгожусь для помощи? — осторожно спросил ратник Прохор.

— Ты?! — изумлённо округлились опухшие глаза женщины. — Ты же ратник!

— Ну, скоморох, чином много ниже, чем ратник боярина, — уязвлено пожал плечами Прохор. — Ты же ищешь его помощи. Так какая беда-то приключилась у тебя, схимница Серафима?

— И думать не смей! — неожиданно прикрикнула на него фальцетом женщина и

крикнула своей келейнице: — Фроська, подавай одежду, да вели повозку запрягать.

— Куда же ты, матушка, в такое время собралась?! Едва дышишь вон, — всплеснула руками зарёванная келейница Ефросинья.

— Не твоё собачье дело! Прости меня, господи! — воскликнула тяжело дышавшая женщина, сползая с перин на деревянный, добела скоблённый ножом пол. — А ты, Прохор, поедешь со мной стражником моим.

— Как скажешь, схимница Серафима, — согласно поклонился тот. — Так я пойду на двор. Там тебя буду ожидать у повозки. А куда поедет-то схимница Серафима?

— Так к нему же и поедет. К скомороху этому. Ты же сам сказал, что знаешь, где он живёт...

— Знаю, схимница Серафима. Только как же ты сама к нему поедешь? — пришла очередь удивиться ратнику Прохору.

— А что же мне делать прикажешь?! Вот сейчас сама поеду и в ноги к нему кинусь. Просить, умолять буду, чтобы он помог мне в этом страшном деле, — тяжело дыша, женщина присела на лавку и протянула одну опухшую ногу своей помощнице: — Давай быстрее, Фроська. Обувку мою доставай из-под лавки. А ты, Прохор, иди к повозке, да жди меня там со своими товарищами.

Ратник Прохор недоумённо хмыкнул и шагнул за дверь кельи.

— Ишь, любопытный какой, — недобро проговорила женщина и сама себе пояснила вполголоса: — Ежели этот скоморох и впрямь такой умелец по сыску, то я не только умолять его буду. Я в ногах у него валяться стану, чтобы только помог он мне в беде моей. Только бы чтобы никто о том не узнал... Господи, да как же ты позволил такому совершиться?! — неожиданно для себя воскликнула женщина и, поймав, удивлённый взгляд келейницы, запричитала: — Да что же ты смотришь на меня с укоризной, дура окаянная?! Чего только в сердцах не скажешь! А тут горе такое — любой разума лишится, увидев этакое! И себя мне жалко, и тебя, и их в первую очередь.

— Да, матушка, прости меня, если что не так подумала. Я ведь тоже до сих пор в горести от увиденного. Всё же родная кровь! — запричитала в свою очередь келейница, трясущимися руками пытаясь натянуть на распухшие ступни своей хозяйки вязанные шерстяные чулки.

Через короткое время повозка с женщиной и её помощницей пронеслась по залитой лунным светом степи от мощного деревянного забора, уставленного пиками, в сторону Москвы. Рядом с ней проскакали вооружённые ратники боярина Федоскина...

Ратмир опять проснулся от того, что на деревянный настил постоянного двора со скрипом стала заезжать какая-то повозка, и послышался глухой стук копыт верховых лошадей. Раздались мужские и женские голоса, опять появился отсвет от зажженной корчмарём свечи.

Ратмиру показалось, что он вновь услышал своё имя и, прикрыв глаза, прислушался. Но подъехавшие уже зашли в корчму и провожаемые корчмарём, стали подниматься по лестнице на второй этаж.

Ратмир присел на лавке и каким-то чутьём понял, что люди направлялись в сторону их комнаты.

— Что, Ратмир? — встревожено прошептал старик Никифор. Тот не успел ничего ответить. В этот момент они слышали за дверью чьё-то тяжёлое дыхание. Раздался

негромкий стук. Ратмир бесшумно подошёл к двери, встал боком ближе к стене, держа в правой руке кинжал.

— Кто стучит? — спросил он, прислонясь спиной к стене.

— Потешник Ратмир мне нужен. Разговор у меня к нему очень важный. Отворите, тогда скажу — кто я, — раздался взволнованный, дребезжащий женский голос. Удивлённо хмыкнув, Ратмир быстро вернулся к лавке, взял с изголовья серый кафтан и, надев его, открыл дверь. Неяркий свет от горящей свечи заставил его прищуриться. В полумраке коридора он увидел перед собой грузную женщину за семьдесят в чёрном монашеском одеянии. Рядом с ней стоял корчмарь со свечкой в руке. За ними высилась фигура ратника Прохора. Чуть поодаль темнела ещё одна женская фигура. Пожилая женщина жадно взглянула на него: — Не ты ли тот самый потешник Ратмир будешь? Боярин Федоскин сказывал про молодого...

— Ну, я — Ратмир, — настороженно смотрел на неё скоморох. — А тебя-то сюда нелёгкая зачем принесла? Кто ты?

— Дозволь войти в твою комнату и переговорить с тобой наедине? — не дожидаясь ответа, женщина, молча, отобрала горящую свечу у корчмаря и, шагнув в комнату, прикрыла за собой дверь. Ратмир недоумённо следил за ней.

— А это кто? — женщина ткнула указательным пальцем в сторону лежавшего на лавке старика Никифора. — Вели выйти ему. При нём я не буду разговаривать.

— Это мой товарищ и место его здесь. А ты пришла сюда незваной, женщина, и хочешь здесь командовать? Не выйдет, — недовольно посмотрел на неё Ратмир. Он почему-то с первого взгляда проникся непонятной неприязнью к неожиданной гостье. Её поведение только усугубило эту неприязнь. Ратмир распахнул дверь: — Иди, откуда пришла. Не желаю иметь с тобой никаких дел.

— погоди, Ратмир. Ты же видишь, что это человек монашеского сословия, — неожиданно вступился за женщину старик Никифор и, накинув на себя кафтан, подошёл к ней и участливо спросил: — Что за беда приключилась с тобой, матушка? Присядь вот сюда на лавочку, да расскажи нам. Или мне уйти-таки?

— Спаси тебя Бог за радушие твоё, добрый человек! Но у меня и впрямь разговор один на один с товарищем твоим. Не обессудь! — воскликнула женщина, ободрённая его поддержкой. Она перевела взгляд на Ратмира: — Прости, что ненароком обидела твоего товарища, потешник Ратмир. Беда у меня приключилась страшная. И не знала я, как мне быть. Да только поверенный мой — боярин Федоскин — рассказал мне про тебя. Вот я и приехала просить тебя о милости — помоги мне в беде моей. Я в долгу не останусь.

— Да кто ты? — по-прежнему сухо спросил Ратмир, глядя исподлобья на незваную гостью. Что-то сильно беспокоило его в этой женщине. А что именно — он никак не мог понять.

Матушка промолчала, проводив взглядом закрывшего за собой дверь старика Никифора, и после повернула голову к Ратмиру:

— Я — схимница Серафима из Девичьего монастыря. Игуменья наша матушка Евникия отбыла на днях на богомолье во Владимир. Оставила меня приглядывать за монастырём и сестрами нашими. А сегодня вот такое горе у нас... И к кому обратиться-то? — она поднесла дрожащей рукой свечку так близко к лицу Ратмира, что тот даже отшатнулся назад.

— Поберегись с огнём-то так! — воскликнул раздражённо он и, отойдя в сторону, присел на лавку, указав ей рукой на другую лавку: — Присаживайся, в ногах правды нет.

— Спаси Бог тебя, сынок! — с облегчением присела на другую скамью схимница Серафима. Она поняла, что этот строптивый скоморох всё-таки решил снизить до её беды. Поставив свечку на стол и достав из кармана монашеского одеяния белый с вышивкой рушник, она утёрла им взмокшее лицо: — А не видела ли я тебя раньше, потешник Ратмир? Уж больно мне лицо твоё знакомым кажется.

— Не знаю. Нет у меня времени на пустые разговоры. Говори, что за беда у тебя. Выслушать — выслушаю, но не обещаю, что смогу помочь, — резко прервал её Ратмир. Он с усилием потёр пальцами переносицу и недовольно уставился на неожиданную собеседницу.

— Ехать тебе сейчас со мной нужно. Там всё сам увидишь, — неожиданно залилась слезами женщина.

— Ехать?! — воскликнул раздосадованный Ратмир. — Я не желаю сейчас никуда ехать. Просто расскажи, в чём дело и всё.

— Три послушницы монастыря ...страшную гибель свою нашли сегодня в нашей кладовой... — сдавленным голосом сквозь слёзы, тяжело дыша, прошептала матушка Серафима.

— Убили? — вскинул голову Ратмир.

— Порешил их кто-то...страшно порешил. Не пожалели душегубы девиц невинных наших, — женщина преданно уставилась в глаза Ратмиру. — Я сначала хотела обратиться к покровителям своим при дворе. Остались у меня ещё несколько родственников. Да только потом до меня дошло, что негоже нашему монастырю такие известия в народ пускать. Тайно нужно бы сыск провести, да найти обидчиков и наказать примерно. Чтобы неповадно было такое вытворять.

Ратмир помолчал и неожиданно спросил:

— А кем ты была в миру? Только правду говори мне.

— А мне и скрывать нечего, — приосанилась женщина. — В миру я звалась княгиней Натальей Вельяминовой.

— Кх-м ...вот оно как. Значит, не показалось мне, — каким-то странным голосом произнёс Ратмир. Лицо его окаменело, глаза приобрели стальной оттенок. Он прищурился, глядя куда-то мимо незваной гостьи.

— Что скажешь, потешник Ратмир? Нужно тебе ехать туда самому и всё смотреть, — с надеждой склонилась в его сторону женщина.

— Что тут говорить... — каким-то чужим голосом продолжил Ратмир, переведя на неё холодный взгляд. — По убийствам Разбойный приказ должен следствие производить. В Судебнике так сказано. Я не могу поперёк закону идти. Можешь ехать сразу в Разбойный приказ, и там тебе дадут знающих людей.

— Ох, нет! Я же тебе пояснила, потешник, что негоже нам такие истории в народ пускать. Игуменье нашей матушке Евникее и монастырю какой урон будет нанесён! Смотри, я вот тут серебряных монет тебе принесла. Если мало — скажи. Ещё принесу. Только уж не нужна монастырю такая огласка, а тебе и твоим товарищам всякая денежка пригодится, — торопливо зашептала растерявшаяся схимница Серафима.

— Нет, — твёрдо ответил Ратмир и указал на дверь. — Иди, откуда пришла.

— Сынок, да не отказывай ты мне в просьбе моей! Смотри, на колени встаю перед тобой — только помоги! — воскликнула в отчаянии пожилая женщина. Она грузно сползла со скамьи и, тяжело дыша, встала перед Ратмиром на колени. — Да если бы не молва, что только ты можешь верно отыскать татей, разве ж встала бы я на колени перед всякой

чернью!

— Чернью, — усмехнулся одними губами побледневший Ратмир и с прищуром посмотрел на стоявшую перед ним на коленях женщину: — Незачем тебе с чернью дела иметь, женщина. Вот и ступай себе с Богом в свою обитель и посылай за дьяком Разбойного приказа.

— Никуда я не пойду, пока не услышу твоего согласия, — твёрдо заявила схимница Серафима, не спуская с Ратмира горящего взора.

— Тогда я пойду отсюда, — пожал плечами скоморох и быстрыми шагами вышел за дверь. Он прошёл во мраке длинного коридора мимо растерявшегося корчмаря и ратника Прохора. Стоявший поодаль старик Никифор кинулся за ним.

— Что ей нужно от тебя, Ратмир? — возбуждённо спросил старик Никифор, догнав Ратмира у конюшни.

— Ты же всё слышал, Никифор! — раздражённо ответил тот.

Никифор пристально посмотрел на своего товарища. Давно он не видел его в таком состоянии. Вернее — никогда ранее.

— Ты не хочешь помочь этой монашке?

— Нет!

— Так и не помогай. Никто тебя не может принудить к этому. Только я не пойму, что это ты так расстроился из-за этого? Ты и раньше отказывал некоторым, но никогда так не переживал, — пожал плечами старик Никифор.

— Прости, Никифор, что накричал на тебя, — с досадой произнёс Ратмир. — Кому понравится, когда ему спать не дадут и за ночь дважды будят почём зря?

— И то, правда, — согласился старик Никифор. — Тогда как быть-то?! Я таких баб знаю — будет стоять из упрямства на коленях, пока не свалится замертво.

— А по мне — так пусть стоит, хоть до второго пришествия, — холодно отозвался Ратмир и направился к белевшей в ночном сумраке лестнице, ведущей на сеновал. — Пойдём, Никифор, вот здесь и отоспимся до утра.

Чей-то жалобный всхлип в ночи заставил их замереть на месте.

— Кто здесь? — настороженно спросил Никифор, вглядываясь в темневший в дверном проёме женский силуэт.

— Эт-то я...б-батюшка... — запинаясь и едва сдерживая рыдания, произнесла женщина. Сделав несколько шагов в их сторону, она остановилась.

Мужчины узнали в ней помощницу схимницы Серафимы.

— Ну, чего тебе? — недовольно спросил Ратмир, догадываясь, о чём пойдёт речь, и сильно досадуя из-за этого.

— Д-дочь т-там...т-там моя дочь...Настенька, — не в силах больше сдерживаться, глухо зарыдала женщина и опустилась на колени.

Ратмир отвернулся, с раздражением простонал и с силой ударил кулаком по ошкуренному деревянному столбу, служившему опорой для сеновала в конюшне. Зафыркали и заржали испуганные звуком удара лошади в своих яслях. Старик Никифор вздрогнул и повторно с удивлением посмотрел на Ратмира.

— Простите, люди д-добрые, — продолжила рыдать келейница Ефросинья. — Только душа моя и сердце в ключья рвутся, как вспомню кол, торчащий из шеи моей Настюши...

Ратмиру показалось, что он ослышался, и резко повернулся к женщине:

— Кол из шеи?!

— Ох, батюшка! — прошептала обессилевшая от рыданий женщина. — Всё так, голубчик. И помочь-то мне некому в поисках... Их же там три...наши послушницы... в рясофоры два года как пострижены были...

— И все на кол посажены? — почему-то шёпотом спросил потрясённый старик Никифор.

— Моя Настюша и ещё Олимпиадушка... А третья-то, племянница матушки Серафимы — Полинушка. Та на дыбе смертушку свою приняла... И ножом они все покромсаны как ...

— Это уже слишком! — ошеломлённо воскликнул Ратмир. Секунду подумав, он тряхнул головой и, подойдя к стоявшей на коленях женщине, протянул ей руку: — Вставай, женщина. Иди за своей хозяйкой и скажи, чтобы живо садилась в повозку и ехала в монастырь. Я поскачу следом за вами.

— Так ты поможешь нам, потешник? — не веря своим ушам, неуверенно произнесла келейница.

— Постараюсь, — уклончиво ответил Ратмир. Женщина мигом встала на ноги и метнулась вон из конюшни.

— Доброе всё же у тебя сердце, Ратмир. Который раз убеждаюсь, — тепло произнёс старик Никифор.

— Обычное, человеческое, — хмуро отозвался тот и вздохнул: — Иди, Никифор, отдыхай. До утра тебя уже никто не побеспокоит. А я постараюсь побыстрее там управиться, да вернуться ко времени нашего отъезда в Александрову слободу.

— Я, Ратмир, если ты не против, поехал бы с тобой, — просительно произнёс старик Никифор.

— Ты, действительно, этого хочешь? — почему-то не очень удивился Ратмир. Он понимал, что старик Никифор беспокоится за него, и ценил это.

— Очень хочу! — горячо воскликнул тот.

Через короткое время повозка с двумя женщинами и несколько всадников поспешно направились обратно в сторону Девичьего монастыря.

Глава 4

В это же время с другой стороны Москвы по мягкой после прошедших накануне дождей, накатанной колее проехали несколько богато украшенных, на крепких немецких рессорах, больших дорожных карет в сопровождении большого каравана обозов охраны, прислуги и прочей челяди. В одной из них дремал, прислонившись к спинке мягкого дорожного кресла, крепкий, гладко бритый мужчина лет шестидесяти в тёмной сутане с белым воротничком. Сквозь начинающие редеть волосы поблёскивала в свете свечей бледная кожа головы. Гусиные лапки на коже вокруг глаз выдавали в нём человека улыбчивого и приветливого. Напротив него лежал, скрючившись, на небольшом, обитом мягким бархатом сиденье, его молодой помощник Себастьян.

Неожиданно карета остановилась, и в резную дверь кто-то тихонько постучал и произнёс по-итальянски:

— Ваше преосвященство, мы у ворот Кремля.

Его преосвященство викарий Лоренцо Романо вздрогнул от неожиданности и, приоткрыв глаза, заморгал, подслеповато щурясь в полумраке кареты. Отблески огня от двух свечей в стеклянных лампах весело играли в драгоценностях, усыпавших его перстни и

массивный католический крест.

— Хорошо, Базилио. Пусть же нас скорее встретят русские вельможи, и мы отправимся в нашу резиденцию при итальянском посольстве, — на латинском ответил ему Его преосвященство. — Столь длительный путь требует нормального отдыха.

Встреча Его преосвященства с русским Дьяком Посольского приказа Андреем Щелкаловым была дружественной, хлебосольной, но недолгой, так как основная часть встречи столь высокого гостя должна была состояться в Александровой слободе вечером с участием Великого государя Ивана Четвёртого.

В каменных палатах итальянского посольства Его преосвященство викарий Лоренцо Романо первым делом забрался в белую фарфоровую ванну, наполненную благоухающей цветочными маслами горячей водой. Он с восторгом облегчённо вздохнул: «О-о, пресвятая дева Мария! Благодарю тебя за это блаженство!». Потом с головой окунулся в воду и, вынырнув через несколько мгновений, обратился к своему собеседнику, сидевшему поодаль в роскошном кресле на ножках в виде звериных лапок:

— Ну, мой друг, Антонио, рассказывай, как у нас идут дела. А то вечером будет не до этого, сам понимаешь. И... мы же по-прежнему можем здесь спокойно говорить? Ты ведь здесь всё проверил, мой друг?

Его молодой, красивый как бог, собеседник с готовностью ответил своим чудным бархатным голосом:

— Конечно, Ваше преосвященство! Здесь некому подслушивать. А так — всё готово, как мы и договаривались. Наши миссионеры будут на сегодняшнем пиру в вашу честь.

— Значит все успели приехать... Это очень хорошо.

— Да, все. Даже из самых дальних уголков, где также была определена наша миссия, — красавец Антонио в парчовом камзоле с нежным кружевным жабо на шее держал на коленях небольшой прорезной серебряный поднос, на котором переливались яркими разноцветными бликами драгоценные камни на больших перстнях и массивная золотая цепь с крестом Его преосвященства. Он неторопливо перебирал украшения красивыми, длинными пальцами и внимательно слушал Его преосвященство.

— Итого будет десять человек вместе с крестниками Учителя, — поиграл бровями Его преосвященство и опять с наслаждением ушёл с головой под воду.

Кареглазый Антонио тряхнул густой, тёмной шевелюрой и, дождавшись, когда из-под воды показалась фыркающая голова Его преосвященства, поспешил добавить: — Только крестник Учителя не будет иметь возможности общаться с Вами в открытую. Он же для всех остальных в этой стране не является итальянским подданным. А крестница как всегда будет блистать в своих нарядах и радовать взоры присутствующих мужчин.

— Мне достаточно убедиться, что они живы и здоровы. Это очень важно для Учителя. Всё остальное для его крестника я передам через тебя, мой друг, — неторопливо произнёс Его преосвященство Лоренцо Романо, поливая себя водой из небольшой белой фарфоровой вазы.

— И ничего пока не известно по поводу дальнейшей судьбы крестника Учителя? У него же через год заканчивается срок миссии в этой стране, — осторожно спросил молодой человек, внимательно следя за выражением лица Его преосвященства.

— Ты становишься излишне любопытным, мой дорогой друг, — усмехнулся тот. — Но я тебя понимаю. Любого из вас сейчас интересует, что с ним будет дальше. Не волнуйтесь, Учитель не обидит никого. На каждого из вас у него свои, весьма достойные планы.

Он помолчал и добавил: — В каждой из стран, где этот крестник проходил очередную миссию, он выполнял очень важные задания Учителя и справлялся с ними превосходно. Так и здесь, на Руси, как мне известно, он должен выполнить ещё одно чрезвычайно важное поручение Учителя помимо тех, что он уже успел исполнить. Тем не менее, я полагаю, что Учитель готовит его себе в преемники. И вам придётся считаться с этим.

— Вот как! — казалось, безразличным голосом произнёс красавец Антонио. — А ничего, что его крестник даже не итальянского происхождения?

Его преосвященство викарий Лоренцо Романо повернул голову в сторону собеседника и внимательно посмотрел на него. Затем тихо произнёс: — Не говори глупостей, Антонио. Учитель слишком много сделал для тебя лично, чтобы мы сейчас здесь обсуждали его решения.

— Простите, Ваше преосвященство, — встрепенулся молодой человек. — Вы совершенно правы — Учитель сам знает как лучше для нас. Я очень надеюсь, что этот разговор останется между нами? — добавил он с просительной интонацией в голосе.

— Разумеется, — кивнул тот и снисходительно добавил: — Кто из нас не делал ошибок в молодости...

Глава 5

Повозка со схимницей Серафимой и сопровождавшими её и её спутницу всадниками прибыли к Девичьему монастырю через час. Уже начинало светать, и звёзды в небе постепенно теряли свою яркость, а край чернильно-тёмного небосвода стал светлеть, окрашиваясь в нежно-голубые и розовые тона.

Ратмир окинул внимательным взглядом окрестности монастыря. Глубокий ров окружал высокие деревянные стены с заострёнными вверху кольями. За ними виднелись очертания относительно недавно выстроенного Смоленского собора. Также за забором темнели деревянные, покатые крыши теремов.

Перед самым монастырём расстилалось огромное поле, местами заросшее камышом и конским щавелем, которое в народе называли Девичьим. По широкой наезженной колее в сторону монастыря уже шли первые богомольцы, жаждущие преклонить свои колени перед Смоленской иконой Божией Матери «Одигитрией». Добирались они и пешком, и на лошадях, в повозках и без, в одиночку и группами по несколько человек, с благоговением глядя на отливающие золотом в предрассветном полумраке купола Смоленского собора и без усталости кладя крестные знамена. Вокруг стояла тишина, изредка нарушаемая чириканьем потревоженных полевых птиц и ржанием лошадей.

В это момент раздался едва слышный звон одного малого зазвонного колокола. Тут же следом вступили второй, третий... Богомольцы замедлили шаг и устремили умильные взоры на собор, откуда поплыл над всем Девичьим полем ясный, нежный перезвон малых колоколов. Вот в их небесное звучание вступили подзвонные колокола, добавив звучанию красоты и разнообразия звуков. Невидимый звонарь, искусно управляя колоколами, извлекал из них божественные звуки, каждый раз звучащие по-разному и по скорости, и по громкости.

— Господи, благодать-то какая! — старик Никифор без усталости крестился, всей душой внимая божественному перезвону, плывшему над землёй. Ратмир внимательно посмотрел на него и тоже несколько раз перекрестился. Звучание колоколов, помимо его воли, почему-то стало беспокоить и завораживать его.

В этот момент невидимый второй звонарь ухватился за верёвку, привязанную к языку самого большого — благовестного колокола, и в малиновый перезвон малых и средних колоколов добавился низкий звук, внеся в общую картину колокольного звона мощь и благолепие.

— Прямо внутри у меня всё переворачивается, когда я слышу колокольный звон! — с восторгом произнёс старик Никифор, продолжая умильно смотреть на собор и креститься. — Чувствую, как короста какая-то с души каждый раз сползает и так хорошо становится. Душа очищается от грязи всякой...

Вскоре они подъехали к самому монастырю.

По условному стуку и паролю деревянные, массивные ворота основного входа распахнулись, и их встретили ратники с горящими факелами в руках, охранявшие монастырь.

— Ты здесь бывал раньше, Ратмир? — тихо спросил старик Никифор, с едва заметным усилием спешившись с лошади.

— Нет, не приходилось. А ты? — в свою очередь спросил Ратмир, поглаживая гриву своей лошади и внимательно разглядывая всё вокруг.

— Откуда?! Это же бабский монастырь! — негромко воскликнул старик Никифор, но вышедшие из повозки женщины всё равно услышали их и оглянулись.

— Иди со мной, потешник Ратмир. А товарищ твой пусть здесь останется. Ни к чему нам лишние глаза, — по-хозяйски твёрдо заявила схимница Серафима.

Ратмир недобро посмотрел на неё и, подойдя вплотную, тихо произнёс, глядя поверх её головы:

— Слушай меня внимательно, схимница Серафима или кто ты там ещё. Я больше повторять не стану. Здесь я не по твоей воле. Скажи спасибо своей помощнице. Только из-за неё взялся за это дело. И помогать буду только ей и по её просьбе. Тебя интересует, кто совершил преступление, о котором я ещё ничего сам пока не знаю? Так вот, ответ ты, скорее всего, получишь. Раз уж так получилось с вашими послушницами... Но командовать мною ты не будешь. Забудь про свои мирские замашки, накомандовалась аж на два ада вперёд...

— Что ты такое говоришь, потешник? — неуверенно попыталась воскликнуть схимница Серафима, чувствуя, как слабеет её воля под обезоруживающими звуками голоса этого необычного скомороха. Она вскинула голову и встретила его взгляд, полный ненависти. — Кто ты, потешник Ратмир? Откуда я тебя знаю?.. Я вспомнила эти глаза... — прошептала она одними губами и, почувствовав резкую, сильную боль в голове, упала без чувств.

— Эй, отнесите её в келью, — махнул рукой Ратмир стоявшим поодаль монашкам. — Да приложите лёд к голове, пока не очнётся. А ты, мать Ефросинья, показывай дорогу в ваши кладовые.

Та всхлипнула, кивнула и пошла вперёд, освещая дорогу одним из факелов. Остальные монашки засуетились вокруг схимницы Серафимы и, подхватив грузное тело, потащили его в длинное, деревянное здание, где располагались монашеские кельи...

Ратмир и старик Никифор в сопровождении келейницы Ефросиньи подошли к широким, деревянным ставням, расположенным под углом неподалёку от других деревянных построек, откуда доносилось мычание коров, ржание лошадей, кудахтанье просыпающихся кур и визг потревоженных поросят.

Она с усилием стала поднимать одну из ставен. Ратмир тут же помог ей, и увидел перед собой деревянные ступеньки, ведущие куда-то вниз, в темноту. Они стали осторожно

спускаться вниз. На них пахло холодом, запахом земли, овощей и чем-то ещё. Тонкие крылья носа Ратмира расширились на вдохе, и он покачал головой: «Кровь».

— Я тоже чувствую, — согласно кивнул старик Никифор.

Келейница Ефросинья громко всхлипнула и чуть не упала со ступеньки. Шедший за ней старик Никифор придержал её за руку: — Ну, будет, будет, милая. Показывай, где случилось.....

Старик Никифор не успел договорить. Они спустились до конца лестницы и завернули за угол кладовки.

— Ох, ты же, матушка моя небесная!!! — охнул старик Никифор и даже прикрыл глаза рукой. Ратмир побледнел от увиденного. А келейница Ефросинья с рыданиями кинулась к обнажённой девушке, стоявшей на полусогнутых ногах почти посередине большой комнаты, заставленной бочонками, ящиками, корзинами со всякой снедью.

— Доченька моя, Настюшечка-а-а!!! — завывала женщина, боясь прикоснуться к телу дочери.

Ошеломлённый увиденным Ратмир постепенно приходил в себя, и лицо его стало темнеть от гнева.

— Мы считаем зверей жестокими и безжалостными тварями, — глухо произнёс он, обращаясь в никуда. — А как назвать тех, кто решился такое сотворить с молодыми девицами?! — Ратмир на несколько секунд спрятал лицо в ладони и что-то там прошептал. Потом отнял ладони от лица, и старик Никифор увидел прежнего Ратмира — сосредоточенного и внешне спокойного.

Ратмир отошёл в сторону и окинул взглядом всё помещение. В центре по чьей-то злой воле было сделано импровизированное место для казни. На двух вкопанных отёсанных колах находились обнажённые девичьи тела со связанными за спинами рукам. Тот, кто насаживал свои жертвы на остро заточенные колья, по всей видимости, торопился и сделал это кое-как, не соблюдая центровки. Ещё живые жертвы под тяжестью собственного тела сползли по колам так, что вскорости заточенный конец кола у одной оказался прямо в надключичной ямке. А у второй кол, действительно, торчал прямо изо рта запрокинутой назад головы. Они обе как бы стояли на полусогнутых ногах, поддерживаемые теми самыми кольями. Третья обнажённая послушница висела на самодельной дыбе с выкрученными назад руками и разрезанным от горла до низа животом. Уже подсохшая тёмно-бурая кровь на ее, вывалившихся к ногам, кишках блестела в свете огня горящего факела. У всех девушек также были почерневшие со временем следы от множества ножевых ран. Выражения страшной боли и ужаса застыли на лицах мёртвых послушниц.

— Лучше бы я остался на постоялом дворе, — придушенным голосом произнёс старик Никифор, которого уже мутило от увиденного. — Страшные дела нынче стали твориться....

— Да во все времена, Никифор, случались подобные дела, — вздохнул Ратмир и посмотрел на рыдающую у тела своей дочери женщину. — Зря я пообещал ей провести сыск. Тут в любом случае нужен дьяк Разбойного приказа. Слишком страшную и мучительную смерть приняли эти послушницы, чтобы можно было втайне всё это оставить. Схимнице-то вашей, конечно, такая слава не нужна. Кто же тогда пойдёт сюда служить, да богатые пожертвования делать.... — констатировал он и повернулся к женщине: — Придётся всё же известить дьяка разбойного приказа.

— Как скажешь, батюшка. Тебе виднее... — сквозь рыдания с трудом проговорила та. — Только чтобы найдены были эти изверги. Чтобы я сама, своими руками могла бы им

зенки их повыщарапывать, да глотки им перегрызть.

— Уверен, что дьячки Разбойного приказа сумеют их найти. Слишком много следов они здесь оставили, — произнёс Ратмир, медленно проходя по страшному месту. Он с факелом в руке обошёл вокруг каждого места гибели послушниц, внимательно разглядывая их с головы до ног и всё вокруг них.

Потом вернулся на место и обратился к старику Никифору: — Ну, всё. Пойдём, Никифор, нам здесь больше делать нечего. Скажем тем ратникам, чтобы скакали за дьяком Разбойного приказа.

Они поднялись наверх по тем же ступенькам. Ратмир подошёл к ратнику Прохору и что-то несколько минут объяснял ему. Тот нехотя кивнул и, махнув рукой паре своих товарищей, ускакал вместе с ними в сторону Москвы. Затем Ратмир вернулся к старику Никифору. Тот всё ещё был бледен и растерян.

— Так зачем же ты там досмотр проводил, если всё равно решил, что быть здесь служащим Разбойного приказа? — спросил он, с усилием забираясь на свою лошадь.

— Привык уже. Мало ли что, — пожал плечами Ратмир и легко запрыгнул в седло.

Через несколько минут они оба направили своих лошадей в сторону Москвы.

Глава 6

Завтракали в то утро скоморохи без Ратмира и старика Никифора. Те спали в своей комнате без задних ног после пережитых ночных событий.

— Я, мамушка, схожу, деда Никифора тихонько разбужу. Он сам сказал, чтобы я за ним зашёл, когда пойду лошадок наших выгуливать. Хотел у них что-то в копытах подправить, — подошёл к Елене сытый Теодорка.

— Сходи, сынок, сходи. Да и Андрейку с собой прихватите, чтобы ему тут одному грустно не было, — подшивая суровой ниткой низ кафтана деда Никифора, кивнула Елена.

— Андрейку? — нехотя переспросил сразу поскучевший мальчишка. — А, может, он с Василием лучше потренируется какие-то упражнения выполнять?

— Опять? — недовольно на него глянула Елена. — Ты, Теодорка, не дури. Парень вон мать какой уже день не видит, скучает. А ты ему даже помочь не хочешь тоску эту побороть. Что это ты так на него взелся?! Я же вижу. А он каждой твоей улыбке радуется.

— Ну, ладно, ладно, — недовольным голосом прервал её тот. — Возьмём мы с собой твоего Андрейку.

— Не «твоего», а нашего, — твёрдо поправила сына Елена и покачала головой. — Нельзя так с простыми людьми, Теодор. Ты ему сейчас поможешь, а потом, глядишь — и он тебя выручит. Ты же всегда говорил, что хочешь брата. Вот и прими Андрейку как брата.

— Брат Андрейка, — хмыкнул Теодорка. — Не-а, мамушка... Не дорос он до моего брата. Мне брат нужен такой, как я, и чтобы говорил как следует. А у этого как будто каша во рту. Ничего не понимаю, что он говорит.

— Сказал же тогда Ратмир, что он раньше говорил нормально. А после того как его сильно избил тот мерзкий боярин Скобелев, он и не может говорить как все...

— Да помню я, помню, — нехотя выдавил из себя Теодорка. — Ладно, мамушка, пошёл я за дедом Никифором. Скажи этому Андрейке сама, что он с нами пойдёт.

— Ладно, скажу, — заканчивая шить, ответила Елена и задумчиво посмотрела вслед сыну.

Подойдя к нужной двери, Теодорка тихонько приоткрыл её и шёпотом позвал:

— Дедушка Никифор... а дедушка Никифор...

— Чего тебе, пострелёнок? — также шёпотом отозвался тот.

— Ты вчерась говорил, что пойдёшь со мной лошадок выгуливать. Так пошли вот теперь.

— Хорошо, сейчас спущусь. Возьми только там для меня поесть чего-нибудь, — вздохнул старик Никифор.

— Там мамушка уже приготовила нам туесок с пирогами, — Теодорка посмотрел на тёмный затылок спавшего на лавке лицом к дощатой стене Ратмира. — И ещё она сказал, чтобы мы с собой Андрейку взяли.

— Андрейка не пойдёт с вами, — неожиданно послышался сонный голос Ратмира. Он, повернувшись на спину, прикрыв рот ладонью, глубоко зевнул. Затем, не открывая глаз, потянулся всем телом и добавил: — Пришли его ко мне с пирогами, Теодор. Буду с ним заниматься.

— Опять?! — воскликнул мальчишка и, пройдя до середины комнаты, возмущённо воскликнул: — Ты с ним, дяденька Ратмир, и так каждый день занимаешься!

— Теодор, делай, что тебе сказано, — неожиданно жёстко отозвался скоморох. — У меня сейчас не самое лучшее настроение и я могу испортить его и тебе.

— Беги быстрее, Теодорка, за Андрейкой. И много тут не разговаривай, — засуетился старик Никифор, подталкивая мальчишку к выходу. — А я тебя внизу подожду.

— И чтобы все через два часа были здесь. Будем повторять итальянский язык и песни. У нас завтра важное выступление на царском дворе, — донёсся им вслед тот же жёсткий голос Ратмира.

— Ох, ты, Боже мой! — воскликнул старик Никифор и крикнул в дверь: — Будем, Ратмирушка. Обязательно будем.

Через короткое время с постоялого двора вышли старик Никифор и Теодорка. Они вели под уздцы двух крепких степных лошадей. Старик Никифор держал одной рукой поводья, а в другой у него был кусок курника, который он быстро доедал, чтобы не раздражать взоры бродивших неподалёку нищих.

Теодорка шёл рядом с ним с туеском в руке и с недовольным видом продолжал возмущаться:

— Дяденька Ратмир носится с этим Андрейкой, как с писаной торбой. Каждый день по столько времени с ним занимается, а этот как говорил кое-как, так и продолжает!

— Ты, Теодорка, что так на Андрейку-то взъелся? — покачал головой старик Никифор. — Мальчонке и так вон как досталось. Или ты злишься, что Ратмир уже не столько времени с тобой возится, сколько с ним?

Теодорка, поджав губы, промолчал.

— Понятно, — вздохнул старик Никифор. — Только ведь тогда и мы все должны сейчас на этого мальчишку обижаться. С нами со всеми сейчас Ратмир меньше разговоры разговаривает. Но и ты его пойми. Этот Андрейка ему жизнь спас. А Ратмир — человек слова и дела. И если сказал, что поможет Андрейке стать достойным человеком, так он в лепёшку расшибётся, но сделает это.

— Если бы я там был, я бы сам дяденьке Ратмиру жизнь спас, — упрямо проговорил Теодорка.

— Спас бы, конечно. Никто и не сомневается в том. Только вот так получилось, что оказался там Андрейка. И, Слава Богу! А то сейчас без Ратмира нам ой, как тяжело пришлось бы, — покачал головой старик Никифор.

Выведя лошадей на большую поляну с пожухлой после стоявшей жары растительностью, старик Никифор и Теодорка стреножили их и, отпустив на выпас, сами сели в тенишке раскидистой ивы неподалёку от берега реки.

— И смотри, Теодорка, Ратмир — он же очень приметливый. Ты думаешь, что он не видит, как ты с Андрейкой не хочешь дружить? И я уверен, что ему это очень не нравится. Может ещё и поэтому он теперь с тобой меньше стал разговаривать, — открыл туесок со снедью старик Никифор.

— Ты так думаешь? — поднял на него расстроенный взгляд Теодорка. — Но как же? Ведь Ратмир с нами уже столько лет! А этот Андрейка появился вот только! Как же он мог нас на него променять?!

— Эх, какой же ты ещё глупый, Теодорка! — улыбнулся старик Никифор. — Ратмир тебе ни отец, ни брат. И нам он тоже ни разу не родня. А вот так иногда случается в жизни, что чужой человек становится ближе, чем родня. Он столько для нас сделал, пока был с нами. Вот за это и нужно его ценить и благодарить.

— А я и ценю. Я очень даже ценю! — с жаром воскликнул мальчишка. — Но только так хочется, чтобы он был только мой.

— А вот этого, Теодорка, увы, не будет никогда, — развёл руками старик Никифор. — Он — не наша вещь, и командовать мы им не можем. Хочешь ты, Теодорка, чтобы он продолжал к тебе хорошо относиться — значит уважай то, что он уважает. Он-то сам всегда к нам прислушивается...

— Да я всё понимаю, дедушка Никифор... — опустил голову мальчишка. — Я постараюсь хорошо разговаривать с Андрейкой. Может и взаправду мне его братом своим начать считать?

— Только если ты сам этого захочешь, — понимающе усмехнулся старик Никифор.

— Я попробую, — Теодорка устремил куда-то вдаль не по-детски серьёзный взгляд. — Я ведь, дедушка Никифор, очень хочу быть как дяденька Ратмир. Он же столько знает и умеет. К примеру, какой вопрос я у него не спрошу, а у него уже готов ответ. Вот откуда?!

— Так он говорил же тебе, что с детства читал много и учился всякому разному, — усмехнулся старик Никифор. — Я вот понимаю так, что ему и жить приходилось в разных странах. И там многому он, видать, научился у тамошних умельцев. Сам-то он давно уже твердит, что тебе тоже учиться пора.

— Знаю, дедушка Никифор, — опустил голову мальчишка. — Только вот страшно мне так далеко одному от вас уезжать.

— Но он и матушке твоей разрешает там же остаться, да присматривать за тобой. А нас ты всяко-разно будешь видеть. Мы же с Ратмиром почти каждый год в Италию приезжаем, да всю зиму там представления даём.

— Вот именно, что почти, — вздохнул Теодорка.

— А тебе трудно особо там и не будет. Если только первое время. Так-то ты на итальянском уже славно разговариваешь...

— А я и писать могу уже много и по-итальянски, и по-английски, и по-немецки! Дяденька Ратмир много со мной занимался до этого Андрейки, — хвастливо перебил его мальчишка.

— Вот видишь! Молодец! Так что ничего не бойся, Теодорка, и давай этим разом, что мы в Италии будем, оставайся-ка ты учиться там же, где сам Ратмир учился, — заключил старик Никифор, надкусывая кусок пирога с капустой.

— Так мы всё-таки поедem этой зимой в Италию?! — радостно воскликнул Теодорка.

— Да, Ратмир сказал, что выправит нам всем новые документы и когда земля морозом схватится — поедem в Италию, — улыбнулся старик Никифор и довольно потянулся всем телом. — Эх, хорошо же там!

— Ура-а! Гип-гип, ура-а-а! — радостно закричал Теодорка и, вскочив на ноги, побежал вприпрыжку кругами, раскинув руки и распугивая птиц и стреноженных лошадей.

Глава 7

Во дворе Девичьего монастыря царила суматоха. Бородатые служащие Разбойного приказа в суконных формах с озабоченными лицами шныряли по застроенной деревянными постройками территории монастыря. Испуганные таким количеством мужчин, монахини шарахались от них в разные стороны.

На высоком деревянном крыльце недавно отстроенного терема матушки игуменьи Евникии толпился чиновничий и монашеский люд. Сам митрополит Филипп в окружении своих помощников-монахов мрачно поглядывал вокруг из-под густых, кустистых бровей. Высокий, худой дьяк Разбойного приказа Лаврентий хмуро выслушивал первые доклады своих подчинённых. Он недовольно осматривался по сторонам и то и дело откидывал рукой лезшие ему в рот кончики блекло-рыжих, жиденьких косм, торчавших из-под высокой соболей шапки.

— Ну, что, Высокопреосвященнейший Владыко, похоже, что самой матушки игуменьи-то сегодня и не будет? — с раздражением обратился он к митрополиту.

— Не успеет она сегодня вернуться, дьяк Лаврентий, — слегка склонился к нему тот и добавил: — Как отбыла она днями ранее на богомолье во Владимир, так и ждали мы её не ранее будущей недели. Кто же знал, что такое приключится?!

— Так что мы здесь тогда торчим?! — разозлился ещё больше дьяк Лаврентий и прикрикнул на стоявшего тут же престарелого духовника Девичьего монастыря отца Павла: — Давай, отец Павел, мне скорее добрые хоромы, чтобы я мог там расположиться, да сыск продолжать. Великий государь с митрополитом меня спрашивать станут скоро. А мы ещё никого и не начали пытаться. Я уже дал указание никого без моего ведома из монастыря не выпускать.

— Хорошо, хорошо, дьяк Лаврентий! Как же я и сам-то не додумался?! — залебезил отец Павел и крикнул старческим голосом стоявшим в стороне монашкам: — Ведите скорее дьяка Лаврентия в богатые хоромы, да стол для него и его людей накройте изрядный.

Монашки быстро подбежали к дьяку Лаврентию, и повели его в соседний терем.

Отец Павел тут же низко поклонился митрополиту: — И вам, Высокопреосвященнейший Владыко, у нас хоромы готовы самые лучшие. Сам провожу вас.

Митрополит Филипп кивнул, недовольно посмотрев вслед дьяку Лаврентию.

В это время в большой келье схимницы Серафимы продолжали гореть свечи. Пахло ладаном, мятой и эвкалиптом, и тяжёлым духом больного человека. Несмотря на солнечный день, в келье стоял полумрак.

На широкой смятой постели, раскинув руки и ноги в разные стороны, лежала горой,

тяжело дыша, сама схимница Серафима. В беспамятстве она громко стонала и мотала головой из стороны в сторону. Сухими губами она периодически что-то шептала, и тогда сидевшая рядом келейница Ефросинья склонялась над ней, пытаясь разобрать, что она там шепчет.

— Вот опять, — развела она руками, обращаясь к сидевшему за широким деревянным столом помощнику дьяка Лаврентия — дьячку Николаю. — Опять бормочет, дескать «позовите его да позовите его». А кого позвать-то?! Никак не говорит.

— Да как же с ней такое приключилось? — хмуρο глянул на неё тот.

— Так она же сама поехала за тем скоморохом. А я ей говорила, мол, зачем ты, матушка, сама-то поедешь? На то при монастыре есть посыльные. Опять же ей после того, как она увидела наших мёртвых послушниц в кладовой, сразу нехорошо стало.

— Ну, и зачем она поехала сама? — торопливо записывал за ней в толстую тетрадь помощник дьяка Лаврентия.

В этот момент в коридоре послышались быстрые, лёгкие шаги, и в проёме двери показалась худая мужская фигура в богатом кафтане. Мужчина пригнулся и шагнул в келью.

— Ох, дьяк Лаврентий! — соскочила с кровати келейница Ефросинья и поспешила припасть сухими, тонкими губами к костлявой руке дьяка.

— Ну, будет, будет, — недовольно отмахнулся от неё тот и пристально посмотрел на лежавшую на постели схимницу Серафиму. — Удар у неё, однако, похоже, случился. Все под богом ходим, — торопливо перекрестился он.

— Мы тоже так подумали, батюшка, — покорно отошла в сторону схимница Ефросинья, крестясь вслед за ним.

— Я-то сюда спешил, думал, что она хоть что-то сможет рассказать мне. Ан нет. Вижу, что толку сейчас от неё ни на грош, — раздосадовано покачал он головой. — Лучше бы остался себе в хоромах. Так и что — в себя ни разу и не приходила?

— Нет, батюшка, ни разу, — суетливо стала подправлять одеяло на больной келейница Ефросинья. — Только и бормочет одно: «Позовите его, да позовите его» А кого звать-то и не называет.

— А как удар-то с ней приключился? — поднял на неё сумрачный взгляд дьяк Лаврентий.

— А при мне и приключился, батюшка. Скоморох-то этот отказал ей. Вот у неё удар и приключился. Она же, матушка моя, вся испереживалась, что прознают в народе про эти убийства и перестанет народ в монастырь дары нести, да в монашество поступать, — торопливо пояснила келейница Ефросинья.

Дьяку Лаврентию показалось, что он ослышался: — Скоморох отказал?! Какой такой скоморох?! В чём отказал?

Монашка вжала голову в худенькие плечи и жалостливо изобразила на лице подобие улыбки:

— Так её поверенный боярин Федоскин рассказал про какого-то скомороха, знающего толк в сыскном деле. Вот она к нему и ездила — помощи просить. Только он ей отказал. И после у неё от того отказу и случился удар.

Дьяк Лаврентий пристально посмотрел на неё и тихо спросил: — А скомороха того случаем не Ратмиром кличут?

— Так ты его, батюшка, тоже знаешь?! — изумилась монашка.

— Тэк-с-с...Интересное дело получается. У нас теперь скоморохи сыскарями

заделались. А дьяк Разбойного приказа — это для вас теперь, тьфу — пустое место?! Так что ли?! — с угрозой в голосе посмотрел он на монашку.

— Ой, батюшка, только не гневайся на меня! Не моё это было указание. Схимница Серафима так решила. Не хотела сор из избы выносить. Хотела найти убийцев тихонько и наказать их примерно, — умоляюще сложила руки лодочкой монашка.

— А скоморох, стало быть, отказал ей, — с сарказмом констатировал дьяк Лаврентий.

— Как есть отказал, батюшка. Сказал, что такое страшное злодеяние только дьяк Разбойного приказа должен решать. Что, мол, в каком-то Судебнике про то правила писаны важные, и он им должен подчиниться.

— Ишь, ты! — приподнял брови дьяк Лаврентий. — Грамотный какой скоморох оказался! Грамотней всех вас вместе взятых. Я даже зауважал его после этого.

— А он обходительный такой, с пониманием, — вздохнула монашка.

— Ну-ну... — недовольно посмотрел на неё собеседник. — Ты сама давай-ка подходи в крайний терем. Всё, что вчера было — подробно расскажешь, чтобы мой писарь всё записал. К схимнице Серафиме лекаря позвали?

— Нет ещё, батюшка. Сейчас пошлём и за ним, — приложила к своим сухим губам белый платочек келейниц Ефросинья.

— Вот дурни-то! В первую очередь-то и надобно было лекаря позвать после удара-то. Глядишь и выжила бы схимница-то ваша. А так — готовьтесь отпевать, — махнул он рукой, пригибаясь, и выходя из кельи, добавил: — Даже я про то знаю.

Келейница Ефросинья, молча, посмотрела ему вслед и собралась выходить из кельи, чтобы найти себе замену на время ухода к писарю дьяка Лаврентия. Неожиданно шумное дыхание за её спиной прекратилось. Она быстро развернулась и подбежала к постели. На неё в упор смотрели какие-то стеклянные глаза схимницы Серафимы.

— П-п-ом-м-ираю я, Ф-ф-рость-ка, — едва слышным придушенным голосом, задыхаясь и запинаясь, прошептала она. — Ус-спею ли с-сказать?.. С-скажи ему ...ч-что...н-нет в т-т-ом... м-м-оей в-вины... А г-глаза-то у н-него м-ма-т-терины... Я-я...с-сра-зу при-з-знала...

— В чём вина твоя, матушка? — припав ухом к лицу умирающей, рыдающим голосом спросила келейница Ефросинья. — И кому передать-то, матушка? Ты же так и не назвала — кому передать.

В ответ на это лицо схимницы Серафимы страшно перекошило, на губах запузырилась пена, глаза закатились. Сделав три судорожных, поверхностных вдоха, она замолчала навсегда. В келье наступила звенящая тишина, и было слышно только, как в слюдяное окошко бьётся неизвестно откуда взявшаяся маленькая мушка.

Глава 8

— Что там, Теодорка? — шёпотом взволнованно накинулись на мальчишку потешники. Разодетые в костюмы итальянских скоморохов, они ожидали в специально выделенной для них комнатухе приглашения для выступления перед самим Великим государем и его высоким гостем — посланцем папы римского. В соседних комнатухах также толпились певцы, танцоры, музыканты. Но по приказу опричников, охранявших царские покои, везде царила тишина. Разговаривать можно было только шёпотом. В каждой комнатухе стояли массивные, деревянные столы с бочонками воды, кваса, тяжелые серебряные подносы, заставленные пирогами, кусками отварного мяса, жареной рыбы, пареной репы и брюквы.

Куски колотого сахара переливались всеми цветами радуги в отсвете горевших в большом количестве белых, толстых свечей. Разноцветные сахарные петушки на палочках мирно соседствовали с разноцветной россыпью разнообразных лесных ягод.

— Ой, едва мимо охраны-то я и проскочил, — запыхавшись, стал торопливо шёпотом рассказывать мальчишка, одетый как все они, в разноцветный костюм итальянского скомороха. — Кругом поставили этих царских опричников с саблями в руках. Грозные такие — ни разу мне не улыбнулись. Шугают всех только почём зря...

— А я тебе и говорил, что не стоит лишний раз в таких местах высовываться, — с досадой произнёс шёпотом Ратмир. Он сидел немного в стороне, в маске Арлекино, намертво приклеенной к его лицу яичным белком. Ратмир должен был быть уверен, что маска ни при каких обстоятельствах не слетит с его лица. На неподвижном белом картонном лице живо блестели только его серые с тёмным ободком густых ресниц глаза. Ратмир озабоченно посмотрел на Теодорку. — Ну, говори уж, раз всё равно там побывал.

— Ага... так вот, в самом большом зале я не смог побывать. Народу там уйма по главному входу идёт в царские палаты, а опричники прямо чуть ли не каждого ощупывают, чтобы, значит, с оружием кто не прошел. С ножом там или с кистенём каким, — горя глазами, продолжил тот. — А кто из приглашённых — так те разодетые, важные. Бояре собольими шубами полы подметают. Полно людей аглицких, немецких, в камзолах да кафтанах, кунтушах богатых. И дамы — сплошь красоты невиданной в заморских нарядах. Аж глаз слепит!

— Говорили что-нибудь они? — спросил тихо Ратмир.

— Я ведь, дяденька Ратмир, языки-то ещё не совсем знаю. Может где что-то и не так понял. Только запомнил один раз, как очень красивая боярыня в заморской одежде сказала по-итальянски, что Великого государя ждут большие перемены. И что он сам о них пока не знает.

— Покажешь мне потом тихонько ту боярыню, — усмехнулся в маску Ратмир, но взгляд его при этом был серьёзен.

— А ещё там по-немецки сказал один сударь в кунтуше другому, что наш царь зря согласился встретиться с папой. Потому как обманет его этот самый папа. А почему этот папа обманет нашего Великого государя, дяденька Ратмир? — неожиданно шёпотом спросил Теодорка.

Ратмир хмыкнул и тихо ответил:

— Ну, во-первых, никакого папы здесь нет. Приехал только посланник папы римского из Италии. Ты, наверное, Теодорка, неверно расслышал.

— Может быть, — кивнул тот. — Я ведь только учу эти языки. А почему он должен обмануть нашего царя-батюшку?

Ратмир обвёл взглядом своих товарищей. Они все смотрели на него в ожидании ответа.

— Понимаешь, Теодор, политика — это всегда игра. Ты же играешь с ребятами в лапту? — полуутвердительно шёпотом спросил Ратмир.

— Ну да, играю, когда в хорошее место приезжаем и там есть с кем поиграть.

— Ну, вот. Ты же знаешь, что в игре некоторые пытаются то время затянуть, то движения обманные сделать или как-то ещё обмануть других, чтобы первыми прибежать...

— Точно-точно! Я и сам иногда так делаю, хотя знаю, что нельзя, — тихо рассмеялся мальчишка.

— Вот именно. Политика — это тоже игра. Только очень большая и важная. И, чтобы

победить в этой игре, царям и королям, и их помощникам приходится делать много разных обманных шагов и говорить неправду, — Ратмир продолжил шёпотом. — Здесь очень важны умения быстро мыслить и принимать нужные решения. И, возможно, что посланник папы римского и не думает про Русь ничего плохого. Но действовать он будет только в интересах своей Италии.

— А мы будем действовать в интересах нашей Руси — матушки! — подала тихий голос карлица Авдотья. — Так ведь, Теодорка?

— Конечно! — кивнул тот и вопросительно посмотрел на свою мать Елену. Та, сидя на скамье в костюме итальянского скомороха, весело улыбнулась ему.

— А я вот считаю... — шёпотом начал, было, старик Никифор, повернувшись к карлице лицом, но в этот момент в дверном проёме их комнатухи показалась крепкая фигура одного из опричников:

— Вы что ли итальянские потешники будете? — неожиданно громко пробасил он, обводя присутствующих цепким взглядом.

Ратмир кинул взгляд на старика Никифора и тот тут же кивнул:

— Да, это мы.

— Тогда живо все за мной. Да, и сразу все свои вещи с собой берите для представления. Чтобы не бегать с вами туда-сюда каждый раз. Я за вами следить приставлен. Так что ни шагу в сторону без моего ведома! Ясно? — нахмурил он свои редкие белесые брови. Ратмир перекинулся взглядом с силачом Василием и дедом Никифором и, молча поднявшись с места, подхватил баул с разными вещами для выступления. Остальные скоморохи последовали его примеру. Опричник повёл их узкими длинными коридорами, заполненными почти бесшумно пробирающимися вместе с ними или в обратную сторону разряженными, с накрашенными лицами певцами, музыкантами, танцорами. Почти через каждые три метра вдоль стен высились истуканами молчаливые, рослые фигуры опричников с саблями наперевес. Они зорко присматривали за приглашенными. Ратмир только подивился про себя тому, как Теодорке удалось проскочить мимо такой охраны и добраться аж до самого тронного зала.

Через несколько минут опричник остановился и махнул им рукой. Скоморохи встали как вкопанные, молча следя за каждым его движением. Из-за плотных деревянных резных дверей, оббитых железными узорами, глухо доносились мужские и женские голоса, удалые переливы балалайки, звон серебряной и хрустальной посуды.

— Ждите, — коротко бросил он им и, с усилием приоткрыв дверь, исчез за ней. На мгновение скоморохи громко слышали весёлые звуки застолья и почувствовали густой, дурманящий запах еды, винных паров и каких-то благовоний. Двое крепких, рослых стрельцов, охранявших дверь, безразлично смотрели на них. Последние переглянулись и улыбнулись друг другу. Один Ратмир стоял в маске грустного Арлекино. В этот момент дверь опять приоткрылась, и вновь в узенький коридор ворвались звуки и запахи шумного богатого царского застолья. В проёме двери показалась красная от напряжения физиономия боярина Фёдора Басманного, ведавшего в тот день всеми музыкантами и потешниками. — Эти что ли итальянские потешники? — недовольно прошептал он стоявшему за его спиной бородатому опричнику, окинув презрительным взглядом скоморохов. — Что такие неказистые? Получше не могли найти? Ну, да ладно, леший с вами, проходите вон туда в ближний угол. Сейчас девки допляшут, и вы начнёте следом представлять, — прошептал он скоморохам. Те, молча, просочились в дверь, из-за которой доносились оглушительные

звуки происходящего веселья...

Скоморохи оказались в большом зале с высокими овальными сводами. Выкрашенные в жёлтый цвет стены зала были разрисованы цветными замысловатыми узорами. Горевшие ярким огнём толстые белые восковые свечи находились прямо над головами пирующих, на подвешенных цепями к потолку тяжёлых медных подсвечниках. Вдоль стен были расставлены большие деревянные столы, накрытые искусно вышитыми скатертями. Сами столы ломились от обилия еды, выложенной на золотых и серебряных блюдах. Серебряные же и хрустальные кубки пенились заграничным рубиновым вином и ядреным русским сбитнем. В маленьких, отливающих серебром стопках, прозрачной слезой отдавала пшеничная водка. Куски жареного мяса всех сортов аппетитно румянились, обложенные янтарно-оранжевыми и ярко-жёлтыми дольками привезённых из южных стран апельсинов и лимонов. Огромные пироги, украшенные искусно испечёнными листочками, цветами и журавлями, источали необыкновенно вкусный аромат мясных, грибных и прочих начинок. Выложенная на длинных подносах отварная и жареная рыба разных сортов была украшена овощами, зеленью и красными раками с янтарными большими виноградинками в клешнях.

Струдившись за широкой колонной в правом углу большого зала, скоморохи с нескрываемым изумлением оглядывались вокруг себя. Ратмир, стоявший в грустной маске Арлекина, казалось, был спокоен и безразличен к происходящему. Лишь чей-то внимательный взгляд мог бы заметить, с какой живостью его серые глаза разглядывали присутствовавших в зале людей.

Вот он несколько секунд рассматривал людей, сидевших за самым большим столом, находившимся на возвышении около центральной стены. Стол был покрыт белоснежной скатертью, украшенной золотыми кистями по краям, и заставлен сплошь золотой посудой со снедью и напитками. В центре стола сидел сам Великий государь — царь Иван Четвёртый. На голове у него была богато украшенная драгоценностями соболиная шапка. Поверх неё была надета золотая корона с острыми, длинными зубцами. Он то и дело обтирал рукавом обшитого золотыми нитями кафтана взмокший от духоты лоб и, кидая внимательные взгляды на важных гостей, сидевших за соседним столом, что-то шептал на ухо четырнадцатилетнему сыну — царевичу Ивану, сидевшему по левую руку от него. Второй же царевич — сытый, одиннадцатилетний Фёдор, сидел рядом с братом. Он, зевая, посматривал по сторонам, явно скучая от всего происходящего. За спиной царя стоял один из двух толмачей-переводчиков, позванных на данную ассамблею, Дениска Матвеев. Свободно владея итальянским, немецким, татарским и арабским языками, он справно переводил царю все речи, с которыми выступали здесь приглашённые гости.

По правую руку от царя сидела его жена — двадцатитрёхлетняя Мария Темрюковна. Темноволосая, темноглазая красавица в украшенной драгоценными камнями тоже соболиной шапке, натянуто улыбаясь, зорко следила за правой стороной зала, где за столами трапезничали и изображали веселье приглашённые бояре. Последние явно чувствовали себя не в своей тарелке, стараясь не встречаться с ней взглядом. Царица же нехотя ковырялась золотой вилкой в своей золотой тарелке, пытаясь при этом расслышать хоть что-нибудь из того, что шептал своему сыну государь. Стоявший за их спинами стольник Василий Хомутов внимательно следил, чтобы на этот стол подавали только проверенные блюда и напитки. Также за царским столом сидели наиболее приближённые лица государя, среди которых Ратмир тут же узнал боярина Саврасова Луку Дементьевича. Последний сидел с озабоченным лицом, и, казалось, мало обращал внимания на происходящее в царских

палатах. Митрополит Филипп, сидевший рядом с ним, также безрадостно ковырялся вилкой в своей тарелке, искоса бросая взгляды на веселившихся бояр. За их спинами не спеша прохаживался сам Малюта Скуратов со своим племянником — молодым невысоким Богданом Вольским. И у самой стены стояли, словно вросшие в стену, здоровенные опричники с пистоллями наперевес.

Прямо перед царским столом на свободной площадке статные, румяные девки под балалайку выплясывали «Лебедушку». По кругу с ними, забавляя народ ужимками и неуклюжими прыжками, с шутовским колпаком на голове и с бубном в руках кружился придворный царский шут — князь Осип Гвоздёв. Стоявшие по краям площадки, щедро заставленные разнообразной снедью, столы занимали послы разных государств со своей свитой и приглашённые государем сановники.

Дольше всего Ратмир задержал свой взор на людях, сидевших за столом для высоких гостей. Взгляд его стал веселее и он, не торопясь, поочерёдно рассматривал каждого из них. Вот сам посланник папы римского — Лоренцо Романо — с довольным видом, поглядывая на плясуний, переговаривался с сидевшим по правую от него руку молодым красавцем в богатом камзоле Антонио. Склонялся он с улыбкой на гладком, безбородом лице и к сидевшей слева графине Терницкой. Также за их столом находились, внимая каждому слову посланника, около восьми молодых, гладко бритых мужчин. Принимали участие в оживлённой беседе и другие представители итальянского посольства. Не отходили от их стола польские, литовские дипломаты. Каждый из них с почтением обращался к посланнику папы римского. Как приклеенный стоял прямо за креслом посланника царский толмач-переводчик Алексей Кумачёв, выполнявший также обязанности соглядатая.

В этот момент девки закончили плясать и, размахисто откланявшись красными платочками в руках, степенно удалились гуськом друг за другом из трапезной.

Озабоченный Фёдор Басманов подбежал к царскому столу и что-то быстро проговорил Великому государю. Тот хитро посмотрел в сторону дорогих гостей и кивнул. На лице Басманова тут же расплылась улыбка и он, перекрывая все голоса и шумы в зале, громогласно объявил:

— Толмач, переводи. А теперь, дорогие гости, у нас для вас подарочек. Повеселить вас на ваш итальянский лад позвали мы скоморохов-потешников, — и, кинувшись в угол зала за колонну, поманил рукой скоморохов к себе и тихо их предупредил, погрозив увесистым кулаком: — Ну, ребята, только не осрамитесь. Иначе быть вам под плетью! Сам Малюта за вас поручился.

Ратмир видел, как толмач, склонившись к уху посланника, перевёл ему слова Басманного. Посланник, улыбнувшись, кивнул и выжидательно уставился на площадку для выступлений.

— Всё будет хорошо, — тихо произнёс Ратмир и первым шагнул в сторону площадки, играя на небольшой, вытянутой, узкой гитаре весёлую мелодию валланеллы «Chi la gagliarda».

Следом за ним, выстроившись парами и вытанцовывая, вышли в разноцветных костюмах скоморохов Елена с Теодоркой, карлица Авдотья с богатырём Василием и старик Никифор с Андрейкой. В зале раздались громкий смех и крики.

— Эй, ты только глянь на этих потешников! Ай да карлик-скоморох! А старый-то, старый-то как ногами кренделя выделяет! — послышалось с разных сторон.

Только за столом с высокими гостями царило лёгкое оживление, а сам посланник папы

не сводил глаз со стройного, грустного Арлекино, игравшего на гитаре. В этот момент толмача Алексея Кумачёва Басманный на минутку отвлёк каким-то разговором и посланник, воспользовавшись моментом, прикрыл как бы случайно рот рукой и подтолкнул локтём соседа:

— Почему он в маске? — тихо спросил он у Антонио на латинском языке.

— Предупредил, что в зале, возможно, будут люди, знающие его в лицо и под другим именем, — охотно пояснил тот, также, не сводя глаз со скоморохов.

Ратмир закончил играть, скоморохи прекратили танцевать и все дружно, красиво, поклонились зрителям.

— Мы — скоморохи русские, пришли специально поприветствовать дорогих гостей нашего Великого государя. Дозволишь ли, Великий государь, обратиться к твоим гостям на итальянском языке и говорить с ними так и далее? — обратился Ратмир к царю кукольным, деревянным голосом и поклонился ему большим обычаем.

— Валяй, скоморох, талдычь с ними на их языке. Вас для этого сюда и позвали, чтобы приятное сделать нашим дорогим гостям. Переведи посланнику, толмач, — обратился Великий государь к стоявшему за спинами дорогих гостей толмачу Алексею Кумачёву. Тот закивал и подобострастно склонился к гостям из Италии. Посланник чуть откинулся спиной к нему, выслушивая перевод. Затем благосклонно улыбнулся и приветственно помахал рукой Великому государю.

Ратмир опять поклонился большим обычаем царю, затем в пояс — столу с итальянскими гостями и, вернувшись к своим скоморохам, кукольным деревянным голосом громко скомандовал: «Ап!»

И скоморохи начали выступление...

Зрители не успевали поражаться их мастерству и ловкости. Калейдоскопы акробатических трюков сменялись силовыми упражнениями. Коронный номер с факелами привёл в неопишуемый восторг присутствовавших. Сыновья Великого государя — царевичи Иван и Фёдор, открыв рот, наблюдали за происходящим на площадке. Даже, казалось, ко всему привычные стрельцы и опричники, стоявшие, словно вкопанные вдоль стен зала, не могли сохранять видимость безразличия и с нескрываемым любопытством следили за номерами скоморохов. Всё это сопровождалось итальянскими фразами, которыми обменивались все скоморохи, за исключением Андрейки.

Ратмир периодически обращался к высоким гостям на итальянском своим кукольным, деревянным голосом, комментируя выступление своих товарищей. Толмач Дениска Матвеев тут же негромко переводил все фразы на ухо Великому государю. Посланник Папы в свою очередь периодически кидал на Ратмира внимательные взгляды и с довольным видом переговаривался со своими соседями по столу.

— И в конце нашего представления мы сейчас споём для всех гостей известную итальянскую балладу о любви, — деревянным голосом объявил Ратмир. Подбежавший Теодорка подал ему гитару. Ратмир провёл сильными пальцами по туго натянутым струнам и запел красивым, низким голосом. В зале неожиданно наступила тишина, такой красивой и печальной показалась всем эта песня на прекрасном итальянском языке.

— Один из его козырей, — едва слышно произнёс Антонио, склонившись к посланнику. Но по лицу последнего пробежала гримаса неудовольствия, и он всем видом дал понять, что хочет послушать балладу. Антонио поджал губы и чуть отстранился от своего высокопоставленного соседа.

Ратмир в маске Арлекино продолжал петь. От его внимания не ускользнула эта маленькая сценка. В этот момент из-за колонны показалась фигурка Елены в костюме скомороха. Она запела нежным, высоким голосом в унисон с Ратмиром. На глазах у многих женщин и некоторых мужчин заблестели слёзы.

Сидевшие вместе за праздничным столом бояре Усов Семён Иванович и Пешков Антон Спиридонович переглянулись.

— Наш пострел везде поспел, — тихо произнёс Семён Иванович, чуть склонившись в сторону боярина Пешкова. — Я-то вначале сомневался, но, увидев эту карлицу с рыжим великаном, вспомнил, что это его люди. Ты им помог сюда попасть?

— Ратмир ко мне не обращался, — покачал головой тот.

— Хм, интересное дело... Каким же макаром они здесь очутились? — удивлённо поползли вверх брови боярина Усова.

Песня закончилась, но неожиданно для всех посланник папы попросил повторить её. Исполняя её вместе с Еленой повторно, Ратмир вдруг обратил внимание, каким цепким, жадным взглядом смотрит на красавца Антонио царица, и понял, что этот взгляд ему совсем не нравится. Ратмир стал быстро соображать, как ему предупредить Антонио. И во время небольшого музыкального проигрыша на гитаре он отрывисто бросил Елене: «Сейчас я допою, а ты бегом переоденься в женское». Елена вскинула на него удивлённый взгляд, но кивнула и, красиво раскланявшись, исчезла за колонной.

Ратмир немного потянул с проигрышем, закончив петь в одиночестве. Затем вновь поклонился и обратился к царю Ивану Чётвёртому своим кукольным, деревянным голосом:

— Великий государь, вот все здесь видели, как танцуют танцы на Руси. А не покажут ли наши гости, как танцуют ныне в чужестранной Италии? А мы с нашим большим удовольствием помогли бы им.

— Хм, почему бы и нет, — усмехнувшись, пожал плечами царь Иван Четвёртый. — Пусть покажут, коли захотят.

Высокие гости, которым толмач Алёшка тут же всё переводил, оживились, с недоумением глядя то на царя, то на скомороха.

— Если он предложит танцевать *Bizzaria d' Amore*, значит что-то хочет мне сказать, — прикрыв рот ладонью, быстро прошептал Антонио в сторону посланника папы и, широко улыбнувшись, громко спросил по-русски:

— А какой танец ты нам предлагаешь станцевать, скоморох?

— Самый любимый танец в Италии — *Bizzaria d' Amore*, — деревянным голосом произнёс Ратмир и махнул рукой Василию и Теодорке. Те быстро забежали за колонну и выбежали оттуда с флейтой и маленьким барабаном. Следом за ними из-за колонны показалась Елена в нарядном платье и подколотыми вверх волосами, украшенными маленькими розочками.

— Графиня, прошу вас составить мне пару, — поднимаясь с широкой лавки, накрытой тёмно-вишнёвым бархатом, произнёс Антонио и протянул молодой женщине руку. Та пожалала плечами и с озорной улыбкой вскочила со своего места. Посланник папы римского довольно улыбнулся, сложив ладони на животе.

Далее Ратмир встал напротив Елены, а Антонио в линию с ним — напротив графини Терницкой. Ратмир сделал знак правой рукой, и зазвучала флейта. К ней присоединился барабан. Танцевавшие дамы и кавалеры вначале поклоном на одно колено поприветствовали друг друга, а затем, чуть подпрыгивая на каждом шагу, стали выполнять незамысловатые па.

Присутствующие в зале замолчали, с интересом наблюдая за танцем. В какой-то момент Ратмир с Антонио оказались в паре.

— Царица с тебя глаз не сводит. Может всё плохо кончиться, — негромко прошептал Ратмир. Его лица не было видно из-за маски.

— Я уже почувствовал это, — задержав руку возле рта, быстро отозвался Антонио

— Здесь очень любят сажать любовников на кол.

— И это мне известно. Что предлагаешь?

— Только одно. Она не выносит противоестественный блуд. Могу подыграть, — серые глаза Ратмира в маске были серьёзны и тревожны.

— Эх, прощай моя репутация! Давай, — шёпотом отозвался красавец Антонио, убедившись в этот момент, что мрачно-пристальный взгляд царицы, действительно, опять нацелен именно на него.

— Тебе начинать, — усмехнулся в маске Ратмир.

Антонио обречённо вздохнул и начал изображать пробуждающийся интерес к стройному скомороху. Он сделал несколько якобы шутливых попыток заглянуть под его маску, одновременно как бы случайно дотрагиваясь руками до его рук, спины и бёдер. Ратмир, в свою очередь, стал изображать беспокойство и недоумение.

— Гляди-ка, а этот итальяшка-то, похоже, ещё тот фрукт! — с изумлением глядя на танцующих, произнёс боярин Пешков.

— Вот тебе и фунт изюму! — вторя ему, усмехнулся боярин Усов. — Я всегда говорил, что эти иноземные гости ничему хорошему не обучены. Толку от них ни на грош. Одни танцы, да песенки, да разврат на уме. Тьфу!

— Как Ратмир-то это терпит?! — тихо возмутился боярин Пешков. — Я на его месте уже давно бы этому поганому итальяшке по зенкам вдарил бы.

Шёпот и смешки побежали по залу. Приглашённые, изумлённо переглядываясь, перешёптывались между собой. Теодорка с Василием продолжали машинально наигрывать мелодию. Елена с невозмутимым лицом продолжала выделывать па, изредка поглядывая на графиню Терницкую. Последняя, покрасневшись от едва сдерживаемого смеха, также старательно выполняла танцевальные фигуры, стараясь не смотреть на танцующих мужчин. Лицо посланника папы римского было каменным.

Ратмир повернулся в пируэте и кинул быстрый взгляд на царицу. Та сидела, поджав губы. Её лицо выражало такое отвращение, что у Ратмира не осталось никаких сомнений в том, что весь этот спектакль сейчас они с Антонио разыграли не зря. На лице царя при этом отображалась целая палитра эмоций — от изумления, брезгливости до беспокойства и нерешительности.

— Просьба к тебе, Антонио, — поворачиваясь в пируэте, тихо произнёс по-итальянски Ратмир. — Пусть помощник спросит разрешения для меня у Учителя на исполнение главного для меня дела. Учитель знает, о чём речь. Я ведь теперь так близок к цели.

— Я обязательно передам, брат, — в поклоне ответил Антонио.

— Вижу, что царице уже не до тебя, — усмехнулся под маской Ратмир.

— Благодарю, брат, — шепнул Антонио Ратмиру напоследок и, отскочив в сторону на заключительном па, послал ему воздушный поцелуй. Ратмир жестом отправил этот поцелуй в сторону графини Терницкой и, раскланявшись, ушёл за колонну, где его уже ждали все скоморохи вместе с Басманным.

Пир продолжался. Царица сидела с угрюмым выражением лица и старательно избегала

смотреть на высоких гостей из Италии, увлечённо переговаривавшихся на мелодичном итальянском языке. Пригубив хрустальный бокал с наливкой, она уставила свой мрачный взгляд в другой угол палаты, где за столами расположились бояре.

Внезапно какая-то мысль сверкнула в её тёмных глазах и она, резко склонившись головой к плечу царя, что-то негромко начала говорить. Великий государь вначале слушал её с полнейшим безразличием, но затем его лицо вначале налилось краской от гнева. Ещё через несколько мгновений выражение гнева сменилось озадаченностью, после чего глаза его прищурились и губы растянулись в хищной улыбке...

— Быстро, быстро взяли свои котомки и за дверь! — тихим недовольным голосом скомандовал скоморохам Басманный и сочувственно посмотрел на Ратмира. — Да, брат, досталось тебе от этого поганца. Ну, молодец, что вытерпел, а то не миновать бы политического скандалу. Нам сейчас только этого не доставало.

Скоморохи под его командованием, молча, цепочкой быстро вышли в узкий коридор и направились в свою комнатёнку. Неожиданно дверь, из которой они только что вышли, опять распахнулась, и в дверном проёме показалась коренастая фигура Малюты Скуратова:

— Эй, скоморохи, стоять! — рявкнул он, держа в руке наполненный водкой серебряный кубок.

Скоморохи встали, лицо Ратмира побледнело под маской. Опричник быстро нагнал их.

— Держи, скоморох, это тебе, — неожиданно Малюта Скуратов протянул Ратмиру отливающий серебром в отсвете горящих свечей кубок. — Великий государь тебе посылает холодной водочки прямо со своего стола. Сказал, что молодец, что не дал итальяшке возможности допустить скандал.

— Так я сейчас не выпью, — кукольно-деревянным голосом ответил Ратмир, опустив глаза и не торопясь брать кубок. — Вдруг опять позовут петь, а мне холодное для горла очень некстати.

— Эх, дурашка ты, скоморох! Радуйся, что живым оттуда вышел. Больше тебя уже точно туда не позовут. А вот маску свою мне отдай. Царь веселиться надумал, — Скуратов потянулся было другой рукой к его лицу, но Ратмир ловко увернулся и схватился обеими руками за маску.

— Не могу тебе эту отдать, — кукольным голосом запричитал он. — Клеена она у меня прямо на лицо, отдирать больно, только отмачивать. Давай я тебе другую дам — поновее и почище. Василий, скорее достань из котомки белую с красным маску.

— Ну, ладно, — пожал плечами Малюта Скуратов, продолжая держать в правой руке полный серебряный кубок. — Давай другую, только поскорее. А кубок этот заberi.

— Так как же мне его потом вернуть царю? — не поднимая глаз, спросил тем же голосом Ратмир, протягивая Малюте красивую итальянскую карнавальную маску. Взамен он взял протянутый тяжёлый кубок с царскими вензелями.

— А и не нужно тебе кубок возвращать. Это щедрый дар тебе от нашего кормильца, — усмехнулся Малюта.

— Низкий поклон Великому государю, — поклонился Ратмир в пояс Малюте Скуратову и, как бы между прочим спросил: — А что собирается Великий царь делать с этой маской?

— А это уже не твоего ума дело, — неожиданно раздражённо ответил тот, но нехотя пояснил: — Хотя, какая теперь разница. Сейчас наш кормилец кое-кого из бояр уму-разуму будет учить. Из тех, кто больше всех плевался, глядя на то, как ты унижение принимал от этого итальяшки. Сам теперь в маске скомороха просидит сегодня всю трапезу.

Ратмир опять поблел под маской, но промолчал. Скоморохи зашли в свою комнатку и тихо расселись по лавкам.

— Я же не знал, что так получится, — неожиданно произнёс Ратмир и прижал руки к маске на лице.

— Невозможно всё угадать, Ратмир. Глядишь, обойдётся, — присел рядом с ним старик Никифор и прикрикнул на остальных: — Что зенки-то вылупили?! Ешьте, давайте, да пейте. Пока до постоянного двора доедем — успеем сто раз изголодаться.

Глава 9

Пока скоморохи трапезничали в своей комнатке, в большой царской палате продолжался пир. Приглашённые гости оживлёнными возгласами приветствовали очередную смену блюд. Стольничий Василий Хомутов негромко командовал своими помощниками в красивых кафтанах и мягких ичигах, обносивших золотыми тарелками со снедью царский стол. Кравчий следил за тем, чтобы бокалы и фужеры гостей не пустовали, и самолично подливал сладкой сливовой наливки в хрустальный бокал царицы, которая в этот момент что-то увлечённо нашептывала на ухо Великому государю, кося недобрым глазом в сторону столов с боярами. Те же несколько расслабились — царская водка сделала своё дело. Бояре с покрасневшими, потными лицами весело переглядываясь, хватали с золотых тарелок куски мяса, пирогов. Серебряными ложками зачерпывали из больших серебряных ваз отварных раков вместе с кусочками фруктов на грушевом взваре. Серебряными вилками, помогая себе краюшками пышного белого хлеба, перекладывали с огромного золотого блюда куски богато украшенной зеленью и лимонами астраханской осетрины... Они гулко хохотали над шутками боярина Пешкова, увлечённо изображавшего сценку танца скомороха Ратмира и итальянца Антонио.

Вот Великий государь сам зловеще расхохотался в ответ на какие-то последние слова молодой царицы и громко крикнул, обращаясь к сидевшим в углу боярам:

— Эй, вы там — Сёмка Пешков да Антошка Усов, выходите сейчас на круг передо мной.

В зале почти сразу наступила тишина, только посланник папы римского продолжал переговариваться на итальянском со своими соседями по столу, но и он быстро замолчал после нескольких тихо сказанных слов красавчика Антонио. Все присутствующие молча наблюдали за тем, как тяжело, неуверенно выбираются из-за стола бояре Усов и Пешков. С багровыми, растерянными лицами они прошли в центр круга и предстали перед Великим государем и его приближёнными и поклонились ему в пояс.

— А что, поклона большим обычаем я уже не достоин? — насмешливо спросил Иван Четвёртый.

— Прости, Великий государь, — спохватился боярин Пешков и, торопливо сняв левой рукой шапку с головы, правой коснулся левого плеча и поклонился низко, коснувшись рукою пола. Боярин Усов также воскликнул: «Прости, царь-батюшка» и тоже истово поклонился большим обычаем. Сидевший за одним столом с Великим государем боярин Саврасов опустил глаза, чтобы не выдать себя взглядом.

— То-то же! А то я смотрю, вы развеселились не на шутку, не хуже скоморохов, — усмехнулся Иван Четвёртый и заговорщицки переглянулся с царицей. Потом резко хлопнул по столу: — Ну, так тому и быть. Дозволяю одному из вас сегодня потешить нас, повеселить моих гостей. Вот тут у меня припасена дивная шутовская маска. Сказывают, что прямо из

Италии, — в руках царя появилась итальянская бело-красная, шелковая маска. — Решайте теперь сами, кто из вас в этой маске всю ассамблею будет наш народ честной веселить. А своему главному шуту — князю Осипу Гвоздеву — дам-ка я на сегодня выходной. Пусть за вашим столом, да на вашем месте попирует всласть. Эй, Осип, иди, садись на боярское место, да пируй там сегодня, — крикнул царь, обращаясь к опешившему тщедушному в шутовском колпаке князю Осипу Гвоздеву: — Давненько ведь среди бояр не сиживал. А нас сегодня позабавит другой боярин. Ну, вы там решили, кто из вас сегодня шутком царским представлять будет?

Багровые от смущения и злости бояре Усов и Пешков старались не смотреть друг на друга. Они стояли, молча, тяжело дыша и опустив глаза в пол.

— Негоже так, Великий государь, уважаемых бояр принижать. Они ведь тебе честно служат, — негромко произнёс сидевший за боярским столом боярин Саврасов Лука Дементьевич. — Зачем на бесчестие верных тебе людей выставляешь?

В палате наступила звенящая тишина. Слышно было только, как потрескивают горящие свечи, и шёпот сидевшего рядом с посланником папы римского Антония, переводившего тому слова боярина Саврасова к явному неудовольствию царского толмача Алёшки Кумачева. Посланник папы пристально посмотрел на боярина Саврасова.

— Кх-м... — только и произнёс Великий государь. Брови его удивлённо поползли вверх, и он медленно повернул голову в сторону боярина Саврасова. Тот смело встретил изумлённый взгляд царя.

— Говоришь, уважаемых бояр принижая. Верные мне люди, говоришь... И чего это я тогда сюда — в Александрову слободу — перебрался от верных-то мне бояр?! Не знаешь, а, Лука Дементьич? — зловеще тихим голосом спросил Великий государь, не спуская с боярина Саврасова прищуренных глаз.

— На то была великая твоя воля, государь, — не отводя глаз, ответил тот. — А про бояр я правду говорю. Вернее псов они тебе служат, а ты их, Великий государь, на такое позорище выставляешь.

— Ой ли... Позорище, говоришь, потешить царя-батюшку... — царь Иван Четвёртый также медленно отвернулся от боярина Саврасова и пожал плечами. — Ну, тогда сам выручай своих товарищей, Лука Дементьич. Избавь их от позорища. На-ка, держи вот эту масочку и иди сам в круг. Сегодня ты будешь у меня на пиру главным шутком. Да весели народ как следует, иначе не миновать тебе плетей за неподобающее представление, — и царь, не глядя, протянул маску боярину Саврасову.

Бояре Пешков и Усов испуганно переглянулись и, опустив головы, вперили свой взор в пол. Остальные бояре, находившиеся в царских палатах, также опустили глаза и прекратили жевать, боясь привлечь хоть какое-то внимание Великого государя. С большим интересом и вниманием следили за происходящим представители посольств и иных служб, приглашённые на пир.

Белое как мел лицо боярина Саврасова начало синеть. Он не сводил глаз с протянутой в его сторону царской руки с бело-красной шутовской маской и ловил ртом воздух, чувствуя, как невидимый железный обруч сковал его грудь и не давал вздохнуть.

— За что ты так со мной, государь? — внезапно осипшим голосом произнёс он, переводя ошеломлённый взгляд с царской руки на его лицо. — И я, и родители мои, и прадеды мои служили верой и правдой и предкам твоим, и твоему отцу, и тебе, Великий государь.

— Вот и послужи мне сегодня шутком верным! — неожиданно взвизгнул царь и махнул рукой с маской стоявшему рядом Малюте Скуратову. — Вон его из-за стола, да и в маске на круг тащите. Пусть начинает забавлять меня и моих гостей. А то слишком много стал себе позволять, выкормыш боярский.

Лёгкий шёпот пронёсся по царским чертогам. Изумлённые гости в растерянности наблюдали за происходящим. Никто из ближайшего окружения даже и не пытался больше заступиться за бояр. Дьяк Разбойного приказа Лаврентий довольно ухмыльнулся.

Малюта Скуратов, хищно ощерившись, махнул рукой дюжим опричникам, и те, молча вцепившись с обеих сторон в руки и плечи боярина Саврасова, одним махом вытащили его из-за стола, и только треск рвущейся парчи и хрип сопротивлявшегося боярина нарушили установившуюся тишину. Боярина Саврасова протащили в центр круга. Двое дюжих опричников скрутили ему руки за спину, а двое других стали натягивать на лицо бело-красную маску.

— Что же ты делаешь, государь?! — придушенным голосом, удерживаемый на коленях двумя здоровенными опричниками, прохрипел под маской боярин Саврасов. — Что же ты верных слуг своих такому бесчестию отдаёшь?! Это же не мне бесчестие ты наносишь. Это же ты себя позоришь, Великий государь, на весь мир! Вон твои заморские блудливые гости как жадно смотрят да ликуют, что ты им свою слабинку показываешь.

В это время посланник папы римского с нескрываемым неудовольствием смотрел на происходящее. Он внимательно слушал толмача Алексея Кумачёва, поджав губы. В какой-то момент посланник хотел было привстать и вмешаться, но Антонио мягко остановил его за руку и что-то тихо произнёс. Посланник недоверчиво посмотрел на него, покачал головой, но сел на место, кинув презрительный взгляд на толмача. Тот с заискивающей улыбкой продолжил торопливо переводить и пояснять происходящее на кругу.

— Отпустите его, — неожиданно приказал царь Иван Четвёртый.

Опричники нехотя отпустили свою добычу, но остались на месте, готовые в любой момент вновь кинуться на боярина Саврасова. Тот с усилием поднялся, стащил с себя маску и, кинув под ноги, растоптал её. Тяжело дыша, потрёпанный, раскрасневшийся, с безумно сверкающими глазами, он гневно посмотрел на царя:

— Доволен ли ты теперь, Государь? Понравилось ли тебе моё представление?

— Пожалуй, — протянул Великий государь, задумчиво глянув на боярина Саврасова, и кивнул ему: — Иди себе, Лука Дементыч, отсюда прочь. О своём решении твоей дальнейшей участи я сообщу потом.

Царь Иван Четвёртый подал знак рукой опричникам и те, подхватив боярина за плечи, увели его с круга за большие тяжёлые двери. Царь взглядом подозвал к себе Малюту Скуратова и что-то прошептал ему на ухо. Тот привычно хищно ощерился, кивнул и быстро направился в ту же сторону. Присутствовавшие в царской палате гости, молча, проводили его долгим взглядом.

— А что это гости мои дорогие мы пригорюнились, да приутихли? — нарочито весёлым голосом воскликнул Великий государь. — А ну-ка Федька Басманов, тащи сюда гусяров, да балалаечников. А ты, Алёшка, переведи нашим дорогим гостям, что сейчас будем танцы танцевать, да тоску разгонять. Я сам с царицей своей вам всем пример покажу!

В это время шедшего по моментально обезлюдевшему длинному, узкому коридору в сопровождении двух опричников боярина Саврасова догнал Малюта Скуратов. Боярин оглянулся, и в глазах его мелькнули ужас и страх. Не помня себя, он, тяжело дыша, на

непослушных, ватных ногах побежал вперёд...

— Кончайте его прямо сейчас, — отрывисто бросил Малюта опричникам. Те тут же достали кинжалы и кинулись вдогонку. Через несколько секунд слышались звуки борьбы и отчаянный крик смертельно раненного человека.

— Что с ним дальше делать? — крикнул один из опричников, вытирая о полу парчового кафтана боярина Саврасова окровавленный кинжал.

— Оттащите подальше, да в ров киньте. Завтра кормилец наш пойдёт гулять, да и увидит его. Вот ему и станет приятно, — усмехнулся Малюта Скуратов и, повернувшись, направился обратно, в большую царскую палату.

Опричники схватили безжизненное тело боярина Саврасова за ноги и потащили к противоположному выходу. На улице уже смеркалось. Опричники дотащили тело до глубокого рва, окружавшего Александрову слободу, и, подталкивая ногами, отправили его вниз по насыпи.

За несколько секунд до этого из чёрного входа вышли скоморохи с котомками в сопровождении двух опричников. Ратмир по-прежнему был в маске. Они успели пройти всего несколько шагов, когда увидели, как из другой двери два дюжих опричника протащили за ноги какого-то человека и скинули его в ров. Скоморохи переглянулись, но промолчали.

— Всё, — неожиданно воскликнул один из сопровождавших их опричников. — Дальше дорогу знаете. Там у поста вас ждёт ваша повозка. Догорода проедете сами вот по этой дорожной памяти. — Он протянул старику Никифору бумагу и кивнул своему товарищу. Они оба поспешили в сторону тех опричников, что скинули какое-то тело в ров. Догнали их и, весело переговариваясь между собой, все четверо дружно направились обратно во дворец.

— Стойте, — негромко произнёс Ратмир скоморохам. — Подождите меня здесь. Мне нужно быстро сбегать и посмотреть, кого они скинули в ров, — Ратмир глянул на старика Никифора и добавил: — Уж очень он мне напомнил одного боярина.

Тот кивнул:

— Иди, Ратмир. Мне тоже показалось, что это наш знакомец...

Ратмир быстро спустился по отрывистой стороне рва к темневшей почти у самой воды бесформенной массе. Масса оказалась человеком, лежавшим на животе с раскинутыми руками и ногами, лицом вниз. Ратмир узнал затылок боярина Саврасова и простонал сквозь зубы. Внезапно он увидел, как шевельнулся согнутый мизинец на правой кисти боярина. Ратмир подошёл ближе и, с усилием перевернув тело на спину, посмотрел на залитое кровью лицо. На испачканных землёй губах боярина ещё пузырилась кровавая пена, но дыхание уже было редким и поверхностным. Внезапно боярин Саврасов открыл глаза, и его замутнённый взор, остановившись на маске Арлекино, стал проясняться.

— Т-ты б-был п-прав, Р-ратмир... — едва слышно прошептал, с трудом делая вдох, боярин Саврасов. — З-зря я т-тогда н-не п-послушал т-т-тебя...

Внезапно глаза его закатились, дыхание участилось. Тело боярина Саврасова несколько раз дёрнулось в судороге и замерло. Больше он не дышал.

Ратмир протянул руку к его лицу и прикрыл ещё тёплые, морщинистые веки. Потом он поднялся и медленно направился к своим товарищам, ожидавшим его у дороги.

Глава 10

Утром следующего дня в царских палатах появился митрополит Филипп.

— Велел ли ты вчера умертвить боярина Саврасова, Великий государь? — митрополит Филипп встал перед тронем царя и вперил в него укоризненный взгляд.

— Не твоего ума это дело, Владыко, — ответил тот, листая какую-то большую книгу.

— Как — не моего?! — возмутился тот. — Человек тебе правду сказал, а ты его бросил на съедение своим псам-опричникам.

— Владыко, тем разом мы уже с тобой договорились, что не будешь ты трогать моих опричников и будешь просто властвовать над всей русской церковью. Что тебе ещё нужно? — захлопнул старинный фолиант царь. — Вот иди и занимайся своей паствой, а в мои дела и решения не лезь.

— Не по-божески ты поступаешь, Великий государь, — покачал головой расстроенный митрополит Филипп. — Пример какой подаёшь всему народу русскому! Как же любить-то тебя он будет после этаких расправ?

Царь Иван Четвёртый поднял голову и исподлобья посмотрел на митрополита.

— А меня любить не нужно, Владыко. Меня бояться нужно. Не забыл ли ты, что я — наместник Бога на земле. И чего желаю я — значит того желает и Бог. И только он один мне судья, — зловеще тихо произнёс он, не мигая.

— Грех страшный берёшь на душу свою, — покачал головой архиепископ.

— Мой грех — я за него и отвечу, — бросил Великий государь. — Всё у тебя, Владыко, или ещё есть чем укорить? Поберегись, Владыко, не лезь на рожон.

— А иначе и надо мной расправу учинишь? — прямо спросил архиепископ, не сводя с царя чуть прищуренных глаз.

— Все под богом ходим, — вздохнул царь Иван Четвёртый и добавил: — Не люблю я, когда мне слова поперёк говорят. Вот и митрополит Герман до тебя норовил всё поперёк мне разговоры разговаривать. И где он теперь?

Архиепископ Филипп опять покачал головой и, молча, вышел из царских покоев. Великий государь проводил его долгим взглядом.

В это же время в итальянском посольстве проснулся посланник Папы Римского. Его юный помощник Себастьян тут же, молча, и услужливо подал ему белый рушник и подлил горячей воды в большой серебряный таз, стоявший на небольшой резной тумбочке. Посланник улыбнулся ему и, подойдя, к тумбочке, протянул руки над тазом. Себастьян ещё раз на всякий случай проверил указательным пальцем температуру воды в белом фарфоровом кувшине и начал лить её на руки посланника.

В этот момент в дверь тихо постучали, и в комнату заглянул свежий как персик Антонио:

— Могу ли я войти, Ваше Святейшество?

— О, Антонио, конечно же, заходи. Как вчера добрался до дому? — радушно улыбнулся ему посланник. Он сел на заранее приготовленный Себастьяном стул и, откинувшись на его спинку, приподнял подбородок. Его юный помощник уже доставал из специального дорожного сундучка серебряные бритвенные принадлежности. Намылив беличьей лапкой щёки и подбородок своего хозяина, вечно молчаливый Себастьян со скромной улыбкой начал очень аккуратно брить его. Но, заметив короткий знак, поданный рукой посланника, остановился и сделал маленький шаг назад.

— Хотел спросить тебя, Антонио, царь Иоанн всегда таков на своих пирах? Ты ведь как дипломатическое лицо часто бываешь приглашён на эти пиры, — посланник кивнул

Себастьяну и тот вновь подступил к нему с серебряной бритвой.

— Увы, к сожалению, это правда. И я вижу, что это происходит всё чаще и чаще. Иногда мне кажется, что русский царь решил убить всех своих бояр. Ему везде мерещатся предательство и сговор, — усмехнулся красавец Антонио, привычно усаживаясь поудобнее в то же самое кресло на ножках в виде звериных лапок. — Если он и дальше будет так продолжать, то боярам придётся принимать какие-то решения. Иначе он их всех уничтожит.

— Там ведь какая-то история была с его матерью и боярами, после чего он их возненавидел, — чуть отстранившись от острого лезвия бритвы, произнёс посланник.

— Считается, что именно они помогли ей покинуть этот бранный мир. Разумеется — с помощью яда, — кивнул Антонио. — Он же в восемь лет остался без матери, и бояре в тот период имели над ним полную власть. Судя по его сегодняшнему отношению к ним, они тогда этой властью попользовались очень широко. Иногда, кажется, что его можно было бы и пожалеть за то, что ему пришлось пережить в детстве.

— Возможно, — вздохнул посланник и неодобрительно добавил: — Но то, что я видел вчера с тем боярином, мне совсем не понравилось. Он приказал его убить?

— Скорее всего, — неопределённо пожал плечами Антонио и добавил: — Рыжий мужлан, что пошёл вслед за боярином, — главный палач царя — Малюта Скуратов.

— Тот самый? — поднял брови посланник.

— Видите, даже Вы о нём слышали, — опять усмехнулся Антонио. — Но быть палачом — это не основная его работа. Это для него просто забава, увлечение. Основное его занятие — быть правой рукой царя, предугадывать все его желания, даже самые страшные, и исполнять их. От него сейчас очень многое зависит при царском дворе. Кстати, крестник Учителя уже поддерживает с ним знакомство.

— Кто бы сомневался, — довольно усмехнулся посланник Папы.

— Но Малюта Скуратов — очень опасный и непредсказуемый человек, — покачал головой Антонио.

— Напоминайте об этом крестнику Учителя при каждой возможности, Антонио, — посланник серьёзно посмотрел в глаза своему собеседнику. — Мы все ещё очень нуждаемся в своём Учителе и нам нужно, чтобы ничто его не печалило.

— Я понял, Ваше Святейшество, — с готовностью кивнул тот. — Мы не оставим своего брата в беде и в любой момент придём ему на помощь, если понадобится, пока он здесь исполняет свою миссию.

— Я не забуду передать эти слова Учителю, — одобрительно произнёс посланник и вдруг широко улыбнулся: — Ну, не будем более о грустном. Я вчера так был рад увидеть всех наших на царском пиру. Но больше мне понравилось общаться с вами со всеми после царского пира здесь, в нашем посольстве.

— А как были рады наши братья встретиться с вами! — с жаром воскликнул Антонио. — Если так дело пойдёт и дальше, то скоро по всей стране мы сможем здесь открыть свои коллегии и академии и проповедовать истинные ценности.

— Да, усилить католическую веру в этой огромной стране — наша большая мечта, — мечтательно вздохнул посланник и добавил: — Основная сейчас задача для всех вас, живущих здесь — показывать местному народу праведность и привлекательность католических постулатов.

— Согласен, Ваше Святейшество, — серьёзно ответил Антонио. — Мы будем стараться изо всех наших сил.

В это время опять постучали в дверь и молчаливо улыбающийся юный Себастьян, приоткрыв створку двери, жестом пригласил кого-то войти. На пороге появилась с улыбкой на губах цветущая графиня Терницкая.

— Я так хотела увидеть вас вновь, Ваше Святейшество, перед вашим отъездом, — она присела на одно колено около кресла посланника Папы и прикоснулись свежими губами к его сухой руке. — Надеюсь, что вы простите мне эту смелость.

— Ох, и хитра же ты, Агнешка, — усмехнулся Антонио. — Никогда своего не упустишь. Интересно, и чего ты будешь выпрашивать сегодня у Его Святейшества?

— Не ссорьтесь, дети мои, — довольно улыбнулся посланник папы Лоренцо Романо. — Не представляете себе, как я был рад вас всех увидеть. Вы же наша главная надежда в этой стране. Будьте очень осторожны и предусмотрительны. Непредсказуемость русского царя и его людей может привести к непоправимым последствиям.

— Это правда, — неожиданно звонко рассмеялась графиня Терницкая. — Как вспомню их лица, когда они увидели необычный танец Антонио и крестника Учителя — так сразу смех разбирает. Да и наши, что приехали с других провинций Руси, были сильно удивлены. Хорошо хоть здесь им потом всё объяснили. Вот славно повеселились!

— Но ты-то, Агнешка, сразу же всё поняла, — бархатно рассмеялся Антонио.

— Так я по коллегии помню, как вы с крестником Учителя ещё мальчишками всякие шутки вытворяли, что потом всех нас из-за вас заставляли дополнительные уроки делать по живописи и танцам. А вчера, как увидела, что они в танце стали изображать, так едва от смеха удержалась. Думала, лопну от напряжения, — продолжала заливисто смеяться графиня Терницкая.

— Да уж, повеселили вы публику вчера, — добродушно рассмеялся посланник Папы. — Но впредь всё-таки будьте очень аккуратны и берегите друг друга. Нас пока всего чуть более двух тысяч человек, и каждый из вас нам очень дорог. Ваша деятельность в этой стране поможет нашему обществу превратиться в большую и очень важную силу.

Глава 11

Тем временем озабоченный дьяк Лаврентий опять сидел в хоромах Девичьего монастыря и, не скрывая досады, с недовольным лицом выслушивал доклады своих подчинённых. Бесцветные губы его в жиденькой рыжей бородке презрительно кривились, а костяшками пальцев правой кисти он выбивал нетерпеливую дробь по чисто выскобленному деревянному столу:

— Ну, что ты там мямлишь?! Говори скорее — признался этот охранник в совершённом злодеянии? — тонким фальцетом прикрикнул он на стоявшего перед ним дьячка Трифона Разлогова.

— Ох, дьяк Лаврентий! Признаться-то он признался, но только сразу помер после третьей пытки-то, — с досадой почесал тот в затылке.

— Так можно докладывать Великому государю, что злодей пойман и во всём уже повинился или нет? — упёрся в него рассерженным взором дьяк Лаврентий.

— Доложить, конечно, можно. Только ведь, дьяк Лаврентий, ты сам понимаешь, что под такими пытками в чём угодно признаешься, — пожал плечами дьячок Трифон.

— А что, по-бережному нельзя было, что ли, пытать этого стражника?

— Это как? — недоумённо посмотрел на дьяка Лаврентия дьячок Трифон. — Так он

тогда и не признался бы.

— Эх, — вздохнул раздосадованный дьяк Лаврентий и, пожевав свои сухие губы, покачал головой: — Уже трое стражников из тех, что стояли на страже в ту ночь, померли после пыток, а толку ни на грош. За что только вам жалованье казна платит?

— Так ты же, дьяк Лаврентий, сам всё видел! В погребке-то этом аж даже стены были кровью залиты. Мои молодцы там всё обыскали да во все места позаглядывали. И девиц мёртвых этих пока с кола снимали, всех пообщупывали. И главное, никто ничего в тот вечер не видел! Как они туда зашли, чего им ночью там понадобилось? Да и посторонних никого не было! Через мост, да ворота кто проходил в тот день — так они все в книге у сторожевых записаны, — развёл руками дьячок Трифон.

— Выходит, что кто-то из своих девиц порешил, — подперев рукой подбородок, задумчиво произнёс дьяк Лаврентий. — И с чего бы это вдруг? Столько лет уже монастырь этот стоит, все друг друга знают. И на тебе... Дай-ка мне, Трифон, имена всех тех людишек, что объявились на проживание при монастыре за последний год.

— Послушниц?

— Всех: и послушниц, и прихожанок, что на послушании здесь по хозяйству трудятся, и певчих... короче, давай имена всех вновь пришедших в этом году независимо от полу и чина, — дьяк Лаврентий гулко хлопнул ладонью по столу и поморщился.

— Пытать их станем? — осторожно спросил у него дьячок Трифон.

— Коли будет нужда, то и станем, — бросил ему дьяк Лаврентий.

— Ну, так я, может, у охранников на воротах записные книги возьму, да принесу их сюда. Они-то как раз всех записывают, кто в монастырь ходит и зачем.

— Про книги это ты вовремя вспомнил, — нехотя согласился дьяк Лаврентий. — А имена вновь объявившихся здесь людишек за год возьми-ка ты у экономки монастыря. Она-то уж точно знает, кто и когда поселился в монастыре. Пошёл вон скорее.

— Бегу-бегу, дьяк Лаврентий, — спохватился тот и, подбирая полы длинного кафтана, ринулся из комнаты прочь.

Дьяк Лаврентий встал и, подойдя к зарешечённому окну, посмотрел на залитый летним солнцем двор. Там продолжалась обычная монастырская жизнь, и тёмная одежда монахинь была разбавлена разноцветьем кафтанов его подчинённых из Разбойного приказа.

«Да, это тебе не фунт изюму», — неожиданно подумал он. — «Если по быстрому найти злодеев не удастся, то придётся всю вину на стражников возложить. Митрополит Филипп это дело без внимания не оставит. Начнёт Великому государю каждый день настроение портить, кляузы строчить да упрекать в бездействии и излишней жестокости. И так Великий государь уже на него волком смотрит, встреч с ним избегает. А мне от обоих сейчас доставаться будет, если я этих нелюдей быстро не отыщу. Только никак не получается даже мне понять, какие такие твари посмели эдакое в царском монастыре учудить! И за что? Вот ведь незадача какая!»

Он опять вернулся к столу, взял стоявший на подносе фарфоровый кувшин и, налив в серебряную чашку тепловатого сбитня, крупным глотками шумно выпил его. Оттерев тыльной стороной ладони мокрые губы, поставил чашку обратно на поднос и вздохнул: «Ну что же, нечего делать — придётся и мне сейчас этого скомороха заставить на себя поработать. Что ни говори, а убийство дочери боярина Скобелева он быстро разведал. Правда, Светозар Алексеевич-то потом признался, что убийца сумел сбежать с его двора, порешив троих ратников. Но это уже он сам виноват, что не доглядел за ним. Вон мои люди

до сих пор его сыскать не могут».

Дьяк Лаврентий вышел из хором и, стоя на высоком, резном крыльце, приказал своему подчинённому привести к нему келейницу Ефросинью.

— Ну, говори живо, где живёт тот скоморох, что был здесь в тот день, — бросил он смиренно вставшей у порога с опущенными глазами келейнице Ефросинье, неприязненно глядя на неё.

— Да там, на постоялом дворе, что на развилке у разъездной дороги, — тихо, не поднимая глаз, произнесла она. На втором этаже у него комната была. Корчмарь знает. А что — скоморох-то этот всё-таки понадобился, дьяк Лаврентий?

— Пошла прочь, дура! — неожиданно фальцетом крикнул он на неё. — И никому ни слова, понятно?!

— Поняла, поняла, батюшка, — попятилась спиной к двери растерявшаяся женщина.

Где-то часа через два шесть всадников в одежде Разбойного приказа стремительно влетели на широкий постоялый двор, где уже стояли чьи-то повозки. В корчме были слышны громкие голоса и музыка. При виде ратников Разбойного приказа музыка смолкла и наступила тишина.

— Что там, Никифор? — насторожился лежавший на лавке Ратмир. В руках у него была книга на латинском языке.

— Сыскные прискакали, Ратмир. Боюсь, что по нашу душу. А вернее — по твою. Сердцем чую, — встревожено негромко произнёс тот, глядя из окошечка во двор.

Ратмир быстро вскочил на ноги и, тихо подойдя к входной двери, приложился к ней ухом и прислушался.

— Сюда идут, — нахмурился он и огляделся по сторонам.

— Давай в окно, — кивнул ему Никифор. — И не показывайся, пока не узнаем, что им нужно. Сам знаешь — всякое может быть.

Ратмир как кошка, молча, проскользнул в узкое окно и затаился за широким ставнем.

В этот момент дверь без стука широко распахнулась, и на её пороге показались хмурые ратники Разбойного приказа. Из-за их широких спин выглядывал растерянный корчмарь. Старший из ратников быстрым взглядом окинул комнату и устоялся на старика Никифора:

— Ну и где твой скоморох Ратмир? — скривив губы, с нехорошей усмешкой спросил он.

— А я почём знаю, — пожал плечами старик Никифор. — Может до ветру отошёл. Я за ним следить не подряжался.

— Зато нас подрядили, как следует, — отрезал старший из ратников и, щёлкнув пальцами правой руки, показал указательным на старика Никифора: — Этого и ещё парочку из их шайки-лейки прихватим с собой. А остальные пусть передадут, что пока Ратмир сам в Разбойный приказ не явится, все его дружки будут сидеть у нас в кутузке. Слышь, корчмарь, так и передай ему, как только объявится. У нас приказ самого дьяка Разбойного приказа доставить скомороха Ратмира к нему живым или мёртвым.

Ратмир, услышав такие слова, тут же пригнувшись, мягко прошёл по крыше и незаметно спустился с другой стороны. Обойдя дом, он зашёл в необычайно тихую корчму и направился к лестнице, ведущей на второй этаж.

— Дяденька Ратмир, там пришли какие-то ратники и хотят тебя с собой забрать, — неожиданно схватил его за руку подбежавший Теодорка. Андрейка, бывший тут же, что-то попытался проговорить, возбуждённо сверкая глазами.

— Всё будет хорошо, — успокоил их Ратмир, поднимаясь по ступенькам вверх.

Мальчишки, волнуясь, пошли следом за ним.

— А вот он сам! — воскликнул старик Никифор, которого двое ратников уже выводили под руки из комнаты.

— Что случилось? Отпустите его, — изобразил возмущение Ратмир. Ратники охотно отпустили старика Никифора и посмотрели на своего старшего, ожидая от него указаний. Тот смерил оценивающим взглядом Ратмира с головы до ног и одобрительно кивнул ему: — Поедешь с нами. Указание самого дьяка Лаврентия.

— Покажите документ, — Ратмир сделал шаг назад.

— Какой ещё документ? — удивлённо вскинул брови старший из ратников.

— Документ, что дьяк Разбойного приказа велит мне у него быть по какой-то там надобности. В судебнике так описан порядок для вызова в ваш Разбойный приказ, — спокойно и уверенно ответил скоморох.

— Чего-о-о?! — вытаращил глаза старший из ратников и, начиная темнеть лицом, рывкнул: — Да я тебе, скоморох, сейчас не только документ, но и каши берёзовой выпишу! Вот тогда и посмотрим, чего ты там ещё в Судебнике понавычитывал! Ну что — сам пойдёшь или мне сказать своим хлопцам, чтобы руки тебе ломать начали?

Ратмир не шевельнулся с места. Старший из ратников обвёл взглядом высыпавших из комнат скоморохов, кинул взгляд на Ратмира и усмехнулся: — Ладно, рук мы тебе ломать пока не станем. Я вот сейчас отправлю человечка к дьяку Лаврентию и шепну ему пару словечек вдогонку. И вернётся он с документом не только на тебя, скоморох, но и на всех твоих товарищей. И засадим мы всю вашу компанию на месяц-другой в сырой подвал с крысами до выяснения всех ваших личностей. А выяснять мы это дело можем сколько угодно долго. Так что тебе выбирать, скоморох — так поедешь с нами или за документом посылать.

Ратмир перекинулся взглядом со стариком Никифором и силачом Василием и вздохнул:

— Ваша взяла — поеду с вами.

— Ну, то-то! — довольно ухмыльнулся старший из ратников Разбойного приказа. — А то документ тебе подавай! Мы-то подадим, да только тебе потом с того документа мало не покажется.

— Ладно, братцы, — махнул рукой Ратмир скоморохам. — Постараюсь поскорее управиться. Если что — Никифор знает, что делать.

Скоморохи, молча, вышли во двор провожать его и незваных гостей.

Через несколько минут Ратмир на своей лошади в окружении шестерых ратников поскакал в сторону Разбойного приказа.

Там у него забрали лошадь, и старший из ратников повёл его длинным, широким коридором к одной из дубовых дверей. Оставив Ратмира у двери, ратник зашёл в комнату один. Через несколько минут он вновь появился на пороге и, распахнув дверь пошире, сделал приглашающий жест Ратмиру. Тот, молча, шагнул в большую, с зарешечёнными окнами комнату, и дверь за ним тут же захлопнулась.

В комнате за большим деревянным столом сидел дьяк Лаврентий и недобро смотрел на вошедшего скомороха. Ратмир неосознанно принюхался и почувствовал в воздухе, пропитанном запахами портянок, щей и свежей извёстки, тонкие нотки розового масла и ещё какой-то травы. Он с интересом огляделся по сторонам, но дьяк Лаврентий неожиданно подал голос:

— Ну, здравствуй, что ли, Ратмир, — нехотя процедил он сквозь зубы. — Вот и

свиделись с тобой опять. Не ждал, небось?

— Это правда, дьяк Лаврентий. Ни сном, ни духом не ведал, что сегодня окажусь здесь, у тебя, — спокойно ответил Ратмир и прошёл вглубь комнаты. — Дозволишь присесть, дьяк Лаврентий? Я так понимаю, что разговор у нас будет длинный.

— Ну, присядь, присядь пока, — недобро усмехнулся тот. — И про разговор ты верно угадал. Не короткий он у нас с тобой будет, это точно.

Ратмир сел на деревянную лавку, стоявшую у стены, и, машинально откинув ладонью со лба прядь тёмных волос, вопросительно посмотрел на дьяка.

— Гадаешь, из-за чего вызвал тебя? — опять ухмыльнулся тот, щеря редкие, желтые зубы в саркастической улыбке.

— Гадаю, дьяк Лаврентий, — спокойно согласился скоморох. — Только ведь такой дотошный человек как ты просто так не станет звать к себе. Значит, дело у тебя есть какое-то ко мне.

— Ишь ты, слова какие мудрёные знаешь. А ведь мне про тебя, скоморох, пока ничего неизвестно. Только одно вижу, что для простого фигляра ты слишком умён. Не видал я пока на своём веку шутов, проявлявших интерес к Судебнику и прочим умным книжкам.

— Таким уж уродился, — пожал плечами Ратмир. — С малолетства был приучен книжки читать. Вот и поднабрался ума-разума сколько смог.

— Довольно! — неожиданно повысил голос дьяк Лаврентий. — Не упражняться с тобой в красноречии позвал я тебя сюда.

— Тогда переходи к делу, дьяк Лаврентий. Не я этот разговор начал. Если тебе помощь какая от меня нужна — говори. Чем смогу — помогу, — тоже на полтона повысил голос Ратмир.

— Поможешь, конечно. А куда же ты денешься! — ухмыльнулся дьяк. — А, ежели ты откажешься мне помочь в одном деле, то и тебе, и твоим людишкам небо с овчинку покажется.

— А как человек попросить о помощи ты, конечно же, считаешь ниже своего достоинства, — нахмурился Ратмир.

— Я тебя, Ратмир, и не собираюсь ни о чём просить. Ты просто сделаешь то, что я скажу, и будешь молчать об этом всю свою оставшуюся жизнь, — в свою очередь нахмурился дьяк. — Не тебе здесь мне условия назначать. С дьяком Разбойного приказа разговариваешь.

— Да понял я уже, с кем разговариваю. Не томи, дьяк Лаврентий. Говори, чего тебе от меня нужно, и разойдёмся с миром, — вздохнул Ратмир. Он уже понял, что дьяку от него срочно что-то понадобилось. Но, зная о его суровом нраве, решил обстановку не накалять, а попытаться уладить всё пусть худым, но миром.

— Слушай меня внимательно, скоморох. Я знаю, что ты уже успел побывать в погребке Девичьего монастыря раньше меня и моих людей и осмотрел всё, что тебе было нужно. И как эта старая курица схимница Серафима о тебе узнала — сам дивлюсь! Так вот, я теперь точно знаю, что ты в сыске имеешь понимание. Сам Светозар Алексеевич мне в том признался, да и от других людей я уже прослышал о твоём даре.

— Вот как, — заинтересовано произнёс Ратмир. — А что сделал Светозар Алексеевич со своим обидчиком?

— А ничего он не успел сделать, бестолковый! — ухмыльнулся дьяк Лаврентий. — Сбежал его обидчик, куда глаза глядят. Порешил троих его ратников и поминай, как звали.

Мои орлы теперь его разыскивают, да пока без толку...

— Надо же! — искренне удивился Ратмир и пожал плечами. — Чего только не бывает на этом свете... А по поводу убийства троих послушниц в Девичьем монастыре.... Нет у меня ни времени, ни желания заниматься этим, дьяк Лаврентий. Я уверен, что найдутся среди твоих сыскарей люди много умнее и ловчее, чем я. Поручи им, и они тебе вмиг найдут этих нелюдей.

— Ты, Ратмир, мне зубы не заговаривай. Думаешь, что я прямо вот так и мечтал, чтобы тебя сюда притащить, да турусы с тобой тут разводить. Если бы мои людишки хоть что-нибудь бы да смогли сделать за эти два дня, то я тебя сейчас просто в кутузку посадил бы, и приказал пытаться так, что сам признался бы, что это ты убил этих трёх девиц. Только мне пока это никак не выгодно.

— Почему?

— Да потому что ты-то под пытками как пить дать признаешься, и мы тебя колесуем при всём честном народе. А эти нелюди опять такое же где-то совершат, и придётся мне потом митрополиту сказки придумывать про любителей повторять чужие преступления, — махнул рукой дьяк Лаврентий.

— Так что же, получается, что у меня нет никакого выхода... — задумчиво произнёс Ратмир, сложив руки на груди и устремив взгляд куда-то за спину дьяка Лаврентия.

— Выход у тебя один, Ратмир, — неожиданно с более человеческими интонациями произнёс тот. — Ты должен найти татей, но все лавры и почёт за их нахождение и поимку отдашь мне. И никто не должен знать об этом. Понял? — дьяк Лаврентий чуть пригнулся к столу и пристально посмотрел Ратмиру в глаза.

— Какая же мне от этого выгода? — Ратмир перевёл взгляд на собеседника.

— А выгода у тебя, скоморох, одна — это твоя жизнь и жизнь твоих товарищей, — подмигнул ему без улыбки дьяк Лаврентий и добавил: — Слышал уже, небось, как у нас тут бывает. Главное — человека найти какого-нибудь. А уж за что его сажать да пытаться — мы всегда съедем.

— Да уж, наслышан я об этом, — вздохнул Ратмир и добавил: — Умеешь ты убеждать, дьяк Лаврентий. Вот прямо завтра и начну.

— Нет, Ратмир. Прямо сейчас и поедешь в Девичий монастырь и начнёшь своё дознание. Я прикажу тебе там хоромы небольшие подготовить, да рухлядь какую выдать. В еде и питье не будет тебе отказу. Сейчас пойдёшь отсюда и получишь у моего помощника бумагу для доступа тебе в любые места и заведения, куда тебе понадобится...

Неожиданно за шкафом, что стоял у стены, раздался треск, и послышался звук падения чего-то тяжелого. Наступившую тишину прорезал короткий, приглушённый стон, что-то прощуршало, и вновь стало тихо.

Ратмир посмотрел на шкаф, затем перевёл на дьяка Лаврентия удивлённый взгляд.

— А-а-а, — тот махнул рукой, стараясь не выказывать своего смущения. — Внучок это мой... сынок младшенькой. Попросился со мной, вот и пришлось сюда взять. Не обращай внимания, Ратмир. Ступай себе с Богом в Девичий монастырь, да с докладом каждый день присылай гонца и чтобы только ко мне. Понял?

Ратмир нехотя кивнул и поднялся с лавки:

— Мои люди ничего не заработают за те дни, что я буду заниматься розыском.

— Потом посчитаемся, когда розыск закончишь. Найдешь убийц быстро — получишь от меня награду. Всё, иди Ратмир, — сделал рукой выпроваживающий жест дьяк Лаврентий. —

Зайди к моему помощнику, он даст тебе доездную память во все места. В монастыре, если кто понадобится в помощь — обращайся к духовнику отцу Павлу. Он распорядится если что. А там и игуменья уже подъедет. Вчера послали за ней.

— Ты же понимаешь, дьяк Лаврентий, что поиск нужных мне людей и доказательств может быть не только в одном Девичьем монастыре? — полуутвердительно спросил Ратмир.

— А как же! Я же тебе и сказал про доездную память, что если нужно куда ехать и с кем разговаривать, то она и станет для тебя пропуском куда угодно. Но только с завтрашнего дня. А сегодня я должен точно знать, что ты уже в монастыре и начал сыск, — опять без улыбки подмигнул ему дьяк Лаврентий. — И давай, Ратмир, ищи что есть мочи. Нынче тебя уже некому защищать. Защитничка-то твоего — боярина Саврасова, говорят, нашли зарезанным в Александровой слободе. Слишком много, вроде, себе позволил на царском пиру. Эх, жаль меня там не было! Из-за этого кровавого деяния в Девичьем монастыре пришлось такой театр пропустить.

Лицо Ратмира потемнело, но он, стиснув зубы, промолчал.

— Так как? — вопросительно посмотрел на него дьяк Лаврентий.

— Хорошо, будь по-твоему, — кивнул ему Ратмир и направился к выходу. Он шагнул за дверь и пробормотал про себя: — Ну, что же, есть одна очень хорошая русская поговорка — нет худа без добра.

Дьяк Лаврентий проводил его сумрачным взглядом и после того как дверь закрылась, негромко произнёс, обращаясь к шкафу, за которым ранее слышался шум: — Ну, что тебе спокойно-то не сидится?! Я же там всё ладком устроил. Тебе хоть удалось его разглядеть хорошенько?

Глава 12

Ратмир вышел на крыльцо двухэтажного здания Сыскного приказа в сопровождении двух ратников. Он аккуратно заложил новенькую доездную память за широкий обшлаг рукава кафтана и вздохнул:

— Ну, всё братцы, дальше я сам. Дорогу знаю, — мрачно улыбнулся он своим провожатым.

— Да нет, скоморох. Велено тебя прямо до ворот Девичьего монастыря сопровождать, да на руки местной охране сдать под расписку, — ухмыльнулся один из них.

Второй пожал плечами:

— Ничего не поделаешь, брат. Таков приказ.

— Но мне нужно предупредить моих друзей-скоморохов, что я не вернусь сегодня ночевать, — возмутился Ратмир.

— Ничего, мы сами предупредим, — хлопнул его по плечу первый ратник. — Вот доставим тебя в Девичий монастырь и сообщим на обратном пути. Так ведь, Ивашка? — обернулся он к своему товарищу.

— Да, брат, не беспокойся. Обязательно сообщим, — кивнул тот.

Ратмир, скрепя сердце, сел на свою лошадь и направился вместе с ними в сторону Девичьего монастыря. Августовское солнце уже начинало катиться к закату, когда всадники выехали из леса, и перед ним раскинулась огромная равнина, посередине которой высилась за монастырским высоким деревянным забором белоснежная Смоленская церковь с позолоченными куполами и сверкающими на солнце золотыми крестами. За тем же забором

виднелись крытые крыши теремов и каких-то хозяйственных построек. Вокруг обширного монастырского подворья, окружённого со всех сторон деревянным частоколом, находился глубокий ров, подходивший прямо к стенам монастыря. Через него был переброшен деревянный мост, поднимавшийся на ночь при помощи несложного механизма из деревянных колёс и толстых, перекрученных конопляных канатов. Охраняли вход в монастырь более десятка охранников, проживавших в специальных казармах, построенных неподалёку от стен монастыря.

По четырём углам монастырской стены находились сторожевые вышки с шагавшими туда-сюда охранниками с пищалями наперевес. Имелся в монастырь и ещё один вход с противоположной стороны, но им давно уже никто не пользовался, и железный замок на покрытой мхом дубовой двери уже покрылся ржавчиной и был забит пылью.

Само огромное поле перед монастырём густо заросло камышом и конским щавелем и другими болотными травами из-за близости болот. На более-менее сухих пригорках и возвышенностях стояли терема богатых насельниц монастыря, самой игуменьи Евникии, духовника и певчих, служивших в церкви при монастыре. Стояли здесь и избы простых крестьян и обычных послушников-трудников, исполнявших хозяйственные работы в монастыре.

В воздухе пахло скошенной травой и духмяным ароматом уже отцветавшего разнотравья. Безмятежно выводили свои рулады полевые птицы, с хозяйских подворий доносились лай собак, кудахтанье кур, бляенье коз... Где-то за стенами монастыря делали переключку ратники, готовившиеся сменить своих товарищей на посту...

— А-а-а, помогите! Помогите! — раздался неожиданно пронзительный женский крик. Всадники услышали топот копыт и, обернувшись, машинально всадили шпоры в бока своих лошадей, заставив их отскочить в сторону. Тут же мимо них стрелой, всхрапывая, пронеслась, закусив удила, взмыленная гнедая лошадь с безумными, налитыми кровью глазами. Сидевшая на ней женщина, пригнувшись, из последних сил держалась за переднюю луку седла, пытаясь удержаться. Шляпку она, видимо, потеряла ранее и поэтому волосы её трепало на ветру.

— Помогите! — умоляюще ещё раз прокричала она, проносясь мимо всадников. В глазах её застыл ужас. — Я не могу её остановить!

— Понесла лошадка — то! — взбудоражено переглянулись ратники.

— Так чё, Ивашка? Может, поможешь бабе-то? Из богатых видать. Глядишь, и отблагодарит тебя знатно, — горяча своего коня, произнёс второй ратник.

— Не-а, мне ещё пожить хочется. А кидаться под взбесившуюся лошадь — нет уж, увольте, — усмехнулся тот.

— Так значит, скинет её лошадка и всё тут, — вздохнул первый.

— Что поделаешь, — пожал плечами Ивашка. — Стало быть судьба у неё такая... Эй, стой, стой, куда ты?! — неожиданно закричал он, увидев, как, пригнувшись к холке своей лошади, понёсся вслед за всадницей Ратмир.

Ратники оба замолчали, наблюдая за тем, как быстрая степная лошадь Ратмира вскорости поравнялась с всадницей. Ратмир, изловчившись, прыгнул прямо сбоку на лошадь женщины. Он схватился за поводья и повис на них всем телом. Обезумевшее животное кинулось было в сторону, но скоморох мёртвой хваткой держался за поводья, Затем он молниеносно вцепился в удила и стал изо всех сил давить на них книзу, причиняя лошади невыносимую боль.

— Держись крепче! — крикнул он ошеломлённой женщине. — Сейчас она попробует скинуть тебя.

И действительно, лошадь от боли попыталась встать на дыбы, но тут же опустилась под тяжестью повисшего у неё на шее скомороха.

— Ну, всё-всё, милая! Успокойся! — прокричала женщина, пытаясь привести в чувство свою лошадь. Та ещё продолжала всхрапывать, вращая налитыми кровью глазами. — А вы держитесь, держитесь за шею крепче, сударь, — крикнула она Ратмиру, видя, как тот из последних сил цепляется за поводья лошади, пытавшейся всеми силами избавиться от внезапно повисшего у неё на шее препятствия.

Заметив это, женщина буквально легла на шею лошади и обеими руками вцепилась в рукава кафтана Ратмира, помогая ему удержаться на весу. Последний с благодарностью посмотрел на всадницу и тут же глухо застонал, получив сильнейший удар по бедру лошадиным копытом. Лицо его исказила гримаса боли.

— Что с вами, сударь?! Она ударила вас?

— Ничего, держись крепче, сударыня! — сквозь зубы прорычал Ратмир и с усилием ещё раз потянул удила. Лошадь опять взвилась на дыбы от боли и, резко опустившись на землю, остановилась, мотая окровавленной мордой. Ратмир отпустил удила и, рухнув на землю, тут же откатился в сторону.

— Прыгай с неё скорее, пока она стоит! — крикнул он женщине, чуть приподнявшись на руках над землёй.

Женщина ловко перекинула ногу и быстро спрыгнув с лошади, кинулась обнимать и гладить её окровавленную морду: — Милая моя, хорошая моя! Ласточка моя! Как же тебе губу-то разорвало!.. Потерпи, милая, я тебя вылечу. Она же мне жизнь спасла! — обернувшись, крикнула она сидевшему на земле Ратмиру.

— Да ну?! — воскликнул, морщась, Ратмир, потирая правой рукой ушибленное бедро. — А я-то ненароком подумал, что это я спас тебе жизнь.

— Да-да. Конечно же, сударь. Вы тоже спасли мне жизнь! — всё ещё взволнованным голосом воскликнула женщина и кинулась к Ратмиру. — Она, похоже, очень сильно ударила вас. Не обижайтесь на неё. Я могу вам помочь. У меня дома есть чудесная мазь, и она обязательно смягчит ваши страдания.

— Обойдусь, — хмуро отозвался Ратмир и, попытавшись встать, застонал и вновь опустился на землю.

— Я вижу, что вы обиделись, сударь, — участливо обратилась к нему женщина. — Но это правда. Я поехала гулять и незаметно для себя оказалась в густой чаще. Тут на нас кинулись двое или трое волков. И моя Ласточка, испугавшись, понеслась вон из лесу. Она меня вынесла из лесу, а вот остановить я её не смогла, — жалобно вздохнула женщина.

Она стояла перед Ратмиром на коленях и смотрела на него умоляющим взглядом. На её раздумывавшемся от волнения лице светились чайного цвета глаза. Учащённое дыхание вздымало пышную грудь под дорогим бархатным ездовым костюмом. Растрепавшиеся по плечам при скачке волнистые, тёмно-русые волосы обрамляли красиво посаженную голову. Едва заметные морщинки в уголках глаз говорили о весёлом и лёгком характере их обладательницы. Ещё полные и яркие губы были сухи от напряжения. Трудно было в этот момент сказать, сколько женщине было лет — столько живости, блеска было в её глазах и грации в каждом движении. Но то, что перед ним на коленях стояла не юная девица — было ясно с самого начала.

«Вдовушка», — подумал Ратмир и невольно опустил взгляд на вздымавшуюся от волнения грудь женщины, потом вновь посмотрел ей в глаза, и что-то волнующее, неосязаемое проскочило между ними. Женщина слегка смутилась и опустила глаза. Ратмир едва заметно усмехнулся, чувствуя, как в нём вновь просыпается инстинкт охотника.

В этот момент к ним подскакали оба ратника, сопровождавшие его в Девичий монастырь. Они быстро спешили и кинулись к Ратмиру.

— Ну как ты, брат? — уважительно обратился к нему Ивашка. — По ноге тебе вдарила, зараза. Я видел. А ты, что — курица — на лошади едешь, а как обращаться с нею — не знаешь?! — накинулся он на поднявшуюся с земли женщину.

— Оставь её, — морщась от боли, вступился за женщину Ратмир. — Волки на неё в чаще накинулись. Вот лошадь и понесла.

— Да-а, волки здесь водятся, это правда, — авторитетно подтвердил второй. — Ну, ладно, скоморох, поднимайся. Нужно нам всё-таки тебя доставить до ворот монастыря.

Ратмир опять попробовал подняться, но побледнев, тут же схватился за руку ратника и застонал. В этот момент женщина быстро подошла к нему со спины и, подставив своё плечо, решительно закинула его руку себе за голову:

— Никуда он с вами не пойдёт. Не видите, что ли, что раненый он, еле двигается, — заявила она растерявшимся ратникам. — Вон мой терем, — она указала рукой в стоявший неподалёку богатый терем и обратилась к Ивашке: — Скачи туда и скажи, чтобы прислали повозку. У меня он пока поживёт. Из-за меня пострадал, значит, я его и вылечу. Вы ведь не против, сударь?

Ратмир, стоя на одной ноге и опираясь на неожиданно крепкие плечи женщины, внимательно посмотрел в её красивые глаза чайного цвета и, чуть усмехнувшись, спросил: — А ты уверена, сударыня, что я ничем не помешаю тебе?

— Ты дурак, что ли, скоморох?! — воскликнул второй ратник, пока ратник Ивашка поскакал за повозкой. — Мне бы такая баба такое предложила бы! Да я бы и не раздумывал ни разу! Вот везёт же всяким скоморохам!

— Так я и не раздумываю, — опять усмехнулся Ратмир и опять посмотрел в глаза женщины долгим взглядом.

Та смутилась, но упрямо повторила:

— По моей вине вы, сударь, получили это увечье. Значит мой долг — помочь вам излечиться.

— Я не против, — кивнул Ратмир и покрепче обнял женщину за плечи. — Ну, где там наша повозка?

Повозка прибыла спустя несколько минут, и ратники помогли Ратмиру забраться в неё. Всё ещё румяная от пережитого, женщина села рядом и приказала кучеру ехать в терем.

— Э, нет, боярыня. Жить-то у тебя пусть он живёт. Да только давай вначале доедем до ворот монастыря и предьявим его стражникам, что на воротах стоят. Вот они нам грамоту отпишут, что довели мы его до ворот, и тогда, пожалуйста — езжайте куда хотите, — нахмурился старший из ратников.

— Хорошо, езжайте, моя повозка поедет за вами, — кивнула ему женщина и, прикрыв дверцу повозки, откинулась на спинку сиденья.

Ратмир взглянул на свою соседку. Та неожиданно побледнела и её начала бить мелкая дрожь. Она с усилием улыbnулась ему и пожала плечами:

— Знобить меня что-то начало...

— Так и до нервной горячки дело может дойти. Это у тебя от пережитого сейчас страха, — озабоченно произнёс Ратмир и, взяв её руки в свои ладони, стал растирать.

— Д-да, б-б-благодарю, — чуть стуча зубами, прошептала женщина. — М-мне уже лучше. Сейчас п-приедем... с-сразу чаю г-горячего...

— Нет, сударыня, не чай тут нужен. А чарка хорошего рома или уж водки, если рома нет, — усмехнулся Ратмир, продолжая растирать её холодные ладони. Потом он поднёс их к своим губам и попытался согреть своим дыханием. В какой-то момент, подняв на неё свои глаза, он увидел, что она смотрит на него взглядом, полным изумления и восхищения.

— Иди ко мне, — шепнул Ратмир и, притянув к себе женщину за руки, уверенно обнял её и добавил: — Так ты быстрее согреешься и безо всякого рома, — он прильнул губами к её полуоткрытому рту и, почувствовав, как женщина слабо попыталась отстраниться от него, ещё крепче сжал её в своих объятиях...

Повозка остановилась неожиданно, и кучер постучал обратным концом кнута по стенке повозки:

— Приехали, матушка Мирослава...

Женщина вздрогнула и, откинув голову назад, приоткрыла глаза и посмотрела в глаза Ратмиру растерянным взглядом:

— Не знаю, кого мне благодарить — Бога или дьявола за то, что послал мне тебя... Сегодня ты спас мою жизнь, но взамен, похоже, забираешь душу, — она глубоко вздохнула и, нехотя отстранившись от Ратмира, выглянула в оконце повозки. Женщина крикнула слабым голосом сопровождавшим их ратникам: — Скажите монастырским стражникам, пусть идут, смотрят на него, да скорее бумагу отписывают. Меня они хорошо знают, поэтому проволочек не будет.

Через короткое время ратники получили требуемую записку и подъехали к повозке. Из приоткрытой двери к ним выглянул Ратмир и улыбнулся.

— Ну, бывай, брат! Уверен, что боярыня тебя от души отблагодарит, — помахал ему рукой Ивашка. Второй ратник усмехнулся и оба направили своих лошадей обратно в Москву.

— Не забудьте только моим сообщить, что меня пока не будет в городе! — крикнул Ратмир им вслед.

— Не бойсь, не забудем, — откликнулся Ивашка и что-то тихо сказал своему напарнику. Они оба громко рассмеялись.

— Поезжай теперь домой, Прохор, — приказала женщина кучеру и прикрыла дверцу повозки. Ратмир, молча, вновь привлёк её к себе, и, сжав рукой её полную грудь, прильнул к губам женщины долгим поцелуем.

— Погоди, милый... погоди, — задыхаясь, прошептала женщина. — Сейчас в терем... доберёмся в терем только....

Повозка въехала на небольшое, засаженное цветами и кустарниками подворье богатого терема.

— Господи, а зовут-то тебя как? — опомнилась вдруг женщина, помогая хромящему Ратмиру подняться по недавно вырубленным деревянным ступенькам крыльца.

— Ратмир я, — морщась от боли, ответил Ратмир и усмехнулся: — А тебя, я слышал, Мирославой кличут.

— Да, Мирослава я...

Они поднялись на крыльцо и дверь за ними захлопнулась. Немногочисленная челядь понимающе переглянулась и тихо разошлась по своим местам.

— Где твоя опочивальня? — спросил, возбуждённо дыша, Ратмир, обнимая женщину и обжигая ей шею своим горячим дыханием.

— Т-там, там...наверху... н-на втором этаже, — прошептала она, чувствуя, как у неё слабеют ноги и всё её тело пронзает страстное желание. Она, не помня себя, стала лихорадочно стаскивать с Ратмира кафтан.

— Я не дойду сейчас до второго этажа, — простонал он, почувствовав, как её нежная, прохладная рука залезла к нему под рубаху и стала опускаться к низу живота.

— Я тоже, — выдохнула она и тихо ахнула, когда он одним рывком опустил у неё на груди лиф платья и впился горячими, сухими губами в обнажённое округлое плечо...

Ратмир кинул кафтан на деревянный пол и, бережно опустив на него цеплявшуюся за его плечи женщину, быстро сорвал с неё платье.

— М-м-м, — закусив губу, только простонала она и, изогнув спину, откинула голову назад и с извечной, инстинктивной женской готовностью раздвинула бёдра, с неизъяснимым блаженством принимая на себя всю тяжесть мужского тела...

— Да уж, матушка Мирослава, сильна ты в любовных утехах, — спустя час усмехнулся лежавший на спине Ратмир и ласково провёл ладонью по шелковистым волосам Мирославы, положившей ему голову на грудь. — Я-то думал, что меня уже нечем удивить в этих делах, но тебе это удалось.

— Не смущай меня, Ратмир, — тихонько засмеялась женщина. — Я сама такого удальца впервые встречаю. От баб у тебя, видать, отбою нет.

— У меня-то да, — улыбнулся Ратмир. — А у тебя?

— Мне похвастаться тут нечем, — Мирослава приподнялась на локте и, влюблено разглядывая лицо молодого мужчины, провела указательным пальцем по его красивым губам. — У меня был только муж. Он-то меня всему и выучил. А теперь вот ты появился. Только боюсь, что ненадолго...

— Это ещё почему? — удивлённо приподнял брови Ратмир.

— Да вижу я, что ты много моложе меня, — вздохнула Мирослава и нежно прикоснулась своими губами к его крепкой шее.

— Ну, несколько годков большой разницы не играют, — вновь улыбнулся Ратмир и опять притянул женщину к себе. — Иди же ко мне, — и добавил: — Есть бабы, которые с годами только слаще становятся. Как тот заморский коньяк. Так ведь, милая?

— Наверное... — нерешительно ответила она и, закрыв глаза, позволила себе вновь утонуть в страстных объятиях неожиданного возлюбленного.

Глава 13

— Да как же ты, дурень, посмел не подчиниться моему приказу?! — фальцетом закричал дьяк Лаврентий и ударил кулаком по столу. — Я же тебя за это на месяц в штрафную упеку! Что я тебе приказал три часа назад?!

— Доставить скомороха к стражникам Девичьего монастыря и взять с них расписку, — опустив голову, глухо произнёс один из ратников, сопровождавших Ратмира в Девичий монастырь. — Так мы же не знали, что там эта баба появится.

— И что — баба появилась?! Ваше дело было скомороха сдать на руки стражникам! — опять стукнул кулаком по столу дьяк Лаврентий.

— Так он возьми, да и сам поскачи её спасать... — попытался возразить ему ратник.

— А вы куда смотрели, бестолковые? Эх, что с вас взять! — махнул на него рукой дьяк Лаврентий. — Сделанного уже не воротишь. Баба-то хоть кто такая? А то сейчас возвернётесь и доставите его в монастырь как положено.

— Стражники монастыря, когда расписку сочиняли, то с очень большим уважением к ней обращались. Называли боярыней Мирославой Кольчуговой, — обрадовавшись уже снисходительному тону дьяка, зачастил ратник.

— Да погоди ты, не тренди так часто, — недовольно поморщился тот и, покачав головой, подумал: «Сама боярыня Кольчугова! Вот ведь незадача! У этой просто так скомороха не заберёшь. Папанька-то ейный, боярин Авдей Анисимов, до сих пор при дворе в почёте. А уж про мужа покойного я и вовсе молчу. До сих пор тут свою дипломатию разводил бы, если бы пять лет назад его в Турции не убили...»

Дьяк Лаврентий вздохнул и махнул рукой ратнику: — Пошёл вон, собачий сын. В штрафную на три дня.

— Понял. Прости, дьяк Лаврентий, — опять глухо произнёс тот и пошёл к выходу.

— Бог простит, — пробормотал дьяк и присев на лавку, подпёр голову рукой: «Ну, то, что вдовушка на него свой глаз положила — это понятно — хорош, чертяка, не отнять. Да и обходиться с бабским сословием умеет. А вот то, что он не так прост, как кажется — это я нутром чую. Глаз да глаз теперь за ним нужен. Придётся своих людей подключать, кого-то из них на кольчуговское подворье пристраивать. Убийц этих рясоформниц он, скорее всего, найдёт. Сыскные навыки у него отменные, не то, что у моих остолопов. Мне бы его в свой приказ... Да только вначале его самого не мешало бы прощупать как следует. Мнится мне, что не просто так он со своей шайкой-лейкой здесь, в Москве околачивается...»

Дьяк потянулся к столу и, взяв с него серебряный колокольчик, быстро позвонил. В комнату тут же заглянул молодой, с короткой бородкой ратник.

— Пришли-ка ко мне сюда Порфирия, — приказал дьяк и опять откинулся спиной к деревянной стене из хорошо ошкуренных брёвен.

— Вот эта мазь, что я тебе говорила, Ратмир, — женщина показала скомороху холодную, покрывшуюся испариной глиняную чашу с крышкой, только что принесённую холопкой с ледника.

Ратмир в одной белой, исподней рубахе сидел на широкой с балдахином кровати на пуховой, подбитой светло-коричневым атласом перине, среди вышитых витиеватым узором пышных подушек. Он озабоченно рассматривал огромный кровоподтёк на своём правом бедре. Багрово-синяя припухлость по передне-боковой поверхности бедра угрожающе увеличивалась чуть ли не на глазах. Он, морщась, пощупал её и покачал головой:

— Кость, похоже, цела... Уже хорошо... Что там говоришь за мазь у тебя? — он поднял голову и посмотрел на Мирославу, протягивавшую ему чашу с мазью, предварительно сняв с неё крышку. Сквозь её длинную, кисейную исподнюю рубаху заманчиво просвечивали пышные округлости зрелого женского тела. Ратмир вздохнул и, взяв из её рук чашку, поднёс к лицу и понюхал. Глаза его удивлённо округлились:

— Очень даже недурно! Откуда у тебя эта мазь? Кто делал? — Ратмир аккуратно зачерпнул кончиками пальцев желтовато-кремовую холодную массу и стал бережно и медленно покрывать ею область кровоподтёка.

— Это я делаю сама, — улыбнулась женщина и, присев на краешек большой кровати, с

нежностью стала всматриваться в морщащееся от боли лицо молодого мужчины.

— Ты?! Откуда знаешь рецепт?

— Муж мой покойный был по дипломатической части. И мы с ним более пяти лет прожили в Индии. Там я и научилась у местных лекарей, — просто ответила Мирослава.

Ратмир внимательно посмотрел на неё:

— Так тогдашний посланник царя в Индию Иван Кольчугов был твоим супругом?

— Да, милый. Я очень любила его. И потом его убили подло в Турции. Кинжалом в спину, — Мирослава опустила голову. — После его смерти я живу здесь уже шестой год. Всё никак не решусь принять постриг...

— А детки у тебя есть?

— Теперь нет, — пожала плечами Мирослава, и глаза её повлажнели. — Был у нас сынок Авдеюшка. В честь моего батюшки так назвали. Два годика ему и было. А только в той Индии погиб он от укуса ядовитой змеи. Не успели до лекаря местного довести. А напничего не смыслил в змеиных укусах. Вот тогда я и стала там их врачевание изучать, чтобы других детушек не постигла такая же участь. Многим я тогда смогла жизнь спасти. Только самой больше Боженька детей мне не дал. Вот и задумала я после смерти своего супруга в монастырь уйти. Да что-то сдерживает меня от последнего шага...

— В монастырь всегда успеется уйти, — кинув на женщину быстрый взгляд, ответил Ратмир и протянул ей обратно чашу с мазью. — Убери пока до поры до времени. Вечером понадобится опять. Мне бы поспать немного, Мирослава. Только вот не уверен я, что те ратники предупредили моих друзей-скоморохов о том, что не смогу я сегодня к ним вернуться. Переживать очень станут.

— А я всё спросить хотела. Так ты и вправду скоморох? — принимая чашу, воскликнула женщина.

— Самый настоящий! — улыбнулся своей неотразимой улыбкой Ратмир.

— И тебе нравится мотаться вот так по грязным дорогам в любую погоду и выступать в балаганах по ярмаркам? — искренне удивилась та.

— Представь себе, очень нравится. И мы представляем ведь не только на Руси, но в других странах. Вот на зиму собираемся уехать в Италию или Испанию.

— Вы — скоморохи — как птицы перелётные, — задумчиво произнесла женщина и поёжилась. — Что-то прохладно становится. Накину-ка я халат. И тебе сейчас велю халат мужа принести. Он его успел всего два надеть, — глаза её погрустнели, и она нерешительно спросила: — Так осенью тебя уже здесь не будет?

— К концу осени, когда мороз прихватит землю, чтобы ехать было легче, — не замечая грусти в её голосе, отозвался Ратмир и озабоченно добавил: — Так как, матушка Мирослава, можешь ли ты послать своего человека к моим скоморохам, чтобы предупредить их?

— Да не матушка я ещё, Ратмир, — поморщилась Мирослава. — Вот когда приму постриг, тогда и сможешь величать меня матушкой. Хорошо, говори, куда ехать надо?

— Только пошли уж самого надёжного, неболтливого человека, хорошо? Мне мои скоморохи как семья. Не хочу я, чтобы они переживали лишний раз, — произнёс Ратмир, ещё раз оглядывая свою ногу. Он объяснил, как добраться до постоянного двора, и, откинувшись на мягкие подушки, с удовольствием прикрыл глаза.

Женщина внимательно посмотрела на него и кивнула:

— Хорошо, поедет самый надёжный человек. Пойду, распорядюсь, а ты, Ратмир, ложись и отдыхай. Тебе, действительно, нужно поспать. Во сне и лечение быстрее проходит. Я ещё

по хозяйству там задержусь, так что ты не жди меня. А если что понадобится, то вот — колокольчик на столе. Позвонишь, и девка моя — Катенька — прибежит и всё исполнит, что пожелаешь.

— Хорошо, милая, — сонным голосом пробормотал Ратмир и провалился в глубокий сон. Мирослава неслышно подошла к постели. Лёгкая полуулыбка тронула её губы. Она с нескрываемым восхищением любовалась раскинувшимся на её постели спящим молодым мужчиной. Чёрные волнистые пряди волос, разметавшиеся по светлой с вышивкой подушке, оттеняли чуть смугловатое породистое лицо Ратмира и его тонкую, но крепкую, мускулистую шею. Густые, чёрные, загнутые ресницы бросали лёгкую тень на чётко очерченные несколько высокие скулы. Слегка впалые щёки дополняли строгую линию прямого, с тонкими ноздрями носа. Римской формы чуть припухлые губы так и манили к себе для страстного поцелуя. Его широкая грудь мерно вздымалась при каждом вдохе. А на тонких крепких пальцах рук багровели стёртые участки кожи от лошадиных поводов.

— Как же ты хорош, Ратмир! Как Боженка мог так ошибиться? Такую красоту да девице бы какой-нибудь. А тут — мужчине! Неисповедимы пути твои, Господи, — прошептала Мирослава, глядя на спящего мужчину. Потом она быстро перекрестила его и вышла из комнаты. Неожиданно Ратмир чуть приоткрыл глаза, глянул ей вслед и, слегка улыбнувшись, опять смежил веки и позволил себе заснуть уже по-настоящему.

— Эй, скоморохи, вы где? — раздался за дверь знакомый голос корчмаря. Собравшиеся в одной большой комнате скоморохи встревожено переглянулись. За окном уже темнело, но они сидели в полутьме, ожидая Ратмира и коротая время в повседневных разговорах.

— Тута мы, — отозвался старик Никифор, распахивая дверь. Яркий свет от горящих свечек заставил их всех невольно прищуриться.

— Вот, боярыня. Все они здесь сидят, — произнёс корчмарь и указал кому-то рукой на растерявшихся скоморохов. В проёме двери показалась женская фигура в богатых одеждах.

Она шагнул в комнату, и поклонилась всем в пояс: — Мир вам, добрые люди.

— И тебе, боярыня того же, — поклонился ей старик Никифор и спросил: — Надобность у тебя какая-то к нам? Или весть какую принесла?

Боярыня оглянулась на корчмаря. Тот понимающе кивнул и тут же исчез, прикрыв за собой дверь. Боярыня огляделась по сторонам и тихо произнесла:

— Меня прислал ваш товарищ — Ратмир. Просил передать, чтобы вы не беспокоились за него. Он жив, но немного нездоров.

— Это как? — всполошились Елена и карлица Авдотья. Мужчины нахмурились.

— Он сегодня мне жизнь спас. Остановил мою лошадь, испугавшуюся волков. И она его сильно зашибла, — торопливо стала пояснять боярыня. — У меня нужная мазь есть, поэтому он у меня поживёт, пока не выздоровеет. Мне он нисколько не в тягость, — смущённо улыбнулась она, глядя на помрачневших женщин.

— Ещё бы в тягость! Ну, как всегда! — детским голоском вполголоса возмутилась Авдотья, обратившись к своим. — Как это у Ратмира так получается?! И спасти кого-нибудь и тут же очаровать спасённую. Прямо чародей он у нас записной!

— Да угомонись ты, Дуняша! — прикрикнул на неё старик Никифор и повернулся к женщине: — Я — Никифор. Мне лично он ничего не передавал?

— Нет, уважаемый Никифор, ничего, — смущённо пожала плечами женщина.

— Рассказал ли он тебе, боярыня, почему он там оказался?

— Не успел пока, — опять смутилась женщина.

— Ещё бы! Куда ему было успеть?! Он же, похоже, другим был занят, — пробурчала карлица и неприязненно посмотрела на гостью.

— Да хватит тебе уже, Дуняша, в самом деле! — одёрнул её за рукав силач Василий.

Старик Никифор внимательно посмотрел на боярыню и просящим голосом произнёс:

— Дозволишь ли ты, боярыня, поехать мне с тобою и переговорить с нашим Ратмиром. Очень уж мы за него переживаем. И узнать нужно, не требуется ли ему какая помощь от нас?

— Конечно, Никифор. Собирайся, и едем прямо сейчас со мною, — улыбнувшись, согласилась женщина. Никифор мигом собрался и через короткое время боярская повозка в сопровождении Никифора и охранника на лошадях исчезли за поворотом улицы.

— Нет, ты видела, Олёна?! Этой боярыне-то сколько уже годков-то?! — возмущённо прошептала карлица сидевшей у окна Елене.

— Да уж видно, что давно не семнадцать, — согласно кивнула та. — Она либо как я, а то и постарше. И, судя по улыбке-то ейной, Ратмир и её уже успел приголубить.

— Вот появится, сокол наш ясный, и спросим у него — с какого это он перепугу на старух переметнулся? — опять возмущённо прошептала карлица.

— Почему это — «старух»? — неожиданно воскликнула Елена. — Я тебе уже что — старуха?!

— Ну... нет, конечно, — неуверенно посмотрел на свою собеседницу карлица Авдотья.

— А ты сама — старуха?

— Нет, конечно! — с жаром воскликнула карлица и добавила: — Ну, так я и младше тебя почти на десяток лет.

— Ну-ка, бабоньки, прекращайте годами-то меряться. Ещё переругаетесь потом не на шутку. И Ратмира оставьте в покое. Он уже взрослый мужик и сам знает, что ему делать, — подошёл к ним силач Василий и, схватив под мышку свою любимую Авдотью, утащил её в их комнату.

Мальчишки, сидевшие в углу, хихикнули и переглянулись, а Елена, взяла из котомки какие-то тряпки и стала их латать.

Глава 14

— Ох, как хорошо, Никифор, что ты приехал! — радостно воскликнул Ратмир, увидев своего товарища на пороге светлицы.

— Так он просто молил, чтобы приехать сюда, — улыбнулась Мирослава и направилась к выходу: — Пойду, распоряжусь по ужину, а вы пока поговорите здесь.

— Нет-нет, останься, Мирослава, — окликнул её Ратмир. — От тебя у меня секретов нет, да и помощь твоя сейчас может понадобиться.

Старик Никифор с интересом посмотрел на них, но промолчал.

Женщина удивлённо вздёрнула брови: — Помощь от меня? Это в чём же я могу вам помочь?

— Я не всё рассказал тебе, потому как не был уверен, что могу тебе довериться, — улыбнулся Ратмир. — Ведь и видел тебя в первый раз.

— Кхм, — едва слышно хмыкнул старик Никифор и опустил глаза, в которых запрыгали чертенята.

Мирослава кинула на него быстрый взгляд, и уголки её полных губ тронула лёгкая улыбка:

— Хорошо, Ратмир, я внимательно слушаю вас обоих, — женщина с прямой спиной присела на скамью у стены.

Ратмир быстро и доходчиво стал рассказывать ей о товарищах-скоморохах и о своих сыскных способностях. Старик Никифор согласно кивал головой и изредка вставлял слово-другое. Мирослава смотрела на Ратмира влюблёнными глазами, и половина смысла объясняемого пролетала мимо её ушей.

Когда Ратмир перешёл к убийству послушниц в Девичьем монастыре и разговору с дьяком Разбойного приказа у него в присутственном месте, то старик Никифор тут же насторожился и стал слушать с большим вниманием.

— погоди, Ратмир, — помотала головой Мирослава, пытаясь разогнать наваждение. — Кто, говоришь, в этот раз упросил тебя заняться сыском? Дьяк Лаврентий, что ли, из Разбойного приказа?

— Что с тобой, Мирослава? — удивлённо посмотрел на неё Ратмир. — Я же только что говорил тебе об этом.

— Ох, прости, Ратмир! — смущённо воскликнула она. — Всё не о том думаю.

Старик Никифор опять насмешливо хмыкнул. В этот раз на него быстрый взгляд кинул Ратмир, и в его глазах промелькнула досада:

— Мирослава, это очень важно. Мне, действительно, понадобится твоя помощь.

— Так говори прямо — чем помочь-то, — улыбнулась женщина. — Только давай я всё-таки распорядюсь по поводу ужина. За едой и разговор пойдёт веселее. Так ведь, Никифор?

— Мудрая ты женщина, боярыня. Хороший ужин — он, конечно, большое подспорье в любых делах, — кивнул ей старик Никифор.

Мирослава легко поднялась со скамьи и направилась к выходу. Когда дверь за ней закрылась, лицо Никифора стало серьёзным:

— Ты же понимаешь, Ратмир, что с дьяком Лаврентием шутки плохи?

— Я и не собираюсь с ним шутить, Никифор. Не тот случай. На кону не только моя судьба, но и ваша.

— Вот даже как, — задумчиво перевёл взгляд куда-то вдаль, за окно, старик Никифор и вздохнул: — Тогда тебе, действительно, сейчас нужна любая помощь. Эта боярыня, судя по всему, уже успела влюбиться в тебя как кошка. И готова помочь в чём угодно.

— Насчёт «в чём угодно» пока не знаю. А вот её знания по монастырю мне сейчас особенно понадобятся.

— Хорошо быть молодым, красивым и умным, — с усмешкой вздохнул старик Никифор. — Многие дела решаются споро, когда у тебя есть эти качества. Наслаждайся ими, Ратмир, пока они у тебя есть.

— А я и наслаждаюсь, Никифор, — улыбнулся своей неотразимой улыбкой Ратмир. — И каждый день благодарю Пресвятую деву Марию за то, что она одарила меня ими.

Старик Никифор внимательно посмотрел на него, и хотел было что-то сказать, но в этот момент дверь в комнату распахнулась и появилась Мирослава в сопровождении своих холопов. Последние шли, изнемогая под тяжестью больших серебряных подносов, заставленных серебряными же блюдами со всякой снедью. От подносов шли одуряющие вкусные ароматы, и мужчины оживились при виде такого съестного изобилия.

Холопки стали быстро расставлять блюда на широком, покрытом льняной скатертью

столе, кидая исподтишка быстрые, любопытные взгляды на замолчавших мужчин. Неожиданно Мирослава негромко хлопнула в ладони, и холопки моментально устремились в сторону входной двери. Прикрыв за ними дверь, женщина подошла к столу и сделала приглашающий жест:

— Прошу к столу, дорогие гости. Попотчую вас, чем Бог послал.

— Благодарствуй, хозяйюшка, — улыбнулся старик Никифор и тут же направился к столу. Увидев, как морщась от боли, с трудом поднимается с постели Ратмир, он кинулся было к нему на помощь, но требовательный возглас Мирославы остановил его:

— Не нужно, Никифор. Пусть сам идёт. Так он быстрее на ноги встанет.

Она достала из-за деревянного, резного шкафа до блеска ошкуренный, с набитыми серебряными украшениями посох и подошла к Ратмиру: — Держи, милый. От отца привезли мне его сегодня утром специально для тебя. Пусть послужит тебе опорой, пока нога твоя до конца не заживёт.

От внимательного взгляда старика Никифора не укрылась проскользнувшая по лицу Ратмира то ли растерянность, то ли досада.

— Ну, что же, други! — воскликнул он и поднял запотевший серебряный кубок со сбитнем. — За нашу такую нежданную встречу хотел бы я пригубить этот кубок.

— Да, Никифор, — согласно кивнул Мирослава. — Вот уж воистину, правда! И представить себе не могла пару дней назад, что встречу Ратмира и всю вашу... — замялась она в поисках подходящего слова

— Шайку-лейку, — смеясь, подсказал ей Никифор.

— Да ну что ты, Никифор! — возмущённо воскликнула она и добавила: — Я хотела сказать — всю вашу ватагу.

— О, ещё лучше! — усмехнулся Ратмир и потянулся за расстегаем с зайчатинной.

Никифор тоже громко рассмеялся и положил себе на блюдо обжаренную утиную ножку.

— Да ну вас! — совсем смешалась Мирослава и махнула рукой: — Ешьте уж давайте. А ты, Ратмир, говори, чем я могу тебе помочь.

Тот отпил из серебряного кубка сбитня и внимательно посмотрел на неё:

— Расскажи мне, Мирослава, как устроен монастырь. Кто — главный, кто следом за главным. Какие ещё есть чины при монастыре, особенно при Девичьем?

— Ты про бабий монастырь спрашиваешь? Так он особо от мужского не отличается, — уточняюще спросила, улыбаясь, Мирослава, подкладывая себе на блюдо запечённую тыкву с мёдом.

— Нет, я спрашиваю вообще про уклад православного монастыря, — Ратмир схватил со стола плоску с дымящимися пельменями из лосятины с грибами и высыпал часть на своё блюдо.

Мирослава непонимающе чуть нахмурила брови: — Разве тебе неизвестен уклад наших монастырей?

Старик Никифор опустил глаза к своей тарелке.

Ратмир внимательно посмотрел на женщину: — Так случилось, что детство своё не по своей воле я провёл не в Московии, а в другом государстве. Потому и знания мои о многих сторонах жизни здесь не полны. Вот мне и нужна твоя помощь, чтобы я смог правильно во всём сейчас разобраться.

— Я, конечно, Ратмирушка, расскажу тебе всё что знаю, — с лёгким сомнением в голосе произнесла женщина и добавила: — Если в чём-то ошибусь, то отец Павел и игуменья

смогут потом поправить меня... А в каком государстве ты жил, Ратмирушка?

— В итальянском, — не раздумывая, ответил он и тут же задал свой первый вопрос: — Начни с главного человека в монастыре и как к нему правильно обращаться.

— Ну, если что, я смогу где-то подсказать, — неожиданно произнёс Никифор. — Батюшка мой в нежном возрасте на клиросе пел.

— Прекрасно! — воскликнула Мирослава и, сложив руки на столе, с любовью глядя на Ратмира, начала: — Самый главный над всеми православными монастырями является митрополит. Сейчас в Московии это митрополит Филипп. Но каждым монастырём ведает и управляет его наместник или наместница — игумен или игуменья. Здесь, в Девичьем монастыре всем ведает игуменья Евникия. Только она несколько дне назад отбыла на богомолье и когда будет — неизвестно...

— Уже известно. Вот-вот должна подъехать, — нетерпеливо перебил её Ратмир. — Продолжай, Мирослава.

— Хорошо, — внимательно посмотрела на него женщина. — Монашество — это особая жизнь каждого избравшего сей путь. Каждый живущий здесь имеет свое послушание, исполняет свои обязанности. Всем богослужением и выполнением уставных монастырских требований ведает помощник наместника — благочинный. Потом из самых опытных братьев-монахов или сестёр-монахинь выбирают казначея. Казначей, с благословения игумена, хранит и распределяет пожертвования, поступающие в монастырь с разных сторон. Далее — монах, отвечающий за благолепие храма, за церковную утварь, монастырские облачения. Прозывается он ризничим.

— А как называется человек, отвечающий за погреба со снedyю? — надкусывая мятный пряник белыми, острыми зубами, спросил Ратмир.

— Келарь отвечает за погреба, за хранение в них всей снedyи, за ледники. Он же ведает заготовкой всех припасов, — подперев подбородок руками с умильным выражением лица, ответила ему Мирослава. — Ещё есть эконо́м. Он управляет всей хозяйственной жизнью монастыря и распоряжается послушаниями приезжающих в монастырь трудников.

— Кто такие «трудники»? — поднял брови Ратмир.

— Ах, да! Я должна была сказать об этом в самом начале. В монастыре живут не только сами монахи, но ещё здесь постоянно бывают паломники и трудники. Это обычные люди, приезжающие в монастырь для укрепления в своей вере и благочестии. Они же и работают здесь во славу Божию на разных работах. Кто помогает в восстановлении или обновлении монастырских построек. Кто хлопочет по хозяйству и в огородах. Трудятся они и в швейных, и в сапожных, и в иконописных мастерских.

— А ты здесь в каком чине, Мирослава? — неожиданно спросил старик Никифор.

— Кхм... — растерянно улыбнулась та: — Я уже говорила Ратмиру, что потеряв супруга и дитя, я хотела отойти от мирской суеты и принять постриг. Но всё никак не решусь... И здесь сейчас нахожусь в раздумьях. Но я всегда бываю на всех богослужениях и по мере своих сил помогаю игуменье и сёстрам в их делах.

— Ты уже внесла свой вклад в монастырь? — внимательно посмотрел на неё старик Никифор. — Всё своё добро отдала?

— Большую часть, — опустила глаза женщина и как-то неопределённо пожала плечами: — Вот приму постриг и тогда отдам всё. Ни к чему живущим в монашестве мирская суета и мирские ценности.

— Да-а ... — вдумчиво посмотрел на неё старик Никифор. — Твоя правда, Мирослава.

— Это я понял, — опять нетерпеливо произнёс Ратмир. — Я верно понимаю, что все эти послушания в Девичьем монастыре несут сами монахини?

— Верно, — кивнула Мирослава и добавила: — Все, кроме одной.

Ратмир вопросительно посмотрел на неё.

— Духовник, — произнесла женщина и пояснила: — Духовник в монастыре, пожалуй, самый главный человек после митрополита и наместника. Он несёт слово Божье монастырской братии и духовно окормляет их...

— Чего делает? — опять вопросительно посмотрел на неё Ратмир. — Что значит «окормляет»?

Никифор с недоумением посмотрел на него.

— Это значит, что он вдохновляет их словом Божиим. Так это называется у мирян, — просто пояснила Мирослава, продолжая с умилением смотреть на скомороха.

— И почему в женском монастыре духовником может быть только мужчина? — искренне удивился Ратмир. — Даже странно как-то. Это всё равно что пустить петуха в курятник.

Старик Никифор, пережёвывавший в тот момент остывший блин с клюквенным вареньем, чуть не поперхнулся и, едва откашлявшись, покачал головой: — Тебя, Ратмир, за такие богохульные речи могут запросто отправить в острог лет этак на десять.

Мирослава, опустив голову и прикрыв лицо ладонями, залилась беззвучным смехом. Потом она, раскрасневшись от напряжения, подняла на Ратмира глаза, в которых прыгали чертенята, и придушенным голосом тихо произнесла: — Так духовником в женский монастырь назначают глубоких старцев. Таких, у которых в голове кроме благочестивых мыслей больше ничего уже и нет.

— Это значит, Ратмир, что тебя-то уж точно духовником в бабский монастырь никто бы и не поставил. А то стал бы там смущать и вводить в греховные мысли юных и не очень юных насельниц одним своим видом, — тихо рассмеялся старик Никифор.

— Зато тебе, Никифор, похоже, там уже самое место, — как-то раздраженно-шутливо откликнулся Ратмир.

— Ну, это ещё как сказать... — протянул старик Никифор, бросив быстрый взгляд на не сводившую с Ратмира влюблённых глаз Мирославу.

— Ну и как нужно обращаться к ним при встрече или в разговоре? — закинув левую руку за голову, откинулся спиной к деревянной, бревенчатой стене Ратмир и стал указательным пальцем правой руки крутить чёрный локон.

— Если я ничего не путаю, то в разговоре к наместнику можно обращаться «Отец наместник». А где-нибудь в присутственном месте — «Ваше Высокопреподобие». Так ведь, Никифор? — повернула Мирослава в сторону старика Никифора свою красиво посаженную голову.

— Совершенно права, матушка Мирослава, — шутливо подтвердил старик Никифор.

— В женском монастыре матушкой зовут только игуменью, — она с укоризной посмотрела на него.

— А как же тогда обращаться к простым монахиням? — спросил Ратмир, продолжая накручивать локон на указательный палец.

— А к ним можно обращаться, например «мать Ирина». Послушницам говорят «сестра». Очень пожилым монахиням иногда дозволяется говорить «матушка». Ну, я так, по крайней мере, слышала сама, когда бывала в монастыре, — пояснила Мирослава, теребя в

руках серебряную ложечку.

— А можешь рассказать про уклад монастырской жизни? Как у них начинается и заканчивается каждый день? — прикрыв рот рукой, зевнул Ратмир. — И, вообще, как становятся монахинями? Что нужно для этого, и через какие шаги нужно пройти, чтобы стать игуменьей, например? Ты же готовишься к постригу и должна всё знать об этом.

— Боюсь, что мои познания в этом не так глубоки, — покачала головой Мирослава. — Давай мы все сейчас уже отдохнём, а с утра поедем в монастырь к отцу Павлу, и он всё расскажет тебе лучше меня.

— Весьма здоровое решение! — воскликнул старик Никифор, который тоже начал впадать в полудремотное состояние после сытного ужина.

— Пойдём, Никифор, я велю показать тебе твою светлицу, где ты сегодня переночуешь, — степенно поднялась со скамьи Мирослава. — Завтра с утра всё и продолжим.

— Хорошо, боярыня Мирослава, — кивнул старик Никифор, выбираясь из-за стола. Он поклонился ей в пояс: — Благодарствую за кров и стол. Утром увидимся, Ратмир.

— Да, Никифор. Покойных тебе снов, — морщась от боли, процедил тот сквозь сжатые зубы, направляясь к кровати и напирая всем телом на посох.

Когда Мирослава через некоторое время вернулась в свою опочивальню, то она застала Ратмира сладко посапывающим во сне. Женщина опустила висевший над кроватью балдахин и, выглянув за дверь, кому-то что-то тихо шепнула. Тут же в светлицу бесшумно залетели холопки и стали сноровисто прибираться со стола, стараясь при этом не издавать ни звука. Через несколько минут стол был чист.

Выпроводив холопок из светлицы, Мирослава подошла к кровати и, откинув в сторону полог балдахина, присела на край. Какое то время она просидела так, любуясь спящим скоморохом, лежавшим на спине с раскинутыми руками. Потом, стараясь не потревожить его, прилегла рядом, подложив его ладонь себе под щеку. С чувственным обожанием глубоко вдохнула в себя запах его кожи, шедший от руки, и прикрыла от удовольствия глаза. Внезапно Ратмир резко повернулся и стиснул её в крепких объятиях. Мирослава только тихонько охнула, почувствовав на шее обжигающий поцелуй и ощутив, как его свободная, прохладная рука уверенно забралась к ней под платье...

Глава 15

Ранним солнечным утром следующего дня с подворья Мирославы выехала открытая повозка и направилась в сторону основного входа в Девичий монастырь. Ратмир, сидевший спиной к кучеру, с любопытством оглядывался по сторонам. Неожиданно его взгляд на чём-то остановился, и он, махнув рукой в ту сторону, спросил у Мирославы:

— Что там за лужайка?

Улыбающаяся Мирослава проследила за его взглядом и весело ответила:

— Там озерцо небольшое. Чистое, несмотря на то, что кругом болотца. Мы с бабами иногда ходим купаться, да и детвора местная облюбовала его для своих проказ.

— Я хочу сходить туда завтра с утра. Мне нужно для гимнастических упражнений.

— Это всегда пожалуйста. А я тебе и компанию составлю, если ты не против, — она просительно посмотрела на скомороха. — Ты же вон с посохом только и можешь пока передвигаться.

— Конечно, я не против, — улыбнулся ей Ратмир. Он повернулся к сидевшему в углу повозки старику Никифору: — А ты разве не составишь нам компанию?

— Да боюсь, как бы не помешать вам, — неожиданно грустно усмехнулся старик Никифор.

Ратмир бросил на него удивлённый взгляд:

— Уж не приболел ли ты часом, Никифор?

— Не знаю, Ратмир. Что-то неможется мне, — вздохнул тот. — Сегодня нужно ещё к нашим съездить, чтобы уж совсем нас с тобой не потеряли.

— Конечно, съезди. Денег там выдай им, сколько нужно на пропитание, да дай по доле каждому на свои расходы и возвращайся.

— А надо ли возвращаться? Может, сами тут без меня управитесь?

— Да что с тобой сегодня такое, Никифор? — напряжённым голосом тихо спросил Ратмир. — Запомни одно — ты для меня не чужой человек и всегда будешь мне нужен. Твоё место всегда рядом со мной.

— Знаю, Ратмир и благодарствую за доверие, — как-то вымученно улыбнулся старик Никифор и устремил свой взгляд куда-то за спину своего друга.

Обеспокоенная Мирослава переводила взгляд то на одного, то на второго. Наконец решила и обратилась к старику Никифору:

— Может я тебе могу помочь, Никифор? Ты не подумай там чего. Я в ваши дела особо лезть не стану. Коли понадобится помощь — помогу, чем смогу. А так я сама никогда никому не навязываюсь. Если кому-то не по душе прихожусь — тут же уйду с его пути.

Старик Никифор поднял на неё какой-то виноватый взгляд и неожиданно выдохнул: — Ох, и дуры же вы — бабы! Ничего-то вы не понимаете своим куриным умишком.

— Однако... — только и вымолвил опешивший Ратмир. Щёки Мирославы стали пунцовыми и, закусив нижнюю губу, она замолчала, глядя куда-то вдаль. Так, молча, они доехали до самых ворот в Девичий монастырь. Стражники на воротах не захотели пропускать старика Никифора без разрешительных документов или особого на то распоряжения. Но Мирослава их уговорила, и они записали его в особый реестр для внезапных гостей.

Через короткое время их повозка остановилась возле терема, в котором ранее останавливался дьяк Лаврентий. На крыльце терема их встретил отец Павел и радушно попросил войти. Но Ратмир, опираясь на посох, смерил взглядом ступеньки и покачал головой: — Нет, отец Павел. Не буду я пока подниматься. Лучше сам спускайся к нам, да проводи к схимнице Серафиме. В тот день у меня к ней вопросы оставались.

— К схимнице Серафиме?! — поразился отец Павел.

— К ней. А что — что-то не так? — устремил на него выжидающий взгляд скоморох.

— Так она же померла в тот же день, когда это всё и произошло, — развёл руками отец Павел. — Удар с нею приключился, она и не оправилась.

— Вот как... неожиданно, — нахмурился растерявшийся Ратмир и спохватился: — При ней помощница была. Ефросиньей, вроде, звали.... Она-то хоть жива?

— Жива, жива. Чего с нею сделается. Сейчас вон служку пошлю за ней, — и отец Павел окликнул стоявшую неподалёку молоденькую послушницу.

Через несколько минут к Ратмиру и его спутникам нерешительно подошла келейница Ефросинья и, не поднимая глаз, поклонилась.

— Здравствуй, мать Ефросинья, — участливо обратился к ней Ратмир.

— И тебя спаси Бог, милый человек, и спутника твоего, — голос женщины звучал тихо и приветливо. Она отдельно чуть поклонилась Мирославе: — Спасайся, сестра Мирослава.

— Спаси Господи, — ответно поклонилась ей та.

— Не думал я в тот день, что придётся нам с тобой опять свидеться. Да только иногда всё решается без нашего согласия, — опять обратился к ней Ратмир и добавил: — Если бы знать тогда, что мне же и придётся это дознание начинать да заканчивать, то и успел бы многое спросить у схимницы Серафимы. А так, буду теперь без неё сыск проводить. На твою помощь рассчитываю, мать Ефросинья.

— А оно и хорошо, что тебя, голубчика, на дознание возвернули. Очень уж схимница Серафима в тебя верила. Считала, что только ты и справишься с этим злодеянием. А я уж со своей стороны помогу всем, что понадобится. Только уж отыщи ты этих нелюдей, чтобы я своими зубами могла им глотку перегрызть в отместку за доченьку мою единственную, — келейница Ефросинья опустила перед Ратмиром на колени. Мирослава со стариком Никифором оторопели, увидев это.

— Не нужно, мать Ефросинья, — кинулся поднимать её с колен Ратмир. — Обещаю, что постараюсь сделать всё, что в моих силах, чтобы разыскать убийц невинных девиц. Где я могу найти тебя потом? Просто сейчас мне нужно с отцом Павлом побеседовать.

— Да вон там я проживаю, в дальних кельях, — указала рукой мать Ефросинья в сторону стоявшей поодаль длинной, деревянной двухэтажной постройки. — Любая из сестёр покажет при надобности.

— Хорошо, я найду тебя, — кивнул Ратмир и, проводив её взглядом, повернулся к своим спутникам: — Отец Павел, ты владеешь знаниями о монастырском укладе. Пойдём в тот терем, присядем, и ты мне расскажешь все здешние правила проживания ваших монашек. А вы, — он обратился к Мирославе и старику Никифору, — можете пока прогуляться по подворью монастыря. Может, чего интересного увидите и услышите.

Мирослава вздохнула, но, увидев вдруг засиявшие глаза старика Никифора, улыбнулась и кивнула ему: — Ну, что, Никифор, пойдём, прогуляемся, Я тебе здесь все окрестности покажу.

Через короткое время Ратмир и отец Павел уже сидели в тереме за чистым, деревянным столом. Перед ними стояли оловянные чашки с напитками и такие же блюда с монастырскими пирожками из грибов и сладкого творога.

— Спрашивай, сын мой. Что ты хотел услышать от меня? — отец Павел аккуратно отломил кусочек пирожка и отправил его себе в рот.

— Я не просто так интересуюсь этими вещами, отец Павел. Просто, прежде чем начать дознание, мне нужно точно знать, что здесь происходит каждый день и кто чем должен заниматься, — пояснил Ратмир, вертя в руке оловянную ложку.

— Похвально, сын мой, что ты так усерден в попытке найти истину. Я готов ответить на любой твой вопрос, если мне точно известен на него ответ, — сердечно улыбнулся тот и оправил в рот следующий кусочек пирожка.

— Как становятся монахинями в православных женских монастырях?

— Точно так же как и в мужских.

— Гм...ну, хорошо. Что нужно сделать, чтобы стать монахом? Вот, если бы я, отец Павел, вдруг захотел бы стать монахом, то что меня ожидало бы?

— А ты, сын мой, вообще крещённый али нет? — удивлённо вскинул брови отец Павел.

— Я — христианин.

— И крестик имеешь?

Ратмир полез рукой за ворот своей льняной рубахи и достал православный крестик на суровой нитке.

— Наш крестик, — одобрительно кивнул отец Павел. — Ну, хорошо, сын мой. Слушай меня внимательно, раз это так важно для тебя.

— Это важно для сыска.

— Пусть будет так. Так вот, монашество, сын мой, это каждодневный подвиг всякого монаха во славу Божию. И для того, чтобы стать монахом или монахиней, необходимо пройти три ступени духовного становления: первая — послушание. Это наши послушницы, кто только пришёл в монастырь. Оно же является и первой степенью пострижения. Также послушница может быть пострижена в иночество и тогда она становится рясофорной монахиней. Срок такого послушания назначен в три года. Далее идёт укрепление веры, то есть само монашество или вторая степень пострижения. Оно же называется малой схимой и длится этот срок у каждого монаха по-разному. И не каждый из них удостоивается перехода в великую схиму. Но самый малый срок для такого пострижения — четыре года... И третья ступень духовного становления монаха или монахини — совершенство, то есть — это монахи или монахини, прошедшие великий постриг, принявшие великую схиму и ставшие схимниками или схимонахами.

— А о каких монашеских подвигах ты говорил, отец Павел? Ну, ты говорил о подвигах во славу Божию?

Отец Павел опять с сомнением посмотрел на Ратмира:

— Смущаешь ты меня, сын мой, вопросами такими...

— Просто так получилось, что первую часть своей сознательной жизни я был вынужден жить не на Руси. Поэтому и скудны мои познания по части православия, — поспешил пояснить Ратмир.

— Так, а крестили-то тебя в каком возрасте и где? — нахмурившись, спросил отец Павел.

— Крещён я был в младенчестве в Суздале. А далее судьба родителей моих заставила оставить Русь и скитаться по другим странам. Там они и умерли... Потому и нужно мне сейчас от тебя все правила православного монашества услышать, чтобы попытаться понять — кто и за что мог так жестоко растерзать ваших послушниц.

— Ну, хорошо... Хотя странно всё это как-то, — отец Павел почесал указательным пальцем переносицу. — И на чём мы там остановились?

— На каждодневных монашеских подвигах.

— Ах, да! Это включает в себя принятие послушниками на себя подвигов отречения. Например — отречение от мира, уединение с целью умерщвления похоти человеческой плоти.

— Понятно, — кивнул Ратмир.

— Далее — отречение от своеволия и гордости житейской. Для этого послушник должен всегда слушаться, молиться и поститься. Отречение от собственности исполняют те, кто занимался в мирской жизни стяжательством и взятничеством. И многое другое, в чём может произрастать греховность мирянина. А знаешь ли ты, сын мой, что все высшие чины в православии являются монахами? И, если перевести их наименования с греческого, то они означают, что Патриарх — это родоначальник, Митрополит — человек из самого главного рода. Архиепископ — означает старший пастырь, а просто епископ переводится как

блоститель...

— Прости, отец Павел, что перебиваю тебя. Я, действительно, счастлив, что провидение послало мне столь учёного монаха....

— Схимонаха, — скромно поправил его отец Павел.

— Тем более! — воскликнул Ратмир и продолжил: — Но ответь мне сейчас вот на такой вопрос — этот монастырь женский?

— Не понимаю твоего вопроса, сын мой? Ты же знаешь на него ответ.

— Знаю, вот поэтому и спрашиваю тебя, отец Павел — что делает такое количество мужчин в Девичьем монастыре? Нет ли здесь искушения для послушниц и монахинь?

— Кто-то же должен охранять монастырь! — развёл руками отец Павел. — Тем более, что он стоит на столь важном рубеже перед Москвой. И всё!

— Ещё кто-то бывает приходящие мужского полу?

— Ну, певчие двое приходят и трудники иногда бывают из мужского монастыря, когда какие работы нужно сделать, — отец Павел опять развёл руками. — Так бабы сами-то не всегда могут управиться. Вот и нужна бывает здесь мужская сила.

Поговорив ещё какое-то время с отцом Павлом, Ратмир отпустил его и попросил прислать к нему келейницу Ефросинью. Та не заставила себя долго ждать и вскоре уже сидела на скамье в светлице напротив Ратмира.

— Присаживайся к столу, мать Ефросинья, отведай пирожков, — взмахом руки радушно пригласил он её за стол.

— Благодарю тебя, Ратмир, но мы в монастыре употребляем пищу только на общей трапезе, — покачала головой женщина.

— Ясно, — кивнул Ратмир и продолжил: — Мать Ефросинья, расскажи мне о своей дочери и двух других послушницах, что были с нею в ту страшную ночь, — обратился он к монахине сочувствующим голосом. Келейница Ефросинья с надеждой посмотрела на него и взгляд её повлажнел:

— Доченьке моей Настюше всего тринадцать годков было. Она хорошая была — моя девочка. В меру послушная, в меру шаловливая. Всегда улыбалась с шутками и прибаутками. Её за это игуменья Евникия недолюбливала...

— Это ещё почему? — вскинул брови Ратмир.

— Так монастырь же, — пожал плечами келейница Ефросинья.

— Расскажи мне, мать Ефросинья, чего же можно, а чего нельзя делать монахиням в монастыре.

— И монахиням и мирянам, находящимся в монастыре, есть многие ограничения. К примеру, разговоры здесь можно говорить только духовные. Все должны избегать смеха, шуток всяких, вольности в обращении, — взгляд келейницы Ефросиньи был светел и чист как родниковая вода. Говорила она тихим, благостным голосом.

— А как же должны решаться мирские вопросы: о пропитании, об одежде, о других насущных женских делах? — вдумчиво посмотрел на неё Ратмир.

— Для того есть специально обученные люди: экономка, казначей, келарь...

— Про это я уже слышал, — нетерпеливо перебил её скоморох. — Лучше скажи, какие ещё запреты есть в монастыре для послушниц.

— Никому нельзя покидать монастырь без благословения старшего.

— То есть, даже тебе, если нужно куда-то пойти из монастыря, то ты должна получить благословение у... у кого ты будешь получать его? — Ратмир откинул со лба прядь чёрных

волос.

— Должна получить его у игуменьи или у схимницы Серафимы. А если их нет, то у отца Павла, — торопливо дополнила она, предвосхищая следующий вопрос Ратмира.

— Понятно. Хорошо, продолжи про свою дочь и её подруг.

— В обители нет подруг. Есть только сёстры, — бесхитростно поправила его женщина и продолжила: — В тот день моя Настюша и наши послушницы Полинушка и Олимпиадушка как всегда после заутреннего богослужения да приёма пищи работали на послушании в огородах: пололи траву, да выбирали зрелые коренья на обеденную трапезу. Мы с ней и виделись-то за день раза три всего. У меня ведь тоже есть своё послушание при монастыре.

— Какое?

— Я в нашей швейной мастерской золотошвейкой подвигаюсь. Вышиваю золотой ниткой аналавы и куколи для схимников. Даже для митрополита как-то вышивала одежды, — без тени гордости ответила она.

— А дочку-то почему не обучила этому мастерству? Всё же лучше, чем в огороде копать.

— Дочь моя пока в рясофорных монахинях ходила, и потому ей послушание назначила игуменья Евникия. И при монастыре никогда не ропщут на указание старших и всегда с благодарностью принимают их. Даже иногда оскорбления, звучащие на общих послушаниях, мы все должны смиренно принимать, дабы совершенствовать свою опытность в духовной стезе и любви к ближнему своему.

Странное выражение на долю секунды появилось на лице у Ратмира и тут же исчезло. Он, как ни в чём не бывало, продолжил:

— Как в тот день себя вела твоя Настюша? Было ли что-то непривычное в её речи или в поступках?

— Каждый вечер перед отходом ко сну я вспоминаю тот день. Лежу полночи без сна, всё думаю и думаю — как это могло произойти? Кто это мог сотворить и за что? — горестно произнесла монахиня. — Да только так и нет у меня ответа на эти вопросы... Всё как обычно было в тот день... Ничто не предвещало такой беды...

— А как же ты и твоя дочь оказались в монастыре? Раз ты родила её, значит, была у тебя до этого другая жизнь?

— Была, Ратмир, была, — согласно кивнула та. — Да только после того, как опричники порешили всех мужчин в нашем роду, а всё добро отошло за какие-то долги в казну, то и другого выхода у меня не было. Сестра моя младшая ныне в Горицком монастыре. А я с дочерью оказалась здесь из великой милости боярина Федоскина. Это он помог нам попасть в эту обитель. Муж мой в его друзьях-товарищах ещё с детства числился. А схимница Серафима в светской жизни ему двоюродной сестрой приходилась. Вот она и взяла меня под своё попечение.

— Так вот, где я мог раньше эту фамилию слышать, — неслышно пробормотал Ратмир и вновь устремил пытливый взгляд на свою собеседницу. — Тогда ты упомянула, что там же была и Полинушка — племянница схимницы Серафимы.

— Правда твоя, Ратмир. Полинушке минуло четырнадцать годков. А третьей девице — Олимпиадушке тоже было, как и моей Настюше, тринадцать, — теребя в руках край своего чёрного фартука, отозвалась келейница Ефросинья.

— Почему эти девицы оказались здесь? Их бы можно было замуж отдать, да и жили бы обычной мирской жизнью, — озадаченно произнёс Ратмир.

— Так кому же они понадобились бы — бесприданницы? Нашего уровня человек без приданного редко когда берёт девицу замуж. А опускаться ниже — позорно, — растерянно пробормотала женщина.

— Конечно, — саркастически улыбнулся Ратмир. — А молодых, красивых девиц на всю жизнь в монастырь запереть — это не позорно!

— Что ты такое говоришь, Ратмир?! — возмущённо сверкнула глазами монахиня. — Быть Христовой невестой — большая честь для каждой девицы. Да и не запирает их никто на пожизненное пребывание. Коли найдётся какой добрый человек, так девица может замуж идти. Никто ей в этом препятствовать не станет.

— А-а, ну тогда ладно, — протянул Ратмир. — Что сказала схимница Серафима, когда только узнала о случившейся беде?

— С минуту, наверное, молчала, пока не дошло. А потом вся тут же покраснела лицом, затряслась. Послала сразу за боярином Федоскиным — он как раз приезжал её навестить, да какие-то дела обговорить. Вот тут он, Ратмир, про тебя-то ей и рассказал... Может она за ним и посылала, когда уже в беспамятстве бредила после удара... Это ведь у неё после твоего отказа удар-то приключился, — с укоризной посмотрела она на скомороха.

— Сожалею, но вины своей за этим не чувствую, — негромко ответил Ратмир. — А что говорила она в бреду?

— Да повторяла всё «пошлите за ним, да пошлите за ним...». А за кем — всё не говорила... А вот уж перед самым концом она пришла в себя и сказала мне так: мол «Передай ему, Фроська, что ни в чём я не виновна...» и добавила, что глаза у него материны и что она их сразу признала... Что с тобой, Ратмир?

Скоморох сидел за столом, руками подпирая голову и пряча в ладонях лицо. Только кадык его пару раз нервно дёрнулся.

— Ничего, — глухо произнёс он, не отнимая ладоней от лица. — Сейчас пройдёт.

— Так вот я и говорю, что может это всё она боярину Федоскину хотела передать?.. Только глаза-то его здесь причём? — недоумённо развела она руками.

— Может быть, — как-то устало выдохнул Ратмир и, убрав руки от лица, добавил: — Пожалуй, закончим на сегодня, мать Ефросинья, притомился я что-то.

— Как скажешь, батюшка, — засуетилась келейница Ефросинья, поднимаясь со скамьи. — Когда захочешь — тогда и продолжим. Я, почитай, всё время здесь, при монастыре.

Ратмир, молча, кивнул ей. Лицом он, казалось, постарел, а в потухших глазах его читались боль и досада.

Через некоторое время повозка боярыни Мирославы Кольчуговой выехала из массивных ворот Девичьего монастыря. Мирослава было кинулась с улыбкой к Ратмиру, но встретив его безразличный взгляд, как-то съёжилась, замолчала и сжалась в своём углу повозки.

— Случилось чего, Ратмир? — нарушил тишину старик Никифор, недоумённо глядя на своего собеседника.

— Да, ничего, — отмахнулся тот и, взявшись за ручку дверцы повозки, постучал другой рукой по её крыше. — Эй, останови!

Повозка, проехав ещё сколько-то пути, остановилась.

— Вы езжайте, мне нужно побыть одному. Я схожу к тому озеру, затем вернусь, — не глядя ни на кого, отрывисто бросил он, и, морщась от боли, стал выбираться из повозки,

опираясь на посох.

Мирослава было кинулась ему на помощь, но, встретив повторно неприязненный взгляд прищуренных глаз, отшатнулась назад и села на своё место.

Ратмир захлопнул за собой дверцу повозки, стукнул по её углу посохом и крикнул, обращаясь к кучере: — Трогай!

— Н-но, милая! — причмокнул тот, и повозка, медленно набирая скорость, тронулась с места.

— Что это было, Никифор? — спросила Мирослава, глядя на попутчика пронзительно-встревоженным взглядом.

— Даже и не знаю, что тебе ответить, боярыня Мирослава, — хмуро пожал плечами тот. — Вроде уже столько лет я его знаю, ан иногда из него такое незнакомое что-то покажется, что сам диву даюсь. Вот и сейчас даже не берусь судить, что это было. Только одно ясно, что о чём-то таком у него был с кем-то разговор, что его враз перевернуло.

— Я тебя сейчас отвезу до терема, Никифор. А сама вернусь и выясню, с кем и о чём он говорил, — твёрдо заявила Мирослава.

— Выяснить-то, конечно, можно, — нехотя кивнул старик Никифор и вздохнул: — Да только понравится ли ему то, что ты собираешься сделать?

— Я готова сделать всё для дорогого мне человека, — решительно произнесла она, сверкнув глазами.

— Не слишком ли быстро стал он для тебя дорогим? — как-то странно посмотрел на неё старик Никифор.

— Это ты о чём сейчас, Никифор? — удивлённо глянула на него в ответ Мирослава.

— Я хочу сказать, что не стоит он тебя, — неожиданно произнёс старик Никифор, отведя взгляд куда-то в сторону.

— Что-о?! Ты же ему друг! — поразились его словам попутчица.

— Ещё раз повторяю, боярыня Мирослава, что он тебя не стоит! И готов повторить это ещё много раз, — уже, глядя прямо ей в глаза, убеждённо произнёс старик Никифор. — Я его знаю много лет и сразу хочу предупредить, что у тебя с ним ничего серьёзного не получится. Ты же ему вон чуть ли не в матери годишься по годам-то. Я же вижу! И я вижу, как он к тебе относится.

— И как же?

— У него баб было немеренно. И ещё будет столько же. Таких, как он, может уgomонить только гробовая доска. Ты для него — одна из этих баб.

Мирослава что-то хотела возразить, но, поперхнувшись, замолчала. Потом она подняла потемневшие от обиды глаза чайного цвета и, упрямо качнув головой, произнесла: — Я всё понимаю и про себя, и про него. Может быть он — моё последнее бабье счастье. И я буду рядом с ним столько, сколько он позволит. И буду наслаждаться каждым мгновением, что смогу провести рядом с ним. Поэтому я сейчас поеду обратно в монастырь и всё выясню. А тебе, Никифор, после этого разговора, сам понимаешь — лучше не задерживаться в моём доме. Придумай причину и утром уезжай к своим.

— Хорошо, — кивнул старик Никифор, поджав сухие губы. — Тебе же хотел как лучше. Чтобы потом себе локти не кусала.

— Это я без тебя разберусь, Никифор. И хорошо, если Ратмир не будет знать об этом разговоре, — неприязненно глядя на него, произнесла уверенным тоном Мирослава.

— Как знаешь, — опять сухо кивнул старик Никифор и замолчал, глядя в окошечко

Солнце уже садилось на горизонте, и невысокие заросли кустарников по берегу небольшого чистого озера бросали на землю длинные тени. Птицы ещё щебетали в предчувствии вечернего сумрака. Лёгкий ветерок заставлял покачиваться и шуршать быстро пожелтевшую от пережитой засухи листву. Подростки птенцы болотных уток, покрякивая, стремительно пересекали прозрачную водную гладь озера. Бездонное синее небо отражалось в лёгкой ряби создаваемых ими волн. Там же, в вышине проносились ласточки, обещая на следующий день ясную погоду.

И всё бы казалось столь безмятежным и прекрасным, если бы эту идиллию не нарушали чьи-то глухие рыдания и стоны. И невесть откуда взявшаяся серо-рыжая белочка с лесным орехом в лапках, сидя на верхушке невысокого деревца, с удивлением смотрела сверху вниз на распростёртого на земле лицом в желтеющую траву черноволосого мужчину, чьи широкие плечи содрогались в рыданиях, а длинные сильные пальцы бессильно царапали травянистую землю...

Глава 16

— Как же ты напугал меня, Ратмирушка! Я всё боялась, что ты уже не вернешься ко мне, — прошептала Мирослава, нежно обнимая лежавшего на спине молодого мужчину и поглаживая его по мускулистой руке. Её голова лежала у него на груди, и она чутко прислушивалась к тому, как ритмично и гулко бьётся его сердце.

— Прости, милая. Я это не со зла, — тихо произнёс Ратмир, перебирая пальцами густые пряди её волос. — Постараюсь, чтобы такого больше не повторилось.

— Хорошо бы, — так же тихо ответила она и сильнее прижалась к нему: — Как же ты мне дорог, Ратмирушка! Иной раз мне чудится, что нет на свете такого, чего бы я не готова была для тебя сделать! Прямо хочется всю себя отдать тебе...без остатка...

— Ну, уж, — тихо рассмеялся Ратмир. — Нельзя так. Любить — люби, но и себя блюди. Жизнь — она странная штука. Так порой повернет, что всё может полететь вверх тормашками. У каждого из нас одна только возможность побыть на этом свете. Вот и стараться нужно прожить эту возможность без сожалений за прошедшее.

— А я ни о чём сейчас и не сожалею. Разве только о безвременно ушедших близких моих. Но их воротить я не в силах. А вот за встречу с тобой каждую ночь теперь благодарю свою судьбу, — с легким душевным волнением произнесла Мирослава и, поднеся к своему лицу его руку, приникла губами к сильным пальцам скомороха.

— Смешная ты, Мирослава, — усмехнулся Ратмир, осторожно отнимая свою руку. Подложив её себе под голову, добавил: — Добрая и смешная. Вы — бабы, когда влюбляетесь, всегда такими становитесь.

— А разве мужчины в этом отличаются чем-то от нас? — Мирослава нежно провела рукой по его щеке.

Ратмир чуть отодвинул голову в сторону и усмехнулся: — А мы — мужчины — охотники. И чем недоступнее добыча — тем она желаннее.

— Грустно мне такое слышать. Но я нисколько не жалею о том, что в первый же день не устояла перед тобой. Столько сладкого времени могла потерять, — в отсвете лунных лучей улыбнулась женщина. — А теперь мне нужно немного поспать, милый. К литургии

пораньше вставать приходится.

— Разбуди меня тоже, — пробормотал, засыпая, Ратмир.

— Куда-то поедешь?

— Нет, с тобой пойду на службу. Хочу посмотреть на всех, кто будет в соборе.

— Хорошо, милый, разбужу.

В светлице наступила тишина. И только маленький сверчок в скрытом от чужих глаз уголке убаюкивающе стрекотал, призывая свою ненаглядную. Мягкий лунный свет проникал через слюдяное окошко и освещал большую кровать, на которой под балдахином безмятежно спали мужчина и женщина.

Ранним утром Ратмир, опираясь на посох, спустился следом за Мирославой по ступенькам к повозке и увидел готового к отъезду старика Никифора.

— Так мы с тобой договорились, Никифор? — обратился он к нему. — Вечером жду тебя.

— Наверяд ли я приеду, Ратмир, — вздохнул тот и непроизвольно кинул грустный взгляд в сторону Мирославы. — У меня ведь и своих дел полно. Да и форму нам терять нельзя — будем продолжать упражняться, пока ты тут не закончишь.

— Как же так? — удивился Ратмир.

— Ратмир, нам пора. А то не успеем к началу, — поторопила его Мирослава и помахала рукой старику Никифору: — Счастливого пути тебе, Никифор.

Ратмир с досадой посмотрел на неё и вновь обратился к старику Никифору: — Ну, хорошо. Делай как тебе надо. Только помни наш уговор. И пришли мне сюда мою котомку и мой сундучок. Сам знаешь какой. Вдруг понадобятся.

— Хорошо, я пришлю сегодня же... А про наш уговор я никогда и не забывал, — усмехнулся тот, вставляя ногу в стремяна. Уверенно сев в седло, посмотрел долгим прощальным взглядом на Мирославу. Та невольно отвела взгляд в сторону. От внимания Ратмира не укрылась эта странная пикировка взглядами, но он промолчал и, сев в повозку, прикрыл за собой дверцу. Повозка двинулась к открытым воротам, и в окошечко они оба увидели, как мимо них проскакал на лошади старик Никифор.

— Не нравится, мне как Никифор сейчас со мной говорил. Что-то с ним происходит, — озабоченно произнёс Ратмир, проводив его взглядом, и добавил, переведя на Мирославу пытливый взор: — Я очень надеюсь, Мирослава, что ты здесь ни при чём. Мои товарищи — скоморохи — это моя семья. Обидеть кого-нибудь из них — значит обидеть меня.

— Я поняла, Ратмирушка. Обещаю тебе никогда и никого из них не обижать и даже защищать, если понадобится, — опустил глаза, кинулась она к нему на шею.

— Ну, полно, полно, боярыня Мирослава, — рассмеялся Ратмир, пытаясь освободиться от её объятий. — К литургии едешь, а у самой один плотский грех на уме. Этак ты никогда игуменьей не станешь.

— Что ты такое говоришь, Ратмирушка? — притворно возмущилась женщина и демонстративно отсела от него. — Да я самая богобоязненная прихожанка в здешнем соборе. И сейчас я уже думаю только о предстоящей литургии.

— А ты знаешь, что литургия — это греческое слово и означает «общая работа», — улыбнулся Ратмир и добавил: — Так говорили раньше, когда нужно было храм или дом построить, или стену какую возвести — выйти на литургию.

— Что-то подобное я слышала от нашего батюшки, — кивнула боярыня Мирослава и,

достав из кармана платья какой-то свёрток, развернула его и накинула себе на голову малиновый красивый кружевной платок. Потом, обхватив лицо ладонями, закрыла глаза и едва слышно зашептала: «Иду в дом Твой, поклонюсь храму святому Твоему, с благоговением к Тебе...»

Ратмир с интересом посмотрел на неё, улыбнулся и перевёл взгляд на уже показавшийся за деревянной стеной монастыря Смоленский собор...

Подходя к храму, Мирослава совершила трижды крестное знамение и поясной поклон. Ратмир, искоса поглядывая на неё, повторил за ней всё то же самое. Поднимаясь на паперть, они опять трижды перекрестились с поклоном. А перед самой дверью Мирослава совершила три поясных поклон, негромко произнося: — Господи Иисусе Христе, Сын Божий, молитв ради Пречистой Твоей Матери и всех святых, помилуй нас. Аминь.

В соборе уже не было места, куда яблоку упасть. Тесно стояли монахини и прихожане, жившие за стенами монастыря. В широких подсвечниках перед потемневшими от времени иконами горели ярким огнём желтые восковые свечки. Воздух в церкви был напоен ароматами ладана и горящих свечей. Служба должна была вот-вот начаться, но стоявшие монашки и прихожане стали оглядываться и с интересом рассматривать на вошедших боярыню Мирославу и её спутника.

— Мне здесь не очень хорошо видно, — шепнул он ей на ухо. — Можно как-то перебраться поближе в середину?

— Посмотри, как все тесно стоят, не получится, — Мирослава покачала головой. — Ты же высокий, смотри пока так.

Ратмир слегка нахмурился, но промолчал и стал с интересом разглядывать всё вокруг себя. Окидывая взглядом толпу молящихся, он то и дело натыкался на колючие, неприязненные взгляды. В основном так на него смотрели мужчины, находившиеся в храме: стражники и кое-кто из трудников. Взгляды монашек по большей своей части были бесстрастны. Правда, встретились ему среди них и несколько заинтересованных.

Но вот священник отворил ворота алтаря, и из правого угла храма послышалось протяжное многоголосое пение. Ратмир повернул голову в ту сторону и увидел стоявших на клиросе двух молодых бородатых мужчин и нескольких монашек. Они с одухотворёнными лицами пели псалмы. Священник в это время вышел с кадилом из ворот алтаря и стал благословлять им своих прихожан. Его помощник, молоденький парамонарий со светлой, жидкой бородкой и тощей, цыплячьей шеей священнодействовал в алтаре, помогая батюшке...

Ратмир внимательно следил за службой и по возможности как можно незаметнее разглядывал прихожан. После окончания службы народ, тихо перешёптываясь, двинулся к выходу. Неожиданно в том же правом углу храма послышался какой-то глухой удар, раздались женские возгласы и крики. Направлявшиеся к выходу прихожане замедлили шаг, оглядываясь в ту сторону.

— Что там? — спросила Мирослава.

— Не видно ничего. Но, похоже, что кто-то упал, — пробормотал Ратмир, вытягивая шею, чтобы разглядеть происходящее в той стороне.

«Падучая...падучая...», — вдруг пронёсся шёпот в толпе людей. Монашки и прихожане истово закрестились и ускорили свой ход к выходной двери.

— Пойдём, посмотрим. Может, помощь какая понадобится, — произнёс Ратмир и, схватив Мирославу крепко за запястье, потащил за собой, опираясь на посох и прикрывая её

своей грудью от взволнованной толпы прихожан, направлявшихся к выходу.

— Погоди, не торопись, — с беспокойством произнесла она. — Ногу-то, ногу-то свою побереги. Всю литургию выстоял с больной ногой.

— Ничего, уже меньше болит, — откликнулся Ратмир.

Пробравшись сквозь редящую толпу к нужному месту, они увидели упавшего навзничь на мраморный пол рядом с клиросом одного из певчих. Молодой, бородатый мужчина с закотившимися глазами лежал на спине. Тело его сводила судорога, а изо рта шла кровавая пена...

— Успел уже прикусить язык! — с досадой воскликнул Ратмир и, бросившись на колени перед упавшим певчим, быстро достал из голенища сапога кинжал. Кинув взгляд по сторонам, молча, выдернул из рук у одной из прихожанок шелковый платочек и, обмотав им кинжал, склонился над головой корчившегося в судорогах мужчины. С трудом разжав его окровавленные зубы, он освободил почти наполовину прокушенный багровый язык и с силой вставил между зубов певчего завёрнутый в платочек кинжал. Потом, придерживая мужчину за плечи, дождался, пока тот не перестал биться в судорогах и, тут же встав на ноги, сделал шаг назад. Под замершим телом певчего стала растекаться желтая лужа. Стоявшие вокруг прихожане оживились и начали перешёптываться.

— Всё, помогите ему дойти до дома. Пусть отдохнёт. Нельзя ему в духоте долго стоять. Так и будет страдать падучей до конца жизни своей, — сказал Ратмир второму певчему и стоявшему чуть поодаль батюшке.

— Спаси Бог тебя, добрый человек, — неожиданно подошёл к ним батюшка и осенил Ратмира крестом. — Пусть благодать Божья не покинет тебя за твои добрые дела, — и обратился к стоявшей за спиной Ратмира Мирославе: — Боярыня Мирослава, ты ли привела этого человека в наш храм?

— Да, отче Ермолай, — кивнула Мирослава и смущённо поправила на голове малиновый платок.

— Как же величать тебя, добрый человек? — степенно обратился батюшка Ермолай к её спутнику.

— Ратмир я.

— Стало быть, по-нашему, по-славянски — ратник мира, защитник, — одобрительно кивнул батюшка Ермолай. — Не ты ли тот человек, которого прислал дьяк Лаврентий для сыска нелюдей, погубивших наших послушниц?

— Я, — кивнул Ратмир, с интересом продолжая смотреть на батюшку.

— Я здесь приходящий священник. Живу за стенами монастыря. И если тебе, сын мой, понадобится от меня какая помощь в этом богоугодном деле, то ты можешь постучать в мою дверь в любое время.

— Благодарю тебя, отче Ермолай, — тепло произнёс Ратмир. — Помощь мне всегда может понадобиться...

Уже на выходе из церкви Ратмир вдруг почувствовал, как кто-то дёргает его за рукав кафтана. Он повернул голову и увидел прозрачный взгляд монахини Ефросиньи.

— Доброго дня тебе, мать Ефросинья, — улыбнулся он ей.

— Спаси Бог тебя, Ратмир, — благосклонно кивнула она и посмотрела на Мирославу: — Спасайся, сестра Мирослава.

— Спасибо Бог, — привычно поприветствовала её та.

— Нет ли у тебя, Ратмир, каких известий о татях этих? — келейница Ефросинья с

надеждой посмотрела на него.

— Увы, мать Ефросинья, пока ничего не нашёл, — развёл руками Ратмир. — Как только будут какие-то стоящие вести — обязательно тебе сообщу. А пока у меня к тебе просьба.

— Говори, Ратмир. Всё, чем могу помочь, сделаю.

— Я немного о другом. Покажи мне место упокоения схимницы Серафимы.

Келейница Ефросинья удивлённо посмотрела на него и тихо произнесла: — Пойдём, покажу. Она здесь погребена.

Монашка повела их по выложенной камушками тропинке почти к самой стене Смоленского собора. Здесь они увидели две ухоженные могилы с высокими деревянными крестами и широкими каменными плитами-надгробиями, украшенными искусственными цветочками.

— Вот здесь она нашла свой последний приют, — вздохнула келейница Ефросинья и указала рукой на одну из могил.

— А вторая могила чья? — спросил Ратмир, пытаясь прочитать на могильной плите выбитые на камне буквы. — Е-е лена...

— Здесь лежит Елена Девочкина, — неожиданно быстро ответила вместо монахини Мирослава. — Она была первой игуменьей Девичьего монастыря.

— Вот как, — вздохнул Ратмир и посмотрел на своих спутниц: — Хочу попросить вас оставить меня ненадолго здесь одного.

Мирослава удивлённо вскинула брови, но келейница Ефросинья, кинув на Ратмира быстрый взгляд, потащила её за рукав в сторону: — Пошли, пошли, сестра Мирослава. Надо уважить человека.

Ратмир, дождавшись, пока женщины отошли на приличное расстояние, опустился на колени перед могилой схимницы Серафимы и негромко произнёс: — Я точно знаю, что люди на смертном одре не лгут. Ты сказала в тот день перед смертью, что не виновата в том, что произошло много лет назад со мной и моими родными. До вчерашнего дня я был крепко уверен в обратном. Но мне передали твои предсмертные слова, и я поверил им. Теперь я искренне сожалею, что стал виновником твоей скорой смерти. Если сможешь, прости меня, Наталья Фёдоровна.

Ратмир прикоснулся правой рукой к холодной могильной плите и опустил голову. Так он простоял несколько мгновений, после чего быстро встал и направился в сторону своих спутниц.

— Мать Ефросинья, — обратился Ратмир к монашке и, достав из кармана кафтана пригоршню серебряных монет, вложил их ей в руку. — Закажи для покойницы схимницы Серафимы все требы, которые положены в таких случаях. Я знаю, что лучше тебя этого никто не сделает.

— Хорошо, Ратмир, я всё сделаю от твоего имени. Только здесь много.

— Это не на один раз, — пояснил Ратмир.

— Понимаю, но всё равно много, — покачала головой монашка.

— Тогда возьми остальное себе.

— Мне не нужно, — вздохнула монашка и добавила: — Могу в пожертвования в монастырь отдать.

— Так и сделай! — воскликнул Ратмир и обратился к Мирославе: — Всё, мы можем ехать домой. И мне потом нужно будет по делам съездить в Москву.

Они двинулись в сторону ворот Девичьего монастыря.

Через некоторое время повозка боярыни Мирославы Кольчуговой покатила от ворот монастыря в сторону построенных на пригорках обширного Девичьего поля теремов. Босоногая детвора радостно побежала рядом, пытаясь зацепиться и прикатиться на задниках повозки.

Глава 17

После сытного завтрака Ратмир с котомкой за спиной вышел из терема на крыльцо и увидел стоявших внизу пожилую монашку с молодым, бедно одетым парнем, подстриженным под горшок.

— Доброго здоровьичка тебе, барин! — поклонилась она и дала гулкий подзатыльник парню: — Кланяйся, давай, неслух!

Парень робко улыбнулся и тут же поклонился Ратмиру. Последний поморщился: — Довольно кланяться. Вам, скорее всего, к боярыне нужно.

— Нужно, барин. Ох, как нужно! — воскликнула женщина. — Где же она — наша спасительница?

В этот момент из-за дверей показалась Мирослава и радостно улыбнулась, увидев женщину:

— Прасковьюшка! Наконец-то вы вернулись! А мы тут все жданки прождали вас дожидаясь. Слышали, наверное, какое горе у нас тут случилось?

— Слышали, боярыня, слышали! Что за звери такие жестокие появились в нашем монастыре?! — воскликнула женщина. — А уж матушка наша Евникия как прослышала про эти убийства, так и всю дорогу себе места не находила. Всё плакала и молилась за безвинно погубленных послушниц наших.

— Я так понимаю, что игуменья вернулась с богомолья? — тихо спросил Ратмир у Мирославы. Он уже собирался спускаться с лестницы, но поняв, что разговор идёт о возвращении игуменьи Евникии, приостановился.

— Да, вернулась, — ответила Мирослава и добавила: — Вот мать Прасковья ездила с ней на богомолье. А кто это с тобой, мать Прасковья? Что за светлый отрок?

— А это племян мой внучатый Фёдор, боярыня. С его матерью мы ещё в детстве по всяким садам да буеракам лазили. Дружили очень. Очень уж у них там голодно стало. Вот она его и прислала для поиска какой-никакой работёнки. Сама знаешь, боярыня, что при монастыре молодым парням делать нечего. Не найдётся ли у тебя какой? Он — парень хоть на вид и робкий, но рукастый и головастый.

— А что делать умеет? — спросила Мирослава, улыбаясь и глядя вслед медленно спускавшемуся по ступенькам Ратмиру.

— Да что скажешь — то и будет делать. Матери-то нужно хоть копейку на хлебушек отсылать.

Ратмир, прихрамывая и опираясь на посох, дошел до конюшни. Пожилой конюх вывел под уздцы его лошадку.

— А может, всё-таки в повозке поедешь, Ратмир? — крикнула ему Мирослава. — Кучера вон возьми, да поезжай.

— Я могу за кучера! — неожиданно воскликнул молодой парень по имени Фёдор и улыбнулся: — Я обращению с лошадьми очень хорошо обучен.

— Нет, я на своей лошадке, — покачал головой Ратмир, и не без труда забравшись на

лошадь, прикрепил сбоку посох. Затем кивнул Мирославе и направил лошадь к воротам. Стоявшие у крыльца люди, молча, посмотрели ему вслед...

Въехав в лесную чащу, Ратмир снял с себя серый кафтан. Затем достал из котомки накладную бороду и куриное яйцо и проделал всё тот же ритуал приклеивания бороды к лицу. Затем надел на голову суконную шапочку, всунул руки в рукава богатого боярского кафтана, сложил ненужные вещи в котомку и вновь выехал на дорожную колею. В таком виде он доскакал до Москвы. Там подозвал к себе шустрого мальчишку и, передав ему записку с пятиалтынным, направил свою лошадку в сторону Александровой слободы. Доездная память, выданная ему дьяком Лаврентием, пылилась у него в обшлаге кафтана. А предъявлял он на всех постах документ, сделанный ещё тогда при живом боярине Саврасове. И везде его пропускали без лишних слов.

Добравшись до Александровой слободы, он первым делом заехал в корчму, где некоторое время назад оставил под присмотром корчмаря боярыню Сказовскую, чью дочь Татиану тогда на его глазах зарубили опричники. Не без труда спешившись с лошади, Ратмир, опираясь на посох, вместе с корчмарем навестил слепую боярыню и, убедившись, что с той всё хорошо и никаких жалоб у неё нет, опять дал корчмарю денег для присмотра за ней. Выходя из корчмы, он в какой-то момент почувствовал чей-то пристальный взгляд. Быстро повернув голову в ту сторону, Ратмир увидел только спину незнакомого, темноволосого, крепкого мужчины, заходившего за угол дома. Правда, что-то знакомое ему почудилось в осанке этого человека, но тот уже скрылся из виду. Ратмир нахмурился и, опираясь на посох, подошёл к своей лошади и с усилием забрался на неё. Приторочил к седлу посох и отправился к печатне, где его с большой радостью встретил её управитель Андроник Невежа:

— Что же ты, брат, не прислал мне записку?! Я бы тебя навестил и снадобья какие привёз бы для твоей ноги. И в каком это поединке ты получил такую рану?

— А-а, — махнул рукой Ратмир и лучезарно улыбнулся. — Сам понимаешь, что у нашего брата всегда найдётся повод для битвы с кем-нибудь.

— И причина, конечно же, женщина! — радостно воскликнул Андроник.

— Ну, как же без них, — опять улыбнулся Ратмир.

— А я тебя, брат, обыскался. Ну, теперь-то хоть не пропадай, — хлопнул его по плечу управитель печатни.

— Теперь некогда пропадать, — невесело усмехнулся скоморох. — Время уже поджимает. Пойдём в печатню. Покажешь, в чём помощь нужна.

Они более трёх часов ходили вокруг печатных станков, выправляя оборудование, и договорились, что печатать первые книжки начнут уже на следующей неделе.

— Для начала попробуем перепечатать вот эту книжицу, — Андроник положил перед Ратмиром на один из печатных станков небольшую книжку в потёртой кожаной обложке.

— «Апостол», — сразу узнал книгу Ратмир и, бережно взяв её в руки, улыбнулся Андронику: — Хорошее начало.

— Так решил Великий государь, и я согласен с ним, — ответно улыбнулся тот.

— Нужно подумать и том, что печатать дальше. Знаю, что в государевой библиотеке есть достойные книги, — Ратмир положил книгу на печатный станок и задумчиво потёр пальцем переносицу. — Помнится, ты говорил, что у тебя есть план этой библиотеки.

— Есть, а как же! Хочешь взглянуть?

— Хочу, да не мешало бы посмотреть уже и саму библиотеку, — кивнул Ратмир.

— А вот, смотри, — Андроник не торопясь достал из стоявшего в углу оббитого железными полосками сундука свиток и развернул его: — Вот здесь проходят царские хоромы, здесь — подклети и дальше уже идут подвалы. Вот здесь вот, — он ткнул указательным пальцем в свиток, — и находится вся государева библиотека. А разрешительная бумага же есть у тебя? — как-то неуверенно он вдруг спросил Ратмира.

Ратмир, молча, вытащил из обшлага рукава кафтана бумагу и протянул её своему собеседнику. Тот внимательно пробежал по ней глазами и с облегчением рассмеялся: — Слава Богу, что она у тебя есть. Извини, брат, но сам понимаешь — насколько важна эта библиотека для Великого государя, да и для всей России-матушки. Если что не так — меня же сразу колесуют.

На этих словах Ратмир искоса посмотрел на него странным взглядом и тут же опустил глаза.

— Ну, пошли, покажу я тебе ещё раз, как туда входить и где что лежит, — продолжил Андроник и опять хлопнул Ратмира по плечу.

Из печатни они дошли до царских хором и предъявили разрешительные документы стоявшим у входа стражникам. Те, внимательно перечитав их, пропустили скомороха и управителя печатни в боковой проход, ведущий под само здание.

Ещё около часа они ходили по скрытым в полумраке отсекам большого, сухого подвального помещения, где на крепких деревянных полках лежали большие и маленькие, новые и потрёпанные временем книги. Ратмир уже почти при каждом шаге болезненно морщился, но, молча, терпел.

— А на этой половине находятся те самые книги, что в своё время привезла в приданом бабка нашего государя, — махнул рукой в глубину помещения Андроник.

— Софья Палеолог, — негромко произнёс Ратмир и окинул внимательным взглядом полки, заставленные большим количеством книжных томов.

— Она самая, — подтвердил Андроник.

Спустя некоторое время они вышли из царских палат и, договорившись встретиться через три дня, разошлись каждый в свою сторону.

Ратмир, морщась на каждом шагу, добрался до своей лошадки, стоявшей сбоку от печатни, и с трудом забрался на неё. Посмотрев в небо на солнце, он покачал головой и галопом помчался к выезду из Александровой слободы. Благополучно миновав все посты, скоморох направил лошадку в сторону Москвы-реки к известному ему месту.

Там на пригорке, в тени желтеющих деревьев уже стояла гнедая лошадь, и неподалёку от неё на небольшой подстилке сидел человек в тёмно-коричневом плаще с капюшоном на голове. Услышав топот копыт, он обернулся и напряженно застыл на месте. Но, приглядевшись, облегчённо вздохнул и приветственно помахал рукой.

— Я уже решил, что ты забыл обо мне, брат! — радостно воскликнул он на итальянском языке, вскакивая на ноги. — О, Мадонна! Что с тобой?!

— И не спрашивай. Лучше помоги мне, Антонио, — превозмогая боль, сквозь зубы, также на итальянском, процедил Ратмир, перекидывая здоровую ногу на противоположный бок лошади. — Помоги спуститься с лошади.

Антонио тут же подбежал и помог ему спешиться. Ратмир отцепил от седла посох и, доковыляв до подстилки, со стоном опустился на неё.

— Когда тебя уже успели ранить?! И за что? — обеспокоенно произнёс Антонио, с состраданием наблюдая, как Ратмир потирал рукой больную ногу.

— Да, ерунда, — пожал плечами Ратмир. — Остановил на скаку чужую лошадь.

— Надеюсь, что та дама, которой ты оказал эту услугу, достойно тебя отблагодарила? — улыбнулся прекрасный Антонио, придвигая поближе к подстилке небольшую коробку.

— Более чем, — усмехнулся Ратмир. — Но подробностей не жди от меня.

— Узнаю галантного Ратмира. Никогда и никому никаких подробностей о своих дамах, — развёл руками, улыбаясь, Антонио и достал из коробки бутылку вина и пакет с хлебом и мясом. — А это нам с тобой выдала наша прекрасная Агнешка. Как только узнала, что ты вызвал меня на встречу, тут же достала из своих запасов бутылку вина, что ей давал с собой Учитель.

— Очень мило с её стороны! — довольно улыбнулся Ратмир. — Передавай ей от меня привет.

— Обязательно. У нашей Агнешки сейчас бурный роман с немецким послом, — рассмеялся Антонио. — Ты мог видеть его там, на царском балу.

— На Руси это называется — на пиру, — поправил его Ратмир, наблюдая за тем, как ловко Антонио разливает по небольшим серебряным бокальчикам тёмно-рубиновый напиток.

— Пусть будет так, — согласился его собеседник и протянул ему наполненный бокал: — Держи, брат. Почти месяц мне с тобой не удавалось пригубить вина, — и тут же с отвращением добавил: — Как тебе не мешает эта борода?! Ужас! Хотя тебе она даже где-то и к лицу...

— Сам терпеть не могу её, но приходится пока маскироваться. Сейчас сниму, — улыбнулся Ратмир и, смочив лицо вином, аккуратно снял бороду с лица и положил рядом с собой. Затем поднёс бокал к губам и с удовольствием вдохнул его запах: — Узнаю аромат вина с виноградника Учителя.

— А помнишь, как мы мальчишками помогали ему собирать виноград?

— Конечно. А потом ногами давили его в деревянных бадьях, — Ратмир сделал пару глотков и, восхищённо прикрыв глаза, почти простонал: — Это оно, то самое вино.

— Которое? Ты и год узнал? — удивился Антонио.

— То самое, которое мы с тобой ногами давили, — озорно улыбнулся Ратмир.

— Да ну тебя, Ратмир! — возмутился Антонио и шутливо замахнулся на приятеля: — Вот отлуплю сейчас тебя как следует.

— Ты же всегда говорил, что раненых не трогаешь, — продолжая улыбаться, ответил Ратмир. Допив вино, он откинулся на спину на покрывало и закрыл глаза: — Пресвятая дева Мария! Хорошо-то как вот так на солнце валяться и ни о чём не думать.

— А ты знаешь, кто на днях прислал нашей Агнешке послание? — загадочным голосом произнёс Антонио.

— И кто же? — не открывая глаз, спросил Ратмир.

— Наша белокурая Виола, — Антонио со скрытым злорадством увидел, как вдруг напряглись жилы на шее его собеседника и как тот нервно сглотнул, не открывая глаз.

— И что же было нужно баронессе Седеркрейц? — чуть охриплым голосом спросил Ратмир. Он открыл глаза, но в них уже не было ни капли веселья.

— Простая женская болтовня, — пожал плечами красавчик Антонио, продолжая наблюдать за реакцией Ратмира. — Правда, по секрету мне Агнешка сказала, что баронесса спрашивала и о тебе.

— Вот как, — вздёрнул брови Ратмир и, нахмурившись, добавил: — Меня это давно уже

нисколько не интересуется.

— Конечно, я понимаю тебя, брат, — сочувственно произнёс Антонио, опять разливая вино по бокалам. — Такое предательство трудно простить. Ей нужно было подождать всего один год. Ты бы вернулся после своей миссии в Китае и смог бы жениться на ней. Но она поспешила стать баронессой Седеркрейц — второй женщиной в Швеции после их королевы. И теперь у неё есть всё кроме тебя. Агнешка сказала, что её дочери уже семь лет и скоро ожидается второй ребёнок.

— Не нужно больше об этом, — устало отозвался Ратмир и взял протянутый Антонио бокал с вином.

— Конечно, не нужно, — согласился тот и тут же добавил: — А всё-таки жаль. Ведь у тебя с ней в коллегии была такая любовь! Мы все вам завидовали...

— Довольно, Антонио! — с досадой качнул головой Ратмир. — Я тебя позвал по другому делу.

— Хорошо, хорошо, брат. Ты только не сердись. Говори, что там у тебя, — с готовностью отозвался тот.

Ратмир достал из другого обшлага кафтана бумагу и графитный карандаш.

— Вот здесь находится царская библиотека. Вот тут протекает река. Самое ближнее место — это. — Ратмир ткнул карандашом в нужное место на рисунке. — Тут и нужно выкупить на время подворье и скорее начать рыть подкоп.

— Всё-таки подкоп, — с сомнением посмотрел на рисунок Антонио, отпивая из бокала вино.

— По-другому никак. Всё очень сильно охраняется. До самой Александровой слободы сам знаешь сколько постов. Да что я тебе объясняю! Ты и сам иногда там бываешь по посольским делам, — ответил Ратмир и потянулся за хлебом и мясом. — Что-то я проголодался.

— Ешь, ешь, — пододвинул к нему поближе раскрытый свёрток с едой Антонио и вздохнул: — Хорошо, раз ты говоришь, что подкоп — значит, будем делать подкоп. Дам указание выкупить подворье, собрать надёжных людей и начнём.

— Думаю, что дней за двадцать управитесь. Очень широким не нужно делать. Главное, чтобы не задохнуться и нормально протаскивать узлы с книгами. А дальше — с нашим человеком по реке на лодке до первого поворота налево, — озабоченно добавил Ратмир. — Там большая пристань и много всяких лодок и людей. Очень легко затеряться.

— Неужто удастся незаметно всё вынести? А через границу как обычно? — нерешительно спросил Антонио.

— Как я понял, кроме царя никто этой библиотекой не пользуется. Выносить придётся не всё сразу, а две-три книги за раз. И вместо них нужно будет подготовить подделки. Мой человек займётся этим. Их-то я и буду ставить на место, чтобы никто из посторонних людей не догадался. А через границу с твоими посольскими служащими две-три книги никому не бросятся в глаза. Их обычные люди никогда в глаза не видели, потому и не смогут узнать. Да и местной знати царь этих книг особо никому не показывает. Так что я уверен, что здесь не будет никаких трудностей, — Ратмир привычным жестом откинул волосы со лба.

— Да-а уж! Даже не верится, что эта библиотека скоро вернётся домой. Самая большая мечта Учителя наконец-то исполнится..

— Одна из самых больших, — поправил его Ратмир и добавил: — Да и не так скоро. Представь, сколько нужно времени на то, чтобы перетаскать оттуда почти два обоза книг. А

потом ещё и через границу их переправить, — Ратмир стал, морщась, с явным усилием подниматься с подстилки. — Пора нам ехать, брат Антонио, скоро темнеть начнёт. Много вокруг оголодавших и ожесточившихся. Не хочется из-за этого губить чужие жизни и проливать чью-то кровь.

— Давай помогу, брат, — кинулся к нему на помощь Антонио. — И держи свой посох. Ты прав, пора домой.

— И у меня будет ещё одна просьба к тебе, брат, — придерживая лошадь, обратился Ратмир к другу. Тот в этот момент уже приторочил подстилку к седлу и сел на лошадь.

— Говори.

— Печатней заведует хороший человек — Андроник Невежа. Он достаточно умён и внимателен и может мне помешать. Нужно сделать так, чтобы в ближайшие дни он получил приглашение от наших мастеров печатных дел для ознакомления с новыми печатными станками. Он должен уехать в Италию и оставаться там как можно дольше. Лучше — навсегда. Ты же понимаешь, что рано или поздно откроется, что вместо драгоценных книг на полках в царской библиотеке стоят подделки. Я не хочу, чтобы этого человека казнили.

— Я понял тебя, Ратмир. Ты прав — безвинные люди не должны страдать из-за политических дел. Так учит наш Учитель. Но, увы, иногда приходится и их приносить в жертву, — вздохнул Антонио и, улыбнувшись, весело добавил: — Хотя думаю, что ему я смогу помочь покинуть Русь в ближайшее время.

И они оба — бок о бок — поскакали в сторону Москвы.

Глава 18

Время было уже около полуночи, и в светлице боярыни Мирославы Кольчуговой, плача полупрозрачными слезами, горели восковые свечки, даря окружающему ночному миру дрожащий свет.

На большой широкой постели с балдахинном, подложив под спину кучу пуховых подушек и вытянув больную ногу, полусидел-полулежал Ратмир в чистой, отглаженной кремового цвета кружевной рубашке и в светло-серых портках. В руках у него была небольшая вытянутая гитара. Длинные, сильные пальцы скомороха ловко касались её натянутых струн и извлекали из них нежную, щемящую душу мелодию.

Вот затихли последние аккорды. Сидевшая на краю постели Мирослава вздохнула: — Разных мне приходилось слышать музыкантов, но никто из них не играл такую душещипательную музыку. Как же она мне по душе пришлась, Ратмирушка!

— А ты обучись её играть сама, — добродушно улыбнулся Ратмир. — Вот и будешь себя утешать, когда захочется.

Мирослава как-то странно посмотрела на него и нехотя кивнула: — Пожалуй. Только тебе придётся показать мне, как играть.

— Конечно, покажу, — опять добродушно улыбнулся скоморох.

В этот момент кто-то тихо постучал в деревянную дверь.

— Это я — Степанида, — послышался тихий женский голос.

Мирослава, встав с постели, накинула поверх длинной исподней кружевной рубашки разноцветный китайский шёлковый халат и выглянула за дверь:

— Чего тебе, Степанидушка?

Немолодая, рыхлая женщина в ночном чепчике на голове, из-под которого топорщились

седые пряди, заговорщицки прошептала:

— Там матушка Евникия тебя хочет видеть.

— Сама матушка пришла?! — потрясённо переспросила Мирослава и в чём была, побежала вниз по ступенькам. В большой комнате она увидела знакомую фигуру в чёрном одеянии с массивным золотым крестом на груди и, подбежав к ней, склонила голову: — Благослови, матушка.

Бледное, тронутое морщинами лицо матушки Евникии чуть смягчилось при виде боярыни Мирославы:

— Благословляю тебя, дочь моя, — привычно осенила она крестом подбежавшую женщину и строго посмотрела на стоявшую здесь же Степаниду. Та кивнула и тут же исчезла из комнаты.

— Присаживайся, матушка Евникия. Сейчас велю подать квасу, да вина монастырского.

— Некогда мне квасы твои распивать, Мирослава. Прослышала я, что в блюде сожительствоешь с неким Ратмиром, — мрачно посмотрела она на зардевшуюся от волнения Мирославу. — С чего бы тебе, собирающейся принять постриг, стало это нужно? Или бесы взялись искушать тебя?

— Есть такой грех, матушка Евникия, — не стала отрицать Мирослава. — Он мне жизнь спас. Лошадь мою взбесившуюся на скаку остановил, да она ему ногу всю переломала. Вот и лечу его сейчас мазями своими.

— Так мне сегодня сказали, что он везде на коне разъезжает. Это со сломанной-то ногой? — подняла брови игуменья Евникия.

— Не так я сказала, матушка игуменья, — засмушалась Мирослава. — Зашибла она его сильно. С посохом он ходит. А на лошади верхом только сегодня поехал. Я ему предлагала повозку, да он отказался.

— Так если жизнь спас, то и поставила бы ему свечку за здоровье. Что же сразу-то во все тяжкие пускаться?! Тем более что он много тебя моложе.

— Всё уже успели донести, — продолжая растерянно улыбаться, покачала головой Мирослава. — Вот ведь народ, у нас, какой!

— А то ты не знала, какой у нас народ! Вот такой вот народ! Правильный! А ты, какой пример этому народу подаешь, а?! Огорчила ты меня сильно, Мирослава. Придётся тебе усердно грех этот отмаливать. Завтра же отправляй его ко мне в монастырь, где ему по приказу дьяка Лаврентия уже светлица отведена, и рухлядь всякая выдана, — голосом, не терпящим возражений, произнесла игуменья Евникия. — А сама завтра придешь к отцу Ермолаю и покаешься в своём грехе. Думаю, что епитимью он на тебя не наложит, а вот к Таинствам Христовым не допустит на какое-то время, да и от Причастия отстранит.

По лицу Мирославы пробежала тень.

— Не думаю, что смогу прогнать его от себя, — негромко ответила она. — Словно наваждение на меня какое-то нашло, матушка. Не пить, не есть теперь не могу без него. Дышать не могу, если недовольство его какое к себе чувствую...

— Не иначе, как околдовал он тебя, — покачала головой игуменья. — Сказывали мне, что хорош он собой, умён и обходителен со всеми.

— Всё правда, матушка игуменья, — согласно кивнула Мирослава.

— Нечистый тебя путает, дочь моя. Избавься от него завтра же! Ты же остаток жизни хотела посвятить Творцу нашему небесному. Помнишь наш с тобой разговор при первой встрече?

— Помню, матушка Евникия. Да только боюсь, что уже не смогу я этого сделать, — покачала головой Мирослава, в отчаянии заламывая руки.

— Ничего, дочь моя, я тебе помогу. Веди его сюда. Хочу глянуть на этого искусителя, да и другой разговор у меня к нему ещё есть, — игуменья степенно опустилась на скамью и вопросительно посмотрела на растерявшуюся женщину: — Ну?

— Сейчас, сейчас, матушка Евникия, — Мирослава, спотыкаясь на бегу, кинулась к ступенькам лестницы, ведшей наверх...

— Ратмирушка, там пришла мать Евникия. Очень хочет тебя видеть и просит вниз спуститься, — запыхавшись, произнесла раздумавшаяся от волнения Мирослава. Она рукой подобрала рассыпавшиеся по плечам волнистые волосы и накинула на голову белый кружевной платок.

— Даже так! — воскликнул Ратмир и поспешил встать с постели, накидывая на себя кафтан и приговаривая: — Вот повезло, так повезло. А я собирался к ней завтра пойти.

— Только она хочет о блюде с тобой поговорить, — смущённо предупредила его Мирослава.

— Ну, раз хочет — значит, поговорим, — усмехнулся Ратмир, машинально откидывая ладонью назад прядь чёрных волос. — Только и у меня к ней есть свой разговор. А то я уже второй день гонца к дьяку Лаврентию без новостей отправляю.

Он взял посох и, прихрамывая, вышел за дверь и стал спускаться вниз по лестнице.

Игуменья Евникия не спускала мрачного взгляда с Ратмира, пока тот не шагнул с последней ступеньки на чисто вымытый деревянный пол.

Она окинула его взглядом с ног до головы и, тяжело вздохнув, негромко произнесла: — Не ввали люди. Всё так и есть.

— Здравствуй, матушка Евникия, — прихрамывая, он подошёл к игуменье и, опустившись на одно колено, склонил перед ней голову. — Благослови...

— Завтра же покинешь этот терем, пойдёшь к батюшке Ермолаю и покаешься в своих грехах, — тем же тоном, не терпящим возражения, произнесла она вместо приветствия. Мирослава, стоявшая неподалёку, тихонько охнула и огорчённо зажала рот рукой.

— Завтра всё и решим, — не стал возражать Ратмир и, морщась от боли, поднялся на ноги. — Не дождался я от тебя благословения, матушка Евникия.

— А я не имею права на блуд благословлять, — сухо возразила она ему, глядя на него бесстрастным взглядом.

— Так могла бы и просто благословить, — усмехнулся Ратмир. Он сел на лавку напротив неё и потёр пальцем переносицу: — Сам Бог тебя послал ко мне, матушка Евникия. Спросить мне нужно тебя кое о чём по убийству послушниц ваших. Тебе же уже известно об этом? — полуутвердительно спросил он.

Больше книг на сайте — Knigoed.net

— Да, ведомо мне про сие убийство. Как и ведомо то, что схимница Серафима да дьяк Лаврентий по непонятной мне пока причине решили обратиться к тебе за помощью. Но раз они это сделали, то, значит, и я могу тебе довериться, — так же бесстрастно глядя на Ратмира, произнесла она.

— Интересно получается: ругать меня за плотский грех ругаешь, но в то же время в деле убийства ваших послушниц мне же и доверяешься, — усмехнулся Ратмир.

— Это разные вещи, сын мой. И я их никогда не путаю, — возразила ему игуменья и

посмотрела в сторону Мирославы: — Иди, отдыхай, дочь моя. А мне с Ратмиром нужно поговорить один на один.

Мирослава растерянно посмотрела на Ратмира, и он кивнул ей. Игуменья перехватила взглядом этот молчаливый диалог и нахмурилась: — Иди быстрее, Мирослава. А то уже время позднее.

Мирослава подхватила и торопливо побежала по ступенькам лестницы вверх.

— Подсядь ко мне поближе, Ратмир, — игуменья указала на место рядом с собой. — Говорить буду тихо, так как это очень важно. Только зенки свои опусти, чтобы не сбивал меня с мысли взором своим обольстительным.

Ратмир, едва сдержавшись, улыбнулся уголками губ, но глаза опустил.

— Я специально пришла к тебе поздно вечером. Шла огородами с сестрой Татианой. Она и сейчас меня ждёт за дверью, охраняет...

Ратмир удивлённо было посмотрел на игуменью, но вновь быстро перевёл взгляд вниз.

— Знаю, что дьяк Лаврентий тебя на сыск поставил. Он всегда знает, что делает — этот дьяк. И я уверена, что убийц наших послушниц ты сыщешь. У меня же к тебе сейчас другой разговор, — почти зашептала игуменья, периодически озираясь по сторонам.

Ратмир вздохнул, начиная подозревать, что игуменья вознамерилась с его помощью решить ещё какие-то свои трудности, но промолчал.

— Сам знаешь, что монастырь наш особенный, царский. Сам государь-батюшка наши интересы блюдёт и его жалование служит основным средством для содержания монастыря. И всё у нас, казалось бы, должно было быть хорошо. Да вот стала я в последнее время замечать, что человек, ответственный за пожертвования прихожан, вклады при пострижении, вклады доброхотных жертвователей, стал пошаливать. Или — стала пошаливать. Потому как монахиня это наша.

— Это как — пошаливать?

— Я ведь в сторонних денежных вспомоществованиях в обитель не больно сильна, Ратмир.

— Что значит — сторонних?

— Это значит, что любой из наших монахинь могут жертвовать деньги её родственники либо хорошие знакомцы. Делают богатые вклады вдовицы и девицы, желающие принять подстриг, да и завершить здесь свой земной путь. Вон Мирослава наша тоже свои вклады уже сделала. Осталось ей самую малость до пострижения, а тут ты, откуда ни возмись, — неожиданно сверкнула на него глазами игуменья Евникия и тут же вновь зашептала: — Свой вклад деньгами, домами, земельными угодьям да драгоценностями может сделать любой. Это мы и называем сторонними вкладами.

— Должен быть человек, который все эти вклады куда-то вписывает и ведёт им учёт, — также тихо ответил ей Ратмир.

— А я тебе что говорю?! Я и говорю, что мне стало казаться, что человек, ответственный за учёт, и стал в эти доходы свою лапу запускать. Допустим, обычная плата при поступлении в монастырь пять рублей. А состоятельная постриженница может дать и поболее. Так сестра-то эта в книгу пять и пишет, а остальное себе в карман кладёт. Или запишет в приходную книгу пожертвование от какого-нибудь боярина, так и запишет же только то, что сама посчитает нужным. А остальное через каких-то людишек к нечистым на руку торговцам отправляет.

— Так если ты, матушка игуменья, всё про то знаешь, то почему не сообщишь своему

начальству? — удивился Ратмир.

— Я же тебе и говорю, Ратмир, что мало чего смыслу в приходо-расходных книгах. Да и она старается не давать их мне. Всё разные предлоги ищет, чтобы не показывать.

— А я-то чем тебе могу помочь? — ещё больше удивился Ратмир.

— Смешливый ты очень, говорят. Да и человек государственный. Она с тобой не посмеет лишней раз чихнуть, не то, что накричать, да и за дверь выставить, — огорчённо прошептала игуменья. — У меня нет пока никаких доказательств её противоправности. Она же все бумаги пишет так, что и комар носу не подточит.

— Так она тебя и за дверь выставляла?

— Было дело, — вздохнула игуменья. — Два раза было и оба раза, когда я у неё эти книги спрашивала. А шалит она так безнаказанно, потому что дядя ейный кумом приходится государеву стольнику.

— Даже и не знаю, что тебе ответить, матушка Евникия. У меня ведь и своих дел полно. Вон дьяк Лаврентий от меня известий ждёт уже второй день, а я ещё и с людьми толком не переговорил, — озабоченно покачал головой Ратмир.

Игуменья опустила глаза, помолчала и вздохнула: — Ну, ладно. Так и быть, оставайся пока у Мирославы. Но только ты мне за это обещаешь помочь в моём деле. А я тебе в сыске по убиенным послушницам всё, что потребуется, по полочкам разложу.

Ратмир закрыл лицо ладонями и залился в беззвучном смехе.

— Что такого смешного я тебе сказала?! — вздернула редёющие брови игуменья.

— Ничего, матушка Евникия, ничего, — убирая ладони от покрасневшего лица, сдавленным голосом проговорил Ратмир. — Значит, говоришь, что я могу пока здесь остаться?

— Оставайся уж. Что тут с вами поделаешь, — ворчливо произнесла она. — Да только теперь не забудь о своём обещании-то.

— А я что-то уже пообещал?

— Так сам же начал для этого сейчас мне про свои трудности рассказывать! Думаешь, я не поняла, к чему ты клонил? — нахмурилась игуменья.

— Всё, матушка, сдаюсь! Постараюсь тебе помочь в этом вопросе, — опять тихо рассмеялся Ратмир. — Завтра прискачу к тебе в монастырь и пойдём к твоей вражине требовать приходо-расходные книги. Только уж и ты мне сейчас расскажи про то, как ты думаешь о своих убиенных послушницах. Какие они были? Что их интересовало? И за что могли они быть так растерзаны?

— Говорят, что ты их видел в тот день, — внимательно посмотрела на него игуменья.

— Видел, — кивнул Ратмир. — И никогда уже не смогу забыть увиденного.

— Тогда давай так сделаем, сынок. Время уже позднее. И меня могут в любой момент в монастыре хватиться. А я не хочу, чтобы кое-кто знал, что я уже с тобой разговаривала. Приди завтра к полудню в монастырь, и вместе вытребуем у сестры Агафьи приходо-расходные книжки. Тебе-то, как человеку, поставленному на сыск самим дьяком Лаврентием, она не посмеет отказать. И про покойниц наших всё тебе подробно опишу.

— Что-то ты, матушка Евникия, как мне кажется, не сильно страдаешь о них, — Ратмир внимательно посмотрел на игуменью. — Я так понимаю, что дела с приходо-расходными книгами тебя больше волнуют.

— Так послушницы наши сейчас в Царстве небесном, среди ангелов. Им уже не больно. Души их в райских куцах наши себе упокоение. Принять мученическую смерть — значит

попасть сразу в рай. Почти все наши христианские святые прошли через это, — игуменья Евникия устремила куда-то в угол светлицы свой взор и улыбнулась.

Ратмир вдумчиво посмотрел на неё, но промолчал.

Глава 19

Ранним утром Ратмир, опираясь на посох, подошёл к облюбованному им озерцу. Утреннее солнце начинало ослепляюще отсвечивать от гладкой поверхности водоёма, где сочно-зелёная растительность буйно росла по берегу, давая кров и пищу многочисленным бабочкам, букашкам и маленьким зверькам. Ранние птицы уже выводили свои рулады, перескакивая с ветки на ветку в прибрежных кустах. Действительно, несмотря на то, что в большей части Девичье поле было занято болотистыми участками, это озеро отличалось чистотой и песчаным отлогим берегом.

Ратмир оставил посох у куста, снял с себя рубаху и подошёл к воде босиком, в одних портках. Здесь он присел и, зачерпнув ладоням прохладной озёрной воды, плеснул её себе в лицо и довольно фыркнул. Затем отошел обратно к кусту и, вытянув руки вверх, потянулся всем телом к небу, прикрыв от удовольствия глаза. После несколько раз глубоко вздохнул и начал делать гимнастические упражнения.

Внезапно он услышал топот нескольких лошадей и настороженно посмотрел в ту сторону, откуда послышался шум. Через короткое время из кустов показался светловолосый юноша, ведущий под уздцы лошадей. Ратмир вспомнил, что зовут отрока Фёдор и что только вчера его приняли на работу на подворье Мирославы. В одной из лошадей скоморох узнал свою лошадь. Та тоже, признав хозяина, заржала и бросилась к нему.

— Стой, куда ты?! — воскликнул Фёдор и смущённо улыбнулся Ратмиру: — Доброго утрачка тебе, барин! Уж извиняй, что побеспокоил. Не знал, что ты тут будешь. Я же новенький пока на подворье. Всех ваших правил ещё не знаю. Это, видать, твоя лошадь? Вон как к тебе кинулась.

— Моя, — кивнул Ратмир. — Так тебя в конюхи определили? — доброжелательно улыбаясь, спросил он и, прихрамывая, уже без посоха, повёл свою лошадь на водопой.

— Пока в помощники. Да я и этому рад. Всё маменьке помощь будет.

— И братья-сёстры есть?

— Есть, конечно. Куда же без них. У тебя-то, барин, тоже, небось, имеются? — Фёдор завёл вторую лошадку подальше в озеро и стал ловко намывать её бока специальной щёткой.

— Ты, Фёдор, давай побыстрее лошадь намывай, да ступай её выгуливать, — словно не услышав вопроса, кинул ему Ратмир. — Я хочу здесь один побыть.

— Конечно, барин, я мигом, — засуетился юноша и стал усерднее намывать лошадь. — Так ты мне только скажи, барин, ты здесь каждое утро вот так бываешь? А то я с утрачка тогда лошадей не стану пригонять сюда.

— Да, я буду здесь каждый день поутру, пока не закончу кое-какие дела, — кивнул Ратмир и добавил: — А мою лошадку сейчас оставь здесь. Я сам приведу её на подворье.

— Как скажешь, барин. Только стреножь её на всякий случай. А то уйдёт куда. Вон лихих людей-конокрадов стало сколько, — торопливо выводя вторую лошадь на берег, улыбнулся юноша. Он ловко запрыгнул на неё верхом без седла и, лихо присвистнув, ускакал прочь.

Ратмир задумчиво посмотрел ему вслед. Потом вернулся к кусту и продолжил свои

упражнения.

Через некоторое время, плотно позавтракав, он выехал на своей лошадке с подворья в сторону монастыря. Мирослава проводила его с крыльца и долго смотрела ему вслед. Она хотела тоже поехать с ним, но Ратмир отговорил, сказав, что матушка Евникия и так с большим трудом разрешила ему остаться на подворье.

— Иди за мной, Ратмир, — слегка запыхавшись, быстрым шагом подошла к нему матушка Евникия. — Она сейчас как раз в своей келье, бумагами занимается.

Ратмир усмехнулся: — Пошли коли так.

Пройдя по длинному коридору двухэтажного деревянного здания, они остановились под одной из многочисленных дверей, выходящих в этот самый коридор.

— Молитвами святых матерей наших... — неожиданно громко вслух начала читать под дверью игуменья.

Услышав наконец-то из-за двери «Аминь», она толкнула дверь рукой: — Это я, сестра Агафья. К тебе дознаvaleц от дьяка Разбойного приказа пришёл. Хочет спросить тебя.

— Проходите, люди добрые, — навстречу им шагнула высокая, худая монахиня лет шестидесяти с пронзительным взглядом под широкими, чёрными бровями. Орлиный нос с тонкими ноздрями и высокие скулы напоминали о былой красоте их хозяйки.

— Что именно тебе нужно, добрый человек? — сестра Агафья внимательным взглядом окинула Ратмира и чуть прищурила глаза.

— Хочу увидеть приходо-расходные книги монастыря за прошлый и нынешний года, — Ратмир сделал то же самое.

— Чем же эти книги могут помочь в сыске убийц наших любимейших сестёр? — вскинула брови монашка и кинула быстрый взгляд на игуменью. — Или по чьей другой просьбе просишь ты их?

— Да нет, мать Агафья. Именно для своего сыска я их и требую, — нахмурился Ратмир. — Но, ежели ты не хочешь дать их мне на ознакомление, то придётся мне писать о том челобитную дьяку Разбойного приказа Лаврентию...

— Ишь ты, шустрый какой! — зловеще усмехнулась сестра Агафья. — Не следует тебе, добрый человек, грозить мне дьяком Лаврентием. И на него найдётся управа, коли что.

— Нисколько это не угроза, сестра Агафья! — неожиданно вступила в разговор игуменья. — Отдай сыскарю книги эти, пока он тебя добром просит.

— Понимаю, матушка игуменья, — кивнула та и развела руками: — Только вот прямо сейчас не могу я отдать их вам. Ключ от сундука никак не могу найти. Сама уже с утра обыскалась. Завтра приходи, добрый человек, — улыбнулась она Ратмиру, обнаруживая отсутствие нескольких зубов во рту. — Завтра точно отдам.

— А что там за сундук у тебя такой? А то давай я Прохора пришлю, — не унималась игуменья. — Он у нас мастер по разным замкам.

— Ни-ни-ни, — покачала головой сестра Агафья. — Сундук у меня ещё от прабабки остался. Замок там мудреный, и твой Прохор только сломает его. Сказала же — найду ключ, и завтра всё отдам!

— Хорошо, — кивнул головой Ратмир. — Завтра в это же время с утра сам приду. И если твой сундук, мать Агафья, к тому времени не будет открыт, то я пошлю человека к дьяку Лаврентию за бумагой с разрешением разломать твой сундук.

Сестра Агафья пристально посмотрела на него, и, поняв, что Ратмир не шутит,

потемнела лицом и тихо произнесла: — Хорошо, добрый человек... будь по-твоему...

— Ишь, как заговорила, змея подколотая. Прости, Господи! — тихо произнесла игуменья, спускаясь по деревянной скрипучей лестнице. Ратмир чуть отставал от неё, опираясь на посох.

— Идём теперь ко мне в мою светлицу, — позвала его игуменья, махнув рукой в сторону небольшого терема, стоявшего неподалёку от Смоленского собора.

Они вошли к ней в терем, провожаемые взглядами проходивших поодаль монашек и прихожанок.

— Правильно ты ей дьяком Лаврентием пригрозил, — довольно усмехнулась она и повернулась лицом к стоявшей у двери молоденькой послушнице в чёрном одеянии: — Сбегай-ка, Марфа, в трапезную и спроси у сестры Параскевы выпечки какой да сахару чуток. Гостя мне нужно угостить.

— Хорошо, матушка, — поклонилась та ей в пояс, кинув в сторону Ратмира быстрый взгляд, и исчезла за дверью.

— Вот задам я ей сегодня! — вздохнула игуменья, заметив этот взгляд. — Ведь должна была стоять, не поднимая глаз, так всё одно на тебя успела хоть одним глазком да глянуть.

— Это нормально, — пожал плечами Ратмир, присаживаясь на крытую тёмно-малиновым бархатом скамью. — Мы все смотрим друг на друга. Да и природную натуру не обмануть. Девка молодая, красивая. Ей бы замуж, да жизни радоваться...

— Ты эти речи здесь, Ратмир, больше никогда не повторяй, — резко оборвала его игуменья. — И не потому, что судьба у наших послушниц такая. А потому что донесут куда следует, и тогда в монастырской темнице того же дьяка Лаврентия тебе небо с овчинку покажется.

Ратмир повернул голову и заинтересовано посмотрел на игуменью: — У дьяка Лаврентия в монастыре есть темница?

— Не твоего ума дело, — неожиданно ответила та и покачала головой. — Давай-ка, Ратмир, от греха подалее поговорим с тобой о страшной гибели наших послушниц.

— Давай, — не сразу согласился Ратмир, задумавшись о чем-то, о своём.

— Спрашивай, о чём хотел вчера меня спросить.

— За что ты недолюбливала послушницу Анастасию, дочь келейницы Ефросиньи? — неожиданно спросил Ратмир.

— Это тебе, небось, сама сестра Ефросинья-то и нажаловалась? — полуутвердительно спросила игуменья и добавила: — Шустра слишком была послушница Анастасия. Вечно лезла не в свои дела. Многим это не нравилось. Послушница должна быть послушницей, а не правдоискательницей.

— А она была правдоискательницей? — брови Ратмира удивлённо приподнялись.

В этот момент раздался тихий стук в дверь. Игуменья встала и сама пошла к двери. Открыв её, она забрала у молоденькой послушницы серебряный поднос, заставленный тарелками и чашками, и тихо прошептала ей: — Сгинь отсюда, Марфа, и пришли мне сестру Ефросинью живо.

Та испуганно посмотрела на неё и тут же убежала прочь.

— Так почему ты её назвала правдоискательницей? — Ратмир пристально посмотрел на игуменью.

— Говорю же — лезла везде, где нужно и где не нужно. Многим сёстрам это не

правилось. Есть, конечно, и такие, кто сильно сожалеет сейчас о её гибели, потому как защищать их стало некому.

— А есть от чего защищать? Или от кого?

— Обиженных и недовольных везде хватает, — уклончиво ответила игуменья.

— Послушай меня внимательно сейчас, матушка Евникия, — негромко произнёс Ратмир, глядя на неё. — Это не мне нужно. Это нужно дьяку Лаврентию и тебе самой в первую очередь. Поэтому, если ты будешь чего-то недоговаривать или утаивать, то сыск мой здесь ни к чему не приведёт. Понимаю, что у вас тут свои правила и обычаи. Но если я не буду их знать и понимать, то и сделать ничего толком не смогу. Или мне придётся разговаривать со всеми твоими послушницами и монахинями. И тогда твой монастырь может потерять некоторых из них.

Ратмир пододвинул поближе тарелку с жареной рыбой и отломил солидный кус от ржаного каравая.

— Это ещё почему? — нерешительно спросила игуменья.

— Да потому что уже вчера на службе столько интересных взглядов твоих насельниц я увидел. Говорю же, что природную натуру трудно победить подвигами усмирения плоти и прочими. Особенно, когда ты молод и красив или — молода и красива. Женская натура всегда будет искать мужское внимание. Это же одно целое, и кому как не вам — служителям божьим — этого не знать. Жизнь земная началась с Адама и Евы. Так ведь сказано в священном писании?

— Устала я что-то, Ратмир, — неожиданно произнесла игуменья, побледнев лицом. — Давай перенесём беседу нашу на завтра.

— Как на завтра?! — Ратмир удивлено посмотрел на свою собеседницу. — Я ведь даже толком не успел расспросить тебя.

Игуменья встала со своего места: — Сейчас поешь, сколько хочешь. Ратмир. А увидимся завтра утром. Также приезжай, я буду ждать тебя, — на этих словах она, опустив голову, решительно вышла из светлицы.

Ратмир с досадой пожал плечами и вновь накинута на еду.

Неожиданно скрипнула входная дверь. Ратмир повернул голову и увидел, как в дверном проёме показалось смущённое лицо молоденькой послушницы Марфы. Она приложила указательный палец к губам и тихо прошептала: — Ты, барин, когда выйдешь из монастыря — доскачи до озера у большой ивы. Знаешь про то озеро? Я там тебя ждать буду. Скажу кое-что про сестру Настюшу. Только тихо, ладно?

Ратмир кивнул и продолжил неторопливо доедать гречишный блин с малиновым мёдом.

Спустя некоторое время он, уже легко опираясь на посох, спустился по ступенькам терема игуменьи Евникии и увидел стоящую возле его лошадки келейницу Ефросинью:

— Спаси Бог тебя, Ратмир, — поклонилась она скомороху. — Матушка, говорят, звала меня к себе, да передумала. Не ведаешь ли ты, что она хотела от меня?

— Не знаю, мать Ефросинья, — пожал плечам Ратмир. — И мне показалось странным, что она и со мной прервала разговор. Только я тороплюсь сейчас. Если хочешь спросить о чём-то, то говори быстрее.

— Нет ведь у тебя для меня новостей?

— Пока нет, но чувствую, что скоро могут появиться, — как-то странно усмехнулся Ратмир и, вставив левую ногу в стремя, с усилием сел на лошадь. Приторочив посох к седлу, он попрощался с монахиней и направился к выходным воротам монастыря.

Через некоторое время скоморох на лошади прискакал к озеру. Солнце клонилось к земле, и тени от кустов и небольших деревцев стали длиннее. Безмятежную тишину этого райского местечка нарушали только криканье болотных уток да кваканье отъевшихся после засушливого лета лягушек.

— Иди сюда, барин, — неожиданно услышал Ратмир девичий голос, доносившийся откуда-то из разросшегося кустарника. Он, морщась, неторопливо спустился с лошади и без посоха, прихрамывая, подошёл к кустарнику.

— Ты, барин, садись там — у кустика и посматривай по сторонам, а то не миновать мне гнева матушки. Я ведь без благословения монастырь-то покинула. Насилу брата уговорила меня сквозь ворота пропустить, — торопливо заговорила послушница Марфа, едва виднеясь в зарослях кустарника.

— А брат у тебя в стражниках монастыря? — негромко спросил Ратмир, присаживаясь под кустом и потирая рукой пораненную ногу.

— Да, братец Петруша. Уже год как монастырь стережёт.

— А ты-то, Марфа, как в монастырь попала?

— Матушка наша с Петрушей недавно в одночасье в поле на сенокосе померла от солнечного удара в жару. Вот батюшка и упросил игуменью поселить меня в монастыре. Почитай второй месяц я уже тут.

— Нравится тебе жить в монастыре?

— Да, здесь хорошо, покойно. Только по матушке своей я сильно скучаю, — неожиданно жалобно произнесла послушница.

«И я очень скучаю», — неожиданно подумал Ратмир и вздохнул: — Что ты хотела рассказать мне, Марфа? Ты ведь подслушала наш разговор с матушкой Евникией... Поэтому тебе и захотелось что-то рассказать мне о подруге своей...

— Это ты, верно, барин, подметил — подслушала, — без тени смущения подтвердила послушница Марфа. — А в нашем деле без этого не обойтись. Очень много бед можно избежать, если вовремя что-то важное подслушать. Про сестру Настюшу хотела тебе сказать... Матушка правильно сказала, что сестра Настюша всегда за обиженных заступалась. Она и две другие сестры наши — убиенные Олимпиада и Полина. У них навроде своего тайного круга что-то было, только они об этом никому не говорили, всё только промеж себя...

— А ты их тоже подслушала, — предположил, чуть усмехнувшись, Ратмир.

— Подслушала, барин, — бесхитростно согласилась послушница Марфа. — А то сейчас с тобой о том и не говорила бы.

— И то правда, — согласно кивнул Ратмир. — И кого же защищали эти насельницы? И, главное, от кого?

— Так все насельницы в монастыре по-разному живут. Кто в светлых теремах, да с прислугой, и кулебяками с красной икрой объедается. А кто: в затхлых кельях краюшку хлеба грызёт. Да к крестьянам за пропитание, да подаяние ходит трудиться...

— Подожди! У вас же царский монастырь, и жалованье вам от Великого государя идёт. И трапезничаете вы вместе, как я слышал. Да и затхлых келий что-то я не заметил, — удивился Ратмир.

— Просто ты до них, барин, не дошёл. Это вот только с приходом матушки Евникии у нас по-божески стало. Меня-то при том ещё здесь не было. А вот старожилы рассказывают, что до её прихода так и жили сёстры — каждая сама по себе. Некоторые так и дальше хотят

жить, да сама матушка Евникия против. Говорит, что всё должно быть общее и все должны жить по равному. Только она это проповедует ласково, никого не подталкивая...

— Потому что среди насельниц много именитых и богатых, которым она не решается указывать? — Ратмир прилёг на спину, на траву, подложив под голову правую руку и, сорвав какой-то стебелёк, стал его покусывать.

— Именно так, барин. Вот и живут пока некоторые старые, немощные насельницы, у кого нет уже никакой родни и помощи со стороны, в самых плохих кельях. Да и посылают их на самые трудные послушания. А сестра Настюша с сёстрами Полинушкой и Олимпиадушкой стали защищать этих несчастных. Когда ходили за них на тяжёлые послушания. Когда пытались защитить их от наветов других злых насельниц...

— Скажи мне, сестра Марфа, а могли эти защитницы разозлить ещё кого-нибудь, кроме насельниц? Могли они быть ещё чем-нибудь недовольны? — Ратмир с усилием потёр пальцем переносицу.

— За два дня до кончины сестра Настюша была сама не своя. Глаза испуганные, сама притихшая. Я её спросила — не случилось ли чего. Так она разревелась и убежала. А вечером тихонько пришла ко мне в келью и сказала, что очень страшно ей и что пока ничего мне не может поведать. Обещала, что скажет позже, но, видимо, судьбой ей была уготована такая страшная участь, — донёсся девичий голос из кустов.

— И ты точно ничего об этом не знаешь? — спросил Ратмир.

— Знала бы — рассказала бы обязательно, — торопливо прошептала молоденькая послушница. — Всё, барин, мне уже бежать нужно. А то хватится меня игуменя или старица Агафья и не миновать мне тогда наказания.

— Если что новое узнаешь — расскажи мне, — негромко проговорил Ратмир.

— Обязательно, барин, — донёсся до Ратмира девичий голосок, затем послышалось шуршание и наступила тишина.

Ратмир прикрыл глаза и стал обдумывать услышанное.

От раздумий его отвлёк приближавшийся топот копыт. Он открыл глаза и насторожился. В этот момент из-за пригорка показался всадник на коне, и Ратмир с облегчением узнал в нём Мирославу. Он присел и с улыбкой посмотрел на неё.

— Ох, Ратмирушка, как я соскучилась по тебе! — радостно воскликнула она, торопливо спешиваясь со своей любимой лошадки. — Увидела, что ты свернул к озерцу, и решила сама сюда к тебе прискакать. Всё ли у тебя спокойно, милый? Я смотрю, что приглянулось тебе это озерцо-то.

Мирослава подсела к сидевшему на земле Ратмиру и, нежно обвив его своим руками, прижалась щекой к крепкому плечу.

— Место и впрямь славное, — подтвердил, улыбнувшись Ратмир. — Буду ходить сюда каждое утро для упражнений.

— А можно и мне с тобой? Я мешать тебе не стану. Буду только сидеть тихонько здесь, под этим кустом, да любоваться тобой.

— Пожалуйста, если хочешь, — пожал плечами Ратмир. — Ну, что, поехали домой? А то солнце уже садится.

— Как скажешь, Ратмирушка. А то могли бы ещё у озерца посидеть, да пташек вечерних послушать.

— Как-нибудь потом. Мне ещё нужно для дьяка Лаврентия бумажку сочинить и отправить, да с книжкой позаниматься, — озабоченно произнёс Ратмир, поднимаясь с

земли. Он подал руку Мирославе, и помог ей подняться с земли.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РАТМИР РАСКРЫВАЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЕ.

Глава 1

Утром следующего дня Ратмир вновь отправился верхом на лошади к озеру. Светловолосый конюх Фёдор, улыбаясь, проводил его взглядом. Мирослава не смогла поехать с Ратмиром как собиралась ранее, по причине того, что к ней по каким-то делам приехал из Москвы душеприказчик её покойного мужа.

Подъезжая к озеру, Ратмир уже заранее предвкушал полные упражнения. Он решил побольше тренировать больную ногу, потому как ему до смерти надоело таскать с собой везде этот посох.

Неожиданно тишину разорвал отчаянный женский крик:

— Помогите, помогите же кто-нибудь! Он сейчас утонет!..

Ратмиру показалось, что он слышит крики послушницы Марфы, и подстегнул лошадь. Заскочив на пригорок, скоморох увидел тоненькую светловолосую женскую фигурку, в светлом одеянии, мечущуюся по берегу и простирающую руки в сторону озера. Переведя взгляд в ту сторону, Ратмир увидел, что кто-то барахтается почти на середине озера.

Ратмир быстро спешил с лошади, и, прихрамывая, почти побежал к озеру, скидывая с себя на бегу кафтан и сапоги.

Внезапно женщина повернула к нему голову, и словно молния пронзила Ратмира.

«Виола!..Моя Виола!..Откуда она здесь?!» — подумал, было, он, но тут же понял, что обознался. То воздушное создание, что сейчас смотрело на него умоляющим взглядом больших, фиалковых глаз, чем-то напоминало его первую любовь, но всё-таки было другим человеком.

— Умоляю вас, спасите брата! — в нежном, почти детском голосе девушки лет шестнадцати было столько отчаянья и мольбы, что Ратмир, не раздумывая, кинулся спасать её брата, благо, что тот ещё каким-то чудом держался на поверхности воды. Ратмир делал крупные взмахи руками, подгребая под себя озёрную гладь воды, приближаясь к тонувшему. При этом у него самого перед глазами стоял только жалобный взгляд воздушного создания.

Тонущим оказался мальчишка лет девяти. Он периодически вскрикивал: «Помогите!» и колотил вокруг себя руками, пытаясь удержаться на поверхности воды.

— Не вздумай цепляться за меня! — крикнул ему Ратмир и быстрым движением обхватил тонущего со спины и потащил его за собой. Мальчишка поначалу пару раз дёрнулся, но, убедившись, что его держат на поверхности воды, успокоился и даже немного стал помогать, подгребая ладонями воду под себя.

Вскоре Ратмир догреб почти до берега и, нащупав ногами дно, аккуратно отпустил мальчишку. Тому вода оказалась чуть выше груди, но он продолжал холодной рукой держать Ратмира за руку.

— Всё уже — не бойся, — успокаивающе кивнул ему тот и вновь взглянул на застывшую прямо у воды девушку. Незнакомка стояла, вытянувшись в струнку, прижав в волнении тонкие пальцы к щекам и что-то шептала. Увидев, что брат её в полном здравии

выходит на берег, она со стоном кинулась к нему и, заключив в свои объятия, громко воскликнула нежно-капризным голоском: — Ну, что же ты, Митенька! Я так просила тебя не заплывать далеко! Я же молила тебя, братец, быть осторожнее. Ты мог погибнуть!.. Спасибо, нашелся добрый человек и спас тебя...

Она повернула голову к спасителю её брата, и Ратмира вновь словно ударило молнией. Невыразимо прекрасные, большие глаза смотрели ему прямо в душу. Нежный овал фарфорово-бледного лица окаймляли пряди золотисто-пепельных густых волос, схваченных парчовой повязкой, обшитой золотой нитью. Тонкая беззащитная шейка отделяла эту прекрасную головку от бурно вздымавшейся в волнении девичьей груди в лёгком кисейном одеянии. Девушка направилась прямо к нему.

Ратмир растерянно смотрел на приближавшуюся нимфу и впервые в жизни не знал, куда девать свои руки. Он ошеломлённо смотрел прямо в лицо юной девушки... Что-то знакомое чудилось в нём. Такие лица Ратмир видел на картинах известных итальянских художников, и кого-то она ему очень сильно напоминала. Девушка была на голову ниже его. Она смотрела на скомороха снизу вверх, трогательно хлопая длинными ресницами.

— Как же мне отблагодарить вас, сударь? — произнесли искусно вырезанные, римской формы губы девушки.

— Ч-что? — запнувшись, произнёс Ратмир, не в силах оторвать свой взор от незнакомки.

— Я спросила, как мне отблагодарить вас, сударь, за спасение моего брата? — хрустальным смехом рассмеялась девушка. Или так показалось Ратмиру...

Он растерянно улыбнулся и покачал головой: — Вы мне ничего не должны, сударыня... На моём месте так поступил бы каждый христианин...

— Я... и моя бабушка, — мы очень благодарны вам за то, что спасли нам сегодня нашего Митеньку, — неожиданно девушка схватила его за руку и поцеловала её. Ратмира словно копьём пронзило. Он почувствовал необыкновенный аромат, шедший от её волос. Странное волнение охватило его.

— Как вы здесь оказались? — неверным голосом спросил он, не сводя с неё глаз.

Неожиданно девушка зарумянилась и отвела взгляд в сторону: — Вы на меня так смотрите, сударь... Мне, право, неловко. Пожалуй, мы пойдём с братом, а то бабушка хватится нас.

Она смущённо опустила глаза, и двинулась было в сторону стоявшего чуть поодаль брата, но Ратмир схватил её за руку: — Я не отпущу вас, пока мне не скажете, откуда вы здесь появились. Я точно знаю, что раньше вас здесь не было.

— Мне же больно! — обиженно произнесла растерявшаяся девушка, и её большие глаза наполнились слезами.

— Ох, простите! Я ни в коем случае не хотел вас обидеть! — Ратмир в замешательстве отпустил руку девушки и почувствовал себя последней скотиной. Он уже сам не знал как ему вести с ней. Но одно понимал точно — он должен узнать, где живёт это неземное создание.

— Ещё раз простите меня за вольность, что я позволил себе. Только скажите мне, как вас зовут, — он с мольбой посмотрел на неё.

— А вы не будете больше больно хватать меня за руки? — наивно спросила она и подняла на Ратмира свой восхитительно-трогательный взгляд.

— Никогда в жизни, — тихо произнёс Ратмир, понимая, что пропал. — Только скажите, где вы живёте. Вы ведь недавно появились здесь?

— Да, мы с братцем только вчера вечером приехали к нашей бабушке. Она живёт здесь на крайнем подворье. Её зовут Анна Дмитриевна, и она служит при монастыре по хлебному делу. Сказала, что мы с братцем скоро станем дородными, как и положено купеческим детям, — смех девушки необыкновенно приятными колокольчиками отозвался в душе Ратмира.

— Так как всё-таки зовут вас?

— Я — Ольга. А это мой братец — Митенька, — вдруг шаловливо улыбнулась девушка и, схватив братца за руку, легко побежала с ним прочь от озера. — Прощайте, сударь! — крикнула она Ратмиру. — Впрочем, погодите. Нельзя ли мне на вашей лошадке прокатиться? Я страсть как люблю кататься на лошадях.

— Если позволите, то я вас прямо до самого подворья и доведу, — не веря своему счастью, спросил Ратмир.

— А как же вы довезёте? Ведь у вас только одна лошадка. А нас с вами уже трое, — опять звонко рассмеялась девушка.

— Так я вас с братцем посажу на лошадь, а сам рядом пойду, — счастливо улыбнулся Ратмир.

— Ну, если только так, — согласилась девушка и добавила с чуть капризной интонацией: — А то я ужас как не люблю пешком ходить лишней раз.

Ратмир испытывал странные, волнующие, уже давно забытые чувства, подсаживая почти невесомую, похожую на хрупкую статуэтку Ольгу на свою лошадь. Аромат волос и юного тела девушки кружил ему голову. Следом он помог забраться ей за спину её братцу. Затем, взяв лошадь под уздцы, повёл её, старательно обходя любые кочки и буераки. Про боль в ноге он забыл напрочь...

Они весело переговаривались между собой ни о чём. Развеселившийся мальчишка также вставлял свои фразы в их разговор. И они не заметили, как оказались у больших деревянных ворот небольшого подворья, находившегося на приличном расстоянии от подворья боярыни Мирославы.

— Вот мы и приехали. Ратмир, помоги мне спуститься, — капризно-весёлым тоном произнесла юная Ольга, весело глядя на радостно улыбающегося скомороха. И добавила: — Ничего, что я тебя на «ты» назвала. Ты мне совсем не кажешься взрослым дядькой. Ты такой весёлый и милый.

— Я только рад этому, — неожиданно засмутился Ратмир и подставил ладонь под ножку девушки. Она чуть приподняла светлое платье, отороченное кружевами, чтобы удобнее было спуститься, и у Ратмира неожиданно перехватило дыхание при виде её сухощавой, узкой лодыжки...

Девушка взялась рукой за щеколду двери.

— Подожди, Ольга, — внезапно во рту у Ратмира пересохло. — Я бы хотел ещё раз покатавать тебя на лошади. Или просто прогуляться вместе у озера.

— Хорошо, я завтра приду с братцем туда же. Но только к полудню. Приходи, если хочешь, — рассмеялась Ольга.

— Я обязательно буду, — кивнул Ратмир, не сводя с неё глаз, словно впитывал в себя образ юного создания, прежде чем перед ним захлопнутся ворота.

Спустя несколько минут после того как ворота эти перед ним всё-таки закрылись, он взял лошадь под уздцы и, не торопясь, направился опять в сторону озера.

Кое-как закончив упражнения на озере, Ратмир вернулся на подворье, где его уже с нетерпением ждала Мирослава. В трапезной на большом столе, покрытом искусно вышитой скатертью, стоял кувшин с рябиновым квасом, и вкусно пахло свежесдобитыми шанежками и сладкими пирогами.

— Садись, милый, на своё любимое место, — указал рукой Мирослава на лавку в начале стола. — Буду тебя вкусным квасом и шанежками баловать.

Ратмир рассеянно улыбнулся и, кивнув, сел на указанное место. Он, молча, как-то отстраненно стал наблюдать за тем, как Мирослава взяла серебряную, украшенную самоцветами чашу, и начала наливать в неё из запотевшего глиняного кувшина тёмный пенный напиток... Шаловливый взгляд юной нимфы продолжал стоять у него перед глазами...

— ... твой квас... Ратмир, держи чашу-то!.. — неожиданно ворвался в его сознание встревоженный голос женщины. Она с недоумением смотрела на него: — Я зову тебя, зову, зову, чтобы ты чашу взял, а ты замер, словно окаменел вдруг, глаза в одну точку... Что с тобой, Ратмир?

— А-а ... нет, нет, ничего, — встрепенулся скоморох, протягивая руку за чашей, наполненной янтарно-коричневым напитком. Взгляд его стал более осмысленным и озабоченным. — Извини, милая. Что-то я призадумался. Всё это дело об убиенных послушницах ваших мне покоя не даёт.

— Вот ещё шанежку возьми, Ратмирушка, — Мирослава пододвинула к нему поближе серебряное блюдо с румяными шанежками.

— А скажи-ка мне, милая, ты что-нибудь слышала здесь о темнице при монастыре?

Мирослава удивлённо посмотрела на него и, чуть помедлив, кивнула:

— Года два назад я слышала от одного из местных стариков, что должна быть темница. Только где — он не говорил. А может и говорил, да я не запомнила. Оно мне нужно было тогда?

— А как мне найти этого старика?

— Так он помер прошлым летом.

— Вот как! Очень жаль, — нахмурился Ратмир.

— Да уж, хороший был старик. Умный. Тем более, что он как раз и трудился каменщиком при строительстве нашего собора. А что это вдруг тебя заинтересовало? Думаешь, что как-то связано со смертью наших послушниц?

— Не думаю. Просто вчера случайно игуменья проговорила о ней, да и не захотела больше об этом ничего рассказывать. Вот мне и любопытно стало, — Ратмир потянулся за шанежкой.

— Матушке игуменье нелегко приходится, — вздохнула Мирослава, сложив руки под подбородком. Она с любовью посмотрела на Ратмира. — Как говорится: многие знания — многие печали. Вот и она много знает, да не всё скажет. Особенно того, что, на её взгляд, не имеет отношения к тому, чем ты занимаешься.

— Конечно, — нахмурился Ратмир. — Зато просить меня помочь ей в деле, которое не имеет отношения к убийству — это всегда пожалуйста. Так дело не пойдёт. Если я что-то спрашиваю — значит мне это нужно.

— Верно! Вот сейчас поедешь в монастырь и так ей прямо и скажи! — горячо

поддержала Мирослава, не сводя с него внимательных глаз. Что-то её стало смущать в поведении любимого мужчины, но что именно — она пока никак не могла понять.

Спустя некоторое время Ратмир подъехал к воротам монастыря, и узнавшая его охрана спокойно распахнула перед ним ворота.

Игуменья Евникия уже ждала его у себя в келье.

— Доброго тебе дня, матушка Евникия, — поприветствовал он её.

— Спаси Бог тебя, Ратмир, — каким-то странно-глухим голосом отозвалась игуменья, перебирая на столе свитки. Ратмир заметил, как дрожат её бледные, чуть искривлённые пальцы с коротко обрезанными ногтями.

— Всё ли хорошо, матушка? Мы идём к вашей сестре Агафье за приходными книгами? — скоморох вопросительно посмотрел на неё.

Та издала какой-то странный звук, похожий на птичий клёкот, кашлянула и тем же глуховатым голосом произнесла:

— Так нет её, сестры Агафьи-то.

— Как это — нет? А куда же она подевалась? — вскинул брови Ратмир.

— Никто не ведаёт. Когда она не пришла к заутрене, сёстры кинулись к ней в келью и не нашли. Стали искать везде — и опять не нашли. До сих пор ищут, — игуменья села на лавку и мучительно потёрла правой рукой лоб.

Ратмир опустил на лавку и озадаченно посмотрел на игуменью:

— Неужели всё так серьёзно? Что ты сама думаешь об этом, матушка Евникия? Могла она скрыться где-нибудь?

— Сама в раздумьях терзаюсь, — пожалала плечами та. — В келье у неё словно ватага побывала. Всё в страшном беспорядке... Сказала сёстрам, чтобы ничего там пока не прибирали до твоего досмотра. Правильно я сказала?

— Правильно, матушка, правильно. А сундук?! Сундук с документами?

— Сундук сломан, и книг там наших я не нашла, — игуменья растерянно посмотрела на Ратмира. — Что же это такое творится, Ратмир? В богоугодном монастыре?!

— погоди так волноваться, матушка Евникия, — попытался успокоить её Ратмир. — Давай вместе сходим к ней в келью, и я сам на месте ещё раз всё обсмотрю. Просто так никто никуда не может исчезнуть.

Всю дорогу до кельи Ратмир внимательно оглядывался по сторонам. Он старался ещё раз рассмотреть все здания и подходы к двухэтажному зданию, где располагались кельи более богатых послушниц. Встречавшиеся им по пути монашки в полупоклоне подбегали к игуменье за благословением и тут же исчезали, торопясь по своим послушаниям. Последние дни лета были теплы и солнечны на радость всем. Лёгкий ветерок развеивал полы чёрной одежды игуменьи Евникии и волновал блестящие тёмные пряди прихрамывавшего и опиравшегося на посох скомороха. Беспечные птахи продолжали весело чирикать в рано пожелтевшей от засухи листве деревьев и кустов. Худые монастырские коты, прижимаясь к тёплой земле, внимательно следили за ними из засады в надежде заполучить себе обед...

В келье, действительно, царил полный беспорядок: разворошенная постель, разбросанные одежды и вещи. Даже иконки на покрытой белым кружевным рушником полочке в красном углу были потревожены. Ратмир окинул взглядом слабоосвещённое помещение и прежде всего обратил внимание на сундук. Снесённый чем-то тяжёлым вместе со скобами старинный амбарный замок валялся неподалёку в ворохе разбросанных,

потемневших от времени листов бумаги, каких-то тряпок и маленьких коробочек.

Ратмир поднял замок с деревянного пола и прикинул его на руке на вес. Потом внимательно оглядел со всех сторон и покачал головой:

— Недюжинной силы человек это сделал. Женщина вряд ли смогла бы сбить такой крепкий замок. Не знаешь ли ты, матушка Евникия, кого из мужчин, бывающих в монастыре, у кого есть такая сила?

— Дай подумать, Ратмир, — вздохнула игуменья, в который раз окидывая печальным взором разорённую келью сестры Агафьи.

Ратмир тем временем продолжил осмотр всего, что находилось в келье. Вот он расчистил посохом кучу вещей в углу и склонился над каким-то тёмным пятном на дощатом полу. Потом взял со стола тяжёлый латунный подсвечник с горящей свечой и, опустив его к полу, присмотрелся. Достав из сапога кинжал, кончиком лезвия поковырял пятно и поднёс кинжал к носу. Прикрыл глаза, понюхал и, опять открыв глаза, покачал головой:

— Боюсь, что ваша сестра Агафья не смогла далеко убежать. Запах свежей крови.

Игуменья Евникия только охнула, зажав ладонью рот.

— Вот ещё пятно... и вот... — Ратмир с небольшим усилием поднялся и посмотрел на игуменью:

— Скажи людям, чтобы искали везде: в подвалах, в реке, на леднике. Даже в лесу. Кому-то очень не хочется, чтобы приходные книги попали в твои или мои руки. Я так полагаю, матушка Евникия, что это, скорее всего кое-кто из местных. У кого есть возможность быстро получать сведения о наших с тобой встречах и разговорах. Пусть ищут. А мне пока нужно съездить...

— Ох, нашли, нашли, матушка!! — неожиданно послышались шум и женские плачущие голоса в конце длинного коридора, куда выходили дверцы келий других сестёр.

Ратмир с игуменьей выскочили навстречу: — Где нашли? Жива?

Запыхавшиеся, взволнованные монахини, подвивая и качая головами, кинулись к игуменье: — Ох, погибель наша пришла, матушка! Знать какое проклятие на наш монастырь наложено!

— Так жива или нет?! Говорите толком! — воскликнула раздосадовано матушка Евникия.

— Где она?! — рявкнул Ратмир, поняв, что сестры Агафьи больше нет в живых.

— Там, матушка, в подклети, в соборе она на себя руки-то и наложила. Стылая уже висит. Глаза прикрытые, ручки-ножки холоднющие...

— Руки на себя, говорите, наложила? — игуменья недоумённо посмотрела на Ратмира.

Тот пожал плечами и вздохнул:

— Надо идти — смотреть. Там ясно будет: сама или помог кто.

На подходе к Смоленскому собору они увидели чёрную толпу взволнованных женщин. Едва сдерживаемые рыдания, перешёптывания и скорбные возгласы, издаваемые этой чёрной массой, заметно попритихли при появлении игуменьи Евникии и Ратмира. Последние, спустившись в подклеть, увидели тёмную женскую фигуру. Казалось, что она просто стоит в углу плохо освещённого светом маленького, зарешёченного окошечка. Окошечко это находилось примерно на уровне головы покойницы, и ближайший к ней откос был немного испачкан чем-то тёмным. Только при более внимательном осмотре можно было заметить, что фигура в черной монашеской одежде как бы парила над запылившимся, мраморным полом, чуть не доставая его своими ногами. Небольшое, разлившееся тёмное

пятно на полу под фигурой поблёскивало тёмным отсветом. Тут же лежала упавшая на бок скамья.

Ратмир попросил принести подсвечник со свечой. Игуменья только глянула на сопровождавшую их монахиню, как та тут же выскочила за дверь, чтобы исполнить его просьбу. Пока она ходила за свечкой, Ратмир медленно обошёл помещение, глядя себе под ноги и по стенам. Затем он подошёл к висевшей на толстой, конопляной верёвке покойнице и стал внимательно рассматривать её лицо, шею, руки. Потом опустился на одно колено и рассмотрел запёкшуюся лужу крови под ногами покойницы. Кинул взгляд на опрокинутую скамью и покачал головой:

— Мёртвой её уже вешали здесь, матушка Евникия. Где-то через два часа после того, как убили...

— Откуда знаешь?

— Следы на шее и глаза о том говорят. Когда вешают живого человека, то в глазах у него кровь остаётся, а на шее кожа перетёртая до крови бывает, потому как тело сопротивляется смерти. А здесь как будто куклу подвесили... да и скамья больно далеко от неё лежит...и другие ещё приметы отсутствуют...

— Значит, боролась она, говоришь с убийцей?

— Боюсь, что не успела побороться. Близко она подпустила к себе человека, что ей такой удар по голове нанёс. Вон аж лицо как перекосило, да лоб вдавленный, весь чёрный от свернувшейся крови. Знала она этого человека хорошо, потому и допустила к себе... Во сколько ложатся спать насельницы в этих кельях?

— Да как солнце заходит, так вскорости и ложатся. А что понапрасну-то свечи жечь? И поутру к службе рано встают, прямо с петухами... К чему ты это спросил, Ратмир?

— Понять хочу, как к ней в келью смог незаметно зайти убийца. И как у него получилось её оттуда вынести и дотащить сюда так, чтобы никто этого не заметил и не услышал, — задумчиво оглядел входную дверь подклети Ратмир. Он подошёл к рубленому из дерева косяку и где-то на уровне плеча увидел на нём какие-то зацепившиеся цветные волокна и несколько длинных седых волос... Аккуратно снял их и, подойдя к покойнице, сравнил волосы.

— Это её волосы. Значит, кто-то притащил её сюда на своём плече. И была она скорее всего завёрнута во что-то цветное... Вот эти волокна от какого-то ковра или одеяла, — Ратмир показал игуменье обрывки цветных волокон и, завернув находку в белую тряпицу, зажал в руке.

— А как верёвку на балку накинуги? Она же вон — аж под самым сводом, — спросила игуменья, глядя куда-то верх над висевшей покойницей.

— Говорю же, знающий человек всё это проделывал. Значит, знал, как туда можно дотянуться с верёвкой, — вздохнул Ратмир. — Думаю, что при помощи той палки, что приспособлена для затушивания свечей. Где-то же она есть — эта палка?

— Должна быть, — кивнула игуменья, с уважением глядя на скомороха. Затем она перевела взгляд на стоявшую у входа невысокую, приземистую монашку с одутловатым, морщинистым лицом: — Иди, сестра Ирина, и скажи нескольким сёстрам искать эту палку и ковры или одеяла какие, если где валяются или куда припрятаны. А остальные — все марш на послушания. Мы сами тут разберёмся и потом пошлём гонцов к митрополиту Филиппу да дьяку Лаврентию. Так ведь, Ратмир?

— Всё так, матушка Евникия, — кивнул Ратмир и добавил: — И пришли ещё, сестра

Ирина, кого из мужиков снять покойницу. Всё что мне нужно было, я уже увидел.

Он направился к выходу, следом за ним пошла и игуменья. Навстречу им, придерживая на голове тёмный остроконечный капюшон-куколь, уже семенил престарелый духовник схимонах Павел:

— Матушка Евникия, да что же это такое творится?! — запыхавшись на ходу, зачастил он, переводя слезящиеся, мутноватые старческие глазки с игуменьи на скомороха и обратно, и теребя дрожащими искривлёнными пальцами край своего аналава, надетого поверх подрясника. На аналаве отливали серебром искусно вышитые восьмиконечные «голгофские» кресты с подножием и были выписаны тексты молитв. — Мне когда сообщили, что сестра Агафья руки на себя наложила, то я ни разу и не поверил! Не могла она такого удумать, не для этого она в монастырь пришла. А ты что скажешь, Ратмир? Ты ведь здесь по сыску убийц наших юниц-послушниц. А тут ещё и это!

— Соглашусь с тобой, отец Павел. Не своей смертью погибла ваша сестра Агафья. Убили её самым жестоким образом. А повесили для отвода глаз. Дескать, вешалась, качнулась и головой об угол окна сама и ударилась. Только то, что я видел, говорит о том, что всё было как раз наоборот, — вздохнул Ратмир и обратился к игуменье: — Ехать мне нужно, матушка Евникия, в Москву. Могу по дороге сам дьяку Лаврентию всё сообщить. А вот к митрополиту уж пошли кого-нибудь сама. Ну и с сестрой Агафьей можете уже делать всё, что положено по православному обычаю.

— Хорошо, Ратмир, — устало кивнула игуменья. — Тогда к дьяку Лаврентию ты уж заедь да сообщи ему эту скорбную весть. В остальном я тут сама распоряжусь. Ты уж сегодня ведь больше здесь не появишься?

Ратмир неопределённо пожал плечами:

— Скорее всего — нет. Хотя, кто его знает, что там дальше будет, — он запнулся и, словно вспомнив о чём-то, неуверенно спросил: — А где, говоришь, находится тот терем, что дьяк Лаврентий мне назначил, пока я тут сыск провожу?

— Да там же, что и мой терем, рядом. Только что он в разы меньше моего и для гостей наших предназначен, — внимательно посмотрела на него игуменья.

— Это к тому, что события начали лихо закручиваться, и мне, может быть, лучше здесь пока и днествовать, и ночествовать, — нахмурившись, поспешил пояснить Ратмир.

— А я тебя ни о чём и не спрашиваю, — бесстрастным голосом ответила игуменья и, опустив взгляд вниз, добавила: — Делай так, как тебе удобнее, Ратмир. Только найди этих извергов.

Спустя некоторое время Ратмир подъехал к Разбойному приказу и, оберегая ногу, спешил с лошади. Сунув под нос стражнику выданную дьяком Лаврентием доездную память, пошёл, чуть прихрамывая, по уже знакомому коридору.

У дверей в кабинет дьяка Лаврентия стоял другой рослый стражник:

— По какой надобности? — острым взглядом окинул он скомороха.

— По приказу самого дьяка Лаврентия. Срочно. Вот документ, — Ратмир терпеливо предъявил бумагу стражнику.

Тот кинул на неё быстрый взгляд и приказал:

— Стой здесь и жди, пока сам не впусти. — С этими словами стражник исчез за массивной деревянной дверью.

Через несколько минут он появился вновь и махнул рукой: — Давай быстрее заходи, да

недолго там. Занят он очень.

Ратмир шагнул в комнату и дверь за ним захлопнулась. Он прошёл вовнутрь, но не увидел никого. За столом дьяка Лаврентия было пусто.

Внезапно стоявший рядом за столом шкаф закрипел и сдвинулся немного в сторону. В проёме показался неожиданно румяный дьяк Лаврентий, заправляющий рубаху в портки:

— Ну, что там у тебя такого срочного, Ратмир? — он, весело щурясь, посмотрел на Ратмира. — А то отрываешь меня от важных дел, — и, увидев изумлённый взгляд скомороха, визгливо расхохотался на весь кабинет: — А ты что думал?! Что только к таким красавчикам как ты бабы льнут? Так, милый, не только красотой нужно баб брать, но и другим умением. Да что ты в этом понимаешь! Давай быстрее говори, чего там у тебя. А то у меня молодуха сейчас застоит.

Ратмир пожал плечами и коротко доложил о происшедшем. Дьяк Лаврентий нахмурился, постучал костяшками пальцев по столу:

— Никак ещё и неведомое ранее осиное гнездо ты там разворошил. Давай-ка поаккуратнее, Ратмир. Если кто в помощь нужен, говори. Придётся тебе и этим заняться. И нет никакой уверенности, что эти убийства не связаны между собой.

— Вот и я об этом подумал, — согласился с ним скоморох. — Продолжу сыск уже завтра с утра. А так мне нужно своих наведать.

— Ну, наведай, наведай, — с какой-то хитрецей на него глянул дьяк Лаврентий. — Как там наша вдовушка Мирослава Авдеевна? Охомутала тебя по полной? Ядреный бабец, а, Ратмирка? Да, ладно, не мятуйся, не мятуйся, скоморох. Дело наше такое — мужицкое — бабам не отказывать в утешении, — опять визгливо расхохотался дьяк Лаврентий и сделал выдворяющий жест рукой: — Ну, давай, давай, иди уж. Посылай мне гонцов каждый вечер как обычно. Да проси, ежели чего нужно будет. И старайся быстрее, а то этот Филиппка мне уже проходу не даёт.

Он дождался, пока ошарашенный увиденным и услышанным скоморох прикрыл за собой дверь, и ушёл за шкаф. Последний опять закрипел и встал на прежнее место.

Дьяк оказался в небольшой комнате, оббитой разноцветным сатином. Почти половину комнаты занимала большая кровать. Тут же стоял деревянный стол с большим белым кувшином и латунным тазиком. На столе теснились вперемежку небольшие блюда и чаши с различными коробочкам и склянками. На лавке были разбросаны материалы и предметы женской и мужской одежды...

— Ну, что, говоришь, что этот дурачок уже почти созрел. Быстро, конечно как-то. Ну, да ладно, тебе виднее. Так давай, начинай его прощупывать. Я же нутром чувствую, что не просто так он в Москве околачивается. Да и мои люди начали о нём интересные вещи узнавать. Потому любовь — любовью, но и о деле не забывай. Он сказал, что сейчас поедет своих товарищей навестить. Так что время у нас ещё есть. Давай, быстро иди ко мне, и продолжим... — с этими словам дьяк завалился на постель и, довольно хохоча, стал отлавливать прячущиеся в куче перин и одеял голые женские ножки.

Глава 3

— Ой, Ратмир! А мы тебя уже заждались совсем! Наконец-то ты явился! — слышались радостные возгласы скоморохов, зашедших на пороге комнаты улыбающегося Ратмира.

— Ох, как же я по вам по всем соскучился! — он кинулся обниматься с каждым поочередно. — Каждый день вспоминаю. Обикались уже тут, наверное.

— Да, всяко бывало, — сдержанно усмехнулся старик Никифор. В его глазах светилась радость. Здоровяк Василий тоже не скрывал эмоций и, удовлетворённо покачав головой, похлопал Ратмира по плечу.

— А ты уже насовсем приехал, дяденька Ратмир? — схватив скомороха крепко за руку, заглянул в его глаза Теодорка. Андрейка прижался к Ратмиру с другой стороны и тоже, не тая своей радости, пытался произнести какие-то приветственные слова.

— Я только навестить вас, да узнать не нужно ли чего, — виновато пожал плечами Ратмир. — Уже и сам устал от этих сысков, да деваться пока некуда. Такие уж мне условия поставлены.

— А ну, отстаньте от человека! Видите же, что с дороги он. Дайте отдохнуть, да еды хорошей из корчмы нам всем сюда несите живо, — звонко прикрикнула на мальчишек карлица Авдотья. Она протянула им несколько монеток и отправила вниз в корчму за снедью. Сама же пристально оглядела Ратмира с ног до головы и завела противно-елейным голоском:

— Присаживайся, соколик наш ясный. Как твоя ноженька? Уже лучше? Мазь-то монастырская помогает?

— О-о, Дуняша! Только не начинай таким тоном, — умоляюще произнёс Ратмир, с удовольствием опускаясь на лавку.

— А что это тебе тон мой не нравится? Слышь, Олёна, тон ему мой не нравится. Понятно, что чей-то тон тебе, сокол ты наш неугомонный, более по душе. Ну и как она?

— Кто она? — терпеливо улыбнулся Ратмир, хорошо зная Авдотью.

— Как — кто?! Молодуха наша. Как она там у тебя поживает? Мирослава-то?

— Ах, вот ты о ком, — усмехнувшись, покачал головой Ратмир. — У неё все хорошо, Дуняша. А как ты поживаешь, радость моя? — обезоруживающе улыбнулся он карлице.

— Так, Авдотья, прекращай! — повысил неожиданно на неё голос старик Никифор. — Не наше это дело. Понятно!

— Да, понятно, понятно, Никифор, — удивлено посмотрела на него карлица. — А что это ты так разозлился-то?

— А ты почему на человека накинулась? Твоё какое дело? Коли повезло ему такую женщину встретить, так не мешай их счастью, — с досадой пробормотал Никифор и присел поближе к Ратмиру. — Ты лучше скажи, Ратмир, сыск-то твой как проходит?

Карлица перекинулась с Еленой недоумёнными взглядами.

— Дело начинает развёртываться. Только опять люди гибнут. Вот и сегодня утром нашли одну монашку повешенную. А я вчера собирался у неё кое-какие документы забрать, — нахмурился Ратмир.

Женщины в комнате тихо охнули.

— И документов у неё этих не оказалось, — полуутвердительно предположил рыжеволосый здоровяк Василий, сидя на меховой полости в углу комнаты.

— Да, Василий, документы пропали, — кивнул Ратмир. — И я очень сожалею сейчас, что не забрал их сразу. Поддался на уговоры этой монашки, что она мне их утром отдаст. Так этой же ночью её и убили.

— Значит, с кем-то она успела поделиться, что ты хочешь глянуть на них, — старик Никифор посмотрел на входивших в комнату мальчишек с большими подносами в руках.

Подносы были заставлены деревянными и глиняными блюдами с различной снедью, и комната моментально наполнилась вкусными ароматами.

Мужчины легко вытащили тяжёлый деревянный стол на середину комнаты, придвинули лавки. Женщины ловко расставили блюда и разлили по глиняным чашкам горячего сбитня. Затем все быстро и дружно сели за стол и, как раньше, весело переговариваясь и шутя, принялись за трапезу одной большой дружной семьёй.

Через пару часов Ратмир заторопился.

— Очень рад, что у вас тут всё хорошо, — улыбался он, опять поочередно обнимаясь с каждым. Даже карлица Авдотья, расчувствовавшись, промокнула рукавом наворачнувшиеся на глаза слёзы:

— Ты уж давай, Ратмирушка, возвращайся к нам скорее. А то нам так не хватает тебя. Как будто осиротелые мы остаёмся, — шмыгая носом, прижалась она к его бедру.

Скоморох, чуть морщась, опустился перед ней на колени и прошептал прямо в ухо: — Я тоже очень люблю тебя, Дуняша.

Она всхлипнула и крепко обняла его за шею.

— А это ничего, что ейный родной муж тут стоит? — шутливо навис над ними руки в боки рыжеволосый силач Василий.

— Да ну тебя! — отмахнулась от него карлица. — Человек вон опять в опасные места идёт. А я-то от тебя, Василий, куда денусь, горе ты моё луковое...

Ратмир поднялся с колена и окинул взглядом присутствующих:

— В общем, договорились, други мои. Чтобы вам не скучать, да навыки не терять — спокойно пока выступайте без меня по ярмаркам в Москве. Разрешение на это я отдал Никифору. Он остаётся за главного. Всё, что выручите — ваше. Никифор с Авдотьей знают, как поделить.

— Ну, это мы справимся, — кивнул старик Никифор. — Давай-ка я провожу тебя до лошадки.

— И мы, и мы! — вскочили со своих мест мальчишки.

— Никто никуда не пойдёт! Все остаются здесь, — прикрикнул на них старик Никифор.

— У-у, — недовольно загудели мальчишки, но послушно опустились на лавки, исподлобья косясь на него.

— Зря ты так с ними, Никифор, — спускаясь по ступенькам лестницы, заметил Ратмир.

— Ничего, пусть привыкают к порядку, — отмахнулся старик Никифор. — Я что хотел сказать-то, Ратмир...

Они вышли во двор и направились к лошади Ратмира, привязанной у изгороди.

— Говори уж, Никифор, не тяни, — вздохнул Ратмир.

— Ты Мирославу-то не обижай, — как-то потупив глаза, негромко, но жёстко произнёс тот.

— Так я и думал, — покачал головой Ратмир и воскликнул: — Да с чего ты взял, что я её обижать собираюсь?! Я к ней отношусь хорошо, как ко всем вам.

— Вот именно, что как ко всем, — взгляд старика Никифора стал колючим.

— А как нужно?! И, вообще, Никифор, я уже тогда начал подозревать, что ты просто-напросто сам влюбился в неё как мальчишка, — Ратмир внимательно посмотрел на друга.

— Это не тебе решать, — неожиданно резко оборвал его собеседник. — Только я тебя очень прошу не обижать её. Мирослава очень достойная женщина. Сейчас таких мало. Поверь.

— Охотно верю тебе, Никифор, — рассеянно огляделся по сторонам Ратмир. — Только у меня сейчас полно других забот и я не уверен, что смогу уделять ей столько внимания, сколько тебе хочется. Понимаю, что, если бы она выбрала тебя, то ты уж не отходил бы от неё ни на шаг. Так ведь? — спросил Ратмир, с усилием забираясь на свою лошадь.

— Да, я бы не отходил. Только у меня нет никаких шансов против твоей молодости и смазливости, — сумрачно ответил старик Никифор.

— Тогда и не говори мне больше о ней, Никифор, в таком тоне. Мы же с тобой уже давно как-то договорились, что не позволим ни одной женщине встать между нами. Нет ничего крепче мужской дружбы. Помнишь?

— Помню, — неохотно подтвердил старик Никифор.

— Вот и не забывай. Всё, Никифор, прощай! — Ратмир чмокнул губами, дёрнув за уздцы, и его лошадь лёгкой рысью направилась к выходу с постоялого двора.

— Только тогда не было Мирославушки, — бесцветными губами прошептал старик Никифор, с прищуром глядя ему вслед.

Спустя час с лишним Ратмир оказался в Александровой слободе и заехал в печатню, чтобы убедиться, что работа по подготовке печатных машин к работе заканчивается. Навстречу к нему вышел управляющий печатней Андроник Невежа. Взгляд у него был растерянным, на лице гуляла глуповатая улыбка. Он пожал плечами и неуверенно произнёс:

— А знаешь ли ты, братец мой Ратмир, что за невероятная новость сегодня утром со мной приключилась?

— И что же такого произошло? — улыбаясь, спросил Ратмир, неторопливо спешиваясь с лошадки.

— А вызвали меня с утраца в Посольский приказ. И представляешь, братец ты мой, сам дьяк Посольского приказа и говорит мне, что, мол, в самой Италии их мастера печатного дела прослышали про мои умения в этом деле. И взяли, да и прислали мне приглашение для того, чтобы я их там поучил уму-разуму. А они за это покажут и расскажут мне, какие у них там новшества появились. Прямо как гром среди ясного неба! — он растерянно развёл руками.

— Вот и поезжай, Андроник! И впрямь много новых вещей узнаешь по печатному делу, да здесь потом их и применишь. Всё на благо отечества, — опять улыбнулся Ратмир.

— Так они же католики! А у нас на Руси католиков, сам знаешь, за людей не считают. Только вот сам царь-батюшка к ним имеет благоволение по непонятным нам причинам. И ещё у меня же жена и двое маленьких детей!

— Наверное, их можно взять с собой?

— Сказали, что могу взять с собой хоть два села людишек помимо семьи, — как-то виновато усмехнулся Невежа.

Они прошли в печатню, где сильно пахло извёсткой и конопляным маслом.

— Тогда я не понимаю, чего ты беспокоишься? — внимательно посмотрел на него Ратмир.

— А кто же здесь за всем присмотрит? — управитель печатни обвёл грустным взглядом пока тихие помещения со стоящими в безмолвии печатными станками.

— Так ты же ненадолго поедешь. Месяц-другой... Вот и оставь тому, кому ты больше всего доверяешь и кто в этом знает толк, — усмехнулся Ратмир, почти не сомневаясь в ответе Андроника Невежи.

— Ну, хорошо, — вздохнул последний и с надеждой глянул на Ратмира: — Только тебе, брат, могу я доверить это моё хозяйство. Не откажешь?

— Ты уверен? Может у тебя есть ещё кто на примете из доверенных лиц?

— Доверенных-то лиц у меня много, да понимающих толк в печатном деле раз-два и обчёлся. Вот я и прошу тебя остаться.

— Хорошо, — кивнул Ратмир. — Постараюсь оправдать твоё доверие, Андроник.

— Вот и спасибочки, братец ты мой! А теперь пошли ко мне домой. Там у нас сегодня расстегаи с зайчатиной да боровики жаренные в сметане, да морс клюквенный горячий с ватрушками творожными... Жена с тётчей наготовили сами. Они у меня по этому делу любую повариху обскачут.

Близилась полночь, когда лошадка Ратмира в отсвете лунных лучей вынесла его из лесу Александровой слободы. Ратмир ещё раз посмотрел на звёздное небо и, покачав головой, направился в сторону Девичьего поля. Вокруг стояла тихая, лунная, безветренная ночь. Умиротворяюще стрекотали сверчки. Где-то в лесу ухал филин. И в этой тишине гулко отдавался отзвук от топота копыт лошади Ратмира. Последняя ускорила свой ход, почувствовав приближение знакомого стойла. Впереди перед ними лежало освещённое нежным полупрозрачным лунным светом огромное Девичье поле в окружении лесов. Высокий Смоленский собор, огороженный мощным деревянным забором, белел на этом поле подобно богатырю-исполину в кругу своих друзей-прихлебателей в виде теремов да различных пристроек.

Направив лошадь в сторону подворья боярыни Мирославы Кольчуговой, Ратмир чуть придержал её и посмотрел долгим взглядом в сторону другого подворья. Лицо его осветила мечтательная улыбка, а в глазах заискрилась радость....

— Что же ты так, барин, судьбу свою испытываешь? — неожиданно ворчливо произнёс молодой помощник конюха Фёдор, принимая у него лошадку. — Сколько вон лихих людей по дороге бродят.

— Так я, вроде, не впервой по ночам один езжу, — пожал плечами Ратмир, несколько удивлённый такой заботой.

— Опасно это сейчас одному ездить. Товарища с собой какого-нибудь лучше брать, — не унимался обеспокоенный Фёдор. Светловолосая голова его в лунном свете ярко отливала серебром. — Вон боярыня вовремя из Москвы вернулась, так за неё и душа спокойна. А вот по твою душу, барин, она чуть ли не каждые пять минут на крыльцо выскакивает, да всё на дорогу смотрит. А-а... вон опять на крыльцо вышла...

И впрямь Ратмир услышал знакомый женский голос:

— Ратмирушка, ты вернулся! Слава Богу, ангел мой. А я уж вся тут испереживалась. А вдруг, думаю, нападут на тебя грабастики какие. А я помочь-то и не успею, — женщина, держа латунный подсвечник с укреплённой на нём горячей свечой, быстро сбежала по ступенькам вниз, прикрывая огонёк ладонью. Она прильнула всем телом к усталому скомороху. — Устал, верно, милый. А у меня уже и банька для тебя давно истоплена. Хочешь, с тобой схожу?

— Нет, Мирослава, иди в дом. Я быстро сполоснусь, да приду. Мочи нет, как устал. Так сразу в сон и провалюсь, кажется, — устало пробормотал Ратмир и, забрав у Мирославы подсвечник со свечой, без посоха похромал к стоявшей чуть поодаль липовой баньке.

— Одежда там твоя чистая в предбаннике на лавке лежит. Сам найдёшь? — вслед ему донёсся голос боярыни Мирославы.

— Найду, милая, найду. Ты иди в терем, я сейчас же и вернусь, — Ратмир махнул ей рукой и открыл дверь в баньку.

Через некоторое время он вышел из бани в чистой одежде и, привычно откинув назад с лица влажные пряди чисто промытых тёмных волос, направился к крыльцу терема. Помощник конюха Фёдор возле входа в конюшню, позвякивая железом, заканчивал прибирать лошадиную амуницию.

Ратмир не торопясь поднялся на верхнюю ступеньку и, передыхая, прислонился плечом к деревянной стойке, поддерживавшей крышу терраски. Свет от свечи в латунном подсвечнике, который он держал в правой руке, играл бликами на его утомлённом, осунувшемся красивом лице.

С высокой терраски открывался чарующий вид на освещённый дрожащим лунным светом сам Смоленский собор и на большую часть Девичьего поля. Мечтательный взгляд Ратмира был устремлён на темневшее вдали подворье, где одно окошечко в верхней части терема было чуть освещено и выделялось неярким, розовым пятном на фоне находившейся в тени части строения...

Неожиданно раздался странный, жужжащий звук, и в деревянную перекладину прямо рядом с виском Ратмира с резким треском вонзилась оперенная железная стрела. Ратмир резко отдернул голову и непонимающе посмотрел на дрожавшую стрелу. Вокруг неё был закручен кусок бересты, накрепко привязанный суровой нитью.

Помощник конюха Фёдор в три прыжка заскочил на террасу и взволнованно посмотрел на Ратмира:

— Не задело тебя, барин?

— Как видишь, нет, — едва слышно произнёс побледневший Ратмир.

— Так давай быстрее за мной на лошадей и искать того, кто стрелял в тебя! Я за лошадьми... — кинулся, было, он вниз к конюшне.

— Стой! — воскликнул Ратмир.

— Чего ждать-то?! Он уйдёт!

— У нас нет ни кольчуги, ни шлема. А без них скакать и искать в темноте вооружённого луком человека глупо, — нахмурился Ратмир, разглядывая торчащую из балки стрелу. — Считай на верную гибель...

— Да, ты, барин, наверное, прав, — нехотя стал подниматься обратно Фёдор. — Тогда что будем делать?

— Пока ничего, — сдвинув брови, произнёс Ратмир, с силой выдёргивая стрелу из балки. Он отвязал от неё бересту и, поднеся поближе к горящей свечке, вслух прочитал: «Первое и последнее предупреждение. Убирайся, покуда цел. Срок — до полудня завтрашнего дня».

— Однако, — только и проговорил помощник конюха.

— Угольком написано... Кто бы это не был — убивать меня он не собирался. По крайней мере — сейчас. Если хотел бы, то сразу в голову и попал бы. Сразу видно, что стрелок отменный, — крутя в руках кусок бересты и размышляя вслух, проговорил Ратмир. — Это предупреждение...

— Что тут у вас? — послышался встревоженный голос Мирославы. Она подошла к Ратмиру в наброшенной на плечи душегрейке. Полы её обшитой кружевами нижней рубахи едва слышно шелестели на каждом шагу. Она взяла из рук Ратмира стрелу. Он сам протянул её кусок бересты. Она прочитала и, охнув, прикрыла ладонью рот.

— Что же это значит, Ратмирушка? — с отчаяньем в голосе спросила она, не сводя с него встревоженного взгляда.

— Это значит, что я на верном пути, — вздохнул Ратмир и, обняв женщину за плечи, кивнул Фёдору: — Иди спать, Фёдор. На Руси есть одна хорошая поговорка: «Утро вечера мудренее». Нам всем нужно отдохнуть, а утром будем уже решать, что делать дальше.

Помощник конюха тоже согласно кивнул и, легко сбежав по ступенькам лестницы, направился к себе на конюшню.

Ратмир с Мирославой зашли в дом. Поставив подсвечник на стол, Мирослава подошла к сидевшему на постели Ратмиру и опустилась перед ним на колени:

— Ратмирушка, сокол мой ясный. Я же могла потерять сейчас тебя навсегда. Скажи мне, что я могу для тебя сделать, чтобы знать, что это поможет тебе избежать такой вот нечаянной гибели?

— А что ты сможешь сделать, Мирослава? — пожав плечами, улыбнулся Ратмир. — Не в силах человек всё предусмотреть. Невозможно уберечься от того, что уже начертано свыше... Значит, пока не судьба... Ложись, милая. Сегодня у меня был нелёгкий денёк. Мне нужно отдохнуть до завтра, — Ратмир с удовольствием растянулся на своей половине постели и, подправив под головой пуховую подушку, прикрыл глаза.

— Конечно, спи, радость моя, — торопливо согласилась Мирослава. — Только спросить я тебя уже давно хотела. А вот после сегодняшней стрелы мне тем более нужно знать. Кто ты, Ратмир? Я только и знаю, что ты — скоморох и друзья твои — скоморохи.

— И что ты хочешь знать? — не открывая глаз, неожиданно жёстким голосом спросил он.

— Ну, есть же у тебя отец с матерью, братья, может сёстры... Где-то ты же жил до этого? — взволнованно глядя на лежавшего перед ней мужчину, произнесла Мирослава. — Вот убили бы тебя сейчас — кому я должна была бы сообщить эту скорбную весть?

— Не убили же, — тем же жестким тоном ответил Ратмир.

— И, Слава Богу, что не убили. Но кто ты, откуда родом?

— Родом я из Суздаля. Батюшка умер, когда мне было восемь лет. Матушка скончалась, когда мне минуло двенадцать. Братьев и сестёр у меня нет. Если убьют — сообщишь моим скоморохам. Этого достаточно, — как отрезал, ответил скоморох и повернулся на бок. — Спи, Мирослава. Я, действительно, очень устал и хочу спать.

— Хорошо, Ратмирушка. А только мне было бы спокойнее, если бы ты рассказал мне побольше о себе. Я ведь так люблю тебя, — жалобно произнесла женщина. В ответ ей была тишина...

Мирослава потушила свечку, легла на спину, накинула на себя лёгкое покрывало и уставилась широко раскрытыми глазами в потолок. По её щеке, освещённой мягким, рассеянным лунным светом скатилась прозрачная слеза...

Глава 4

Ранним утром Ратмир осторожно встал с постели, набросил на себя кафтан и направился к выходу.

— Что так рано поднялся, Ратмирушка? Только светать начало? — приподнялась на локте Мирослава.

— Взглянуть хочу, пока не потоптали, кто там мог быть за забором со стрелами. Может

следы какие оставил. А ты спи-спи пока, милая, — озабоченно произнёс Ратмир.

— Куда уж тут спать, — Мирослава тоже встала с постели и потянулась за душегрейкой. — С тобой пойду.

— Послушай меня, Мирослава. Вот мне сейчас совсем не нужно, чтобы ты ходила туда со мной. Я должен один всё внимательно осмотреть и подумать. А ты только отвлекать будешь. Пойми и не обижайся: я — мужчина и решаю мужские дела. А ты — женщина. Вот и займись по хозяйству или чем другим, — уже другим, не терпящим возражений тоном, произнёс Ратмир и, с лёгкой досадой посмотрев на женщину, шагнул за дверь.

— Хорошо, милый, как скажешь, — Мирослава озадаченно присела на постель и огорчённо вздохнула.

Ратмир вышел за забор и пошёл вдоль него, прикидывая взглядом расстояние и место возможного пребывания неизвестного стрелка из лука. Легкий ночной туман ещё стоял низко над землёй и мешал рассмотреть следы под ногами. Тем не менее, метров за сто от терраски Ратмир увидел на земле отпечатки лошадиных подков. Он присел на корточки и внимательно стал их разглядывать. Потом поднялся и прошёл по ним в сторону от подворья Мирославы ещё метров двести и понял, что следы, скорее всего, ведут к подворьям, расположенным около Девичьего монастыря...

Затем он вернулся на подворье боярыни Мирославы и увидел помощника конюха Фёдора, державшего под уздцы двух лошадей. Поймав удивлённый взгляд Ратмира, тот торопливо пояснил:

— Боярыня Мирослава Авдеевна приказали подготовить их. Сказали, что вы с ней собирались к озеру для гимнастических упражнений. Пойти, позвать её?

Лёгкая досада опять пробежала по лицу скомороха, но он промолчал и только кивнул. Фёдор протянул ему поводья обеих лошадей и опроретью кинулся в терем. Почти тут же он выскочил обратно, и через несколько мгновений следом за ним появилась улыбающаяся женщина с какой-то котомкой в руках.

— Едем, Ратмирушка? — она подошла к лошади и оглянулась на Фёдора. Тот без слов подскочил к ней и помог взобраться на спокойно стоявшее животное. Ратмир пожал плечами и с небольшим усилием забрался на свою лошадь и, тронув поводья, молча, направил её к воротам.

Так они проехали, не разговаривая, почти половину пути до озера.

— Ратмирушка, у меня сердце разрывается от твоего молчания, — наконец-то решилась она. — Скажи, что я не так делаю? Обидела тебя чем? Ты сам не свой стал в эти дни...

— Не обращай внимания, милая, — глуховатым тоном отозвался скоморох, кинув на неё внимательный взгляд. — Сама видела вчера — какие события стали происходить. Вот и идёт голова кругом. Не до любовных утех мне пока, прости.

— А я вовсе не о любовных утехам говорю, — Мирослава покачала головой. — Просто мне кажется, что чем-то я стала тебе докучать. Женщины всегда это чувствуют... Только что именно тебя смущает — не пойму...

— Тебе это кажется, — ответил её собеседник, спешиваясь с лошади. Затем он подошёл ко второй лошади и, придерживая стремя, помог Мирославе спуститься на землю. Неожиданно добавил: — Хотя, да, Мирослава. Есть одно, что не по душе мне порой приходится в наших отношениях...

— И что это? — замерла Мирослава.

— Извини уж за прямоту, но ты в последнее время всё чаще относишься ко мне по-

матерински: пытаешься руководить мною, указывать, что мне делать, решаешь за меня все простейшие вопросы... — Ратмир, чуть прищурившись, посмотрел ей прямо в глаза: — А я — мужчина. Я должен сам решать все свои дела. И прости за честность, но заниматься любовными утехами с женщиной, пытающейся заменить тебе мать — противоестественно человеческой натуре...

— Во-о-т как, — растерянно протянула Мирослава. Слова Ратмира неприятно удивили её. — Так я же хочу, чтобы было как лучше для тебя.

— Наверное, — пожал плечами скоморох, стягивая в себя рубаху. — Только мне это не нужно и я этого не просил и не прошу у тебя.

Мирослава присела на траву и, прижав к груди котомку, растерянно замолчала. Покусывая губы, она стала просто наблюдать, как разминает в гимнастических упражнениях своё мускулистое тело Ратмир. Из глаз её покатались прозрачные слезинки.

В какой-то момент Ратмир обернулся и, увидев, что женщина беззвучно плачет, тут же кинулся к ней: — Ну, что ты, что ты, милая?! Полно, не нужно плакать. Прости, если обидел тебя грубым словом, — он присел рядом и привлёк её за плечи к себе: — Только и ты меня пойми. Я — взрослый мужик и нянька мне не нужна...

— Х-х-хоро-ш-о, я п-постараюсь, — давась в рыданиях, жалобно пробормотала Мирослава, с наслаждением прижимаясь к его крепкому телу.

— Вот и договорились, — тихонько рассмеялся Ратмир, пальцем снимая слезинки с её щёк. — И забыл ещё у тебя спросить. Конюх Фёдор сказал, что ты вчера в Москву ездила...

— Ну, да, ездила, — облегчённо вздыхая, ответила Мирослава. — Поверенный по делам мужа моего покойного Григорий Степанович просил приехать. Бумаги там нужно было подписать. Ты же видел его в тот день здесь, на подворье... А что? Что-то случилось из-за этого?

— Нет, просто спросил, — покачал головой Ратмир и поднялся на ноги: — Продолжу я упражнения, милая. Страсть как мне этот посох надоел. Скорее бы от него избавиться.

— Конечно, конечно, занимайся, Ратмирушка, — с жаром воскликнула, успокоившись, Мирослава. — Это ведь по моей вине ты пока хромаешь.

Ратмир улыбнулся ей в ответ и продолжил свои упражнения.

Солнце поднималось всё выше, и туман над землёй уже почти рассеялся. Усилился птичий гомон в лесных чащах. В зарослях кустарника на противоположном краю озера сидел крупный, темноволосый мужчина и тайно наблюдал за Ратмиром и его спутницей...

Через час Ратмир с Мирославой уже держали путь обратно на её подворье.

После сытного завтрака Ратмир вышел на терраску и окинул взглядом подворье. Жизнь здесь шла своим чередом, без дела никто не сидел: две девчушки лет восьми сидели возле горки чистого речного песка и с серьёзным видом усердно начищали мелким песочком серебряную посуду, вилки, ложки. Тут же с вениками по двору ходили мальчишки-ровесники и тщательно выметали мусор со двора. Причем и те, и другие были коротко стрижены. Правда, девчушек можно было как-то отличить по большим пукам волос на висках и по длинным летним холщовым рубахам. Девочки постарше, в платьях из грубого, крашеного холста обихаживали гусей, уток, индюков и прочую домашнюю птицу в птичниках. Волосы у них уже были более отросшими, и на головах они носили разноцветные суконные повязки с выцветшими вышитыми цветочками. Повязки эти сужались к затылку и были перевязаны сзади блеклыми цветными лентами. Как правило, все эти вещи носились аккуратно и передавались из поколения в поколение. Юные отроковицы, зажав рты

ладошками и глупо хихикая, посматривали на своих ровесников-подростков, работавших на конюшне, в свинарнике или в овчарне, а также в столярне или в гончарне.

С летней кухни доносились зычные голоса дородных поварих и писклявые голоса носившихся вокруг них поварят. Гремели железные ухваты и кочерги, доставались из печей чугунные горшки с вкусно пахнущими кашами и раскалённые железные противни с пряженными духмяными пирогами. Из раскрытых окошечек кружевной мастерской слышался характерный перестук коклюшек и негрозные окрики старшей мастерицы... Помощник конюха Фёдор возился с лошадиной амуницией, тщательно очищая её от грязи и ржавчины. Он периодически посматривал на Ратмира, готовый подбежать к нему по первому же зову.

Ратмир стоял у той же деревянной перекладки, куда вчера вечером попала железная стрела. Взгляд его был устремлён в сторону подворья работницы монастырской хлебопекарни Анны Дмитриевны. На губах его играла загадочная полуулыбка.

— Что-то ты не торопишься сегодня в монастырь, — неожиданно за его спиной раздался голос Мирославы. — Или тебе уже не нужно туда?

— Нужно, — Ратмир словно очнулся и посмотрел на солнце. Время подходило к полудню. — Пожалуй, пора. Буду к вечеру. Фёдор, подавай лошадь, — крикнул он молодому помощнику конюха.

Ратмир, чуть прихрамывая, без посоха, спустился по лестнице. С легким усилием забрался на свою лошадку и, кивнув Мирославе, направился к воротам.

— Не закрывай ворота, Фёдор, и приготовь мне повозку. Да скажи Савелию, что сейчас обратно едем в Москву к душеприказчику Григорию Степановичу. Как раз к вечеру и должны успеть обернуться, — озабоченно произнесла Мирослава и, глянув в сторону уехавшего скомороха, удивилась: — А чего это он опять к озеру-то направился?

Но в этот момент её окликнула главная помощница по хозяйству — ключница Степанида, и Мирослава отвлеклась на хозяйские заботы...

Ратмир в состоянии лёгкого душевного волнения подъехал к озеру и разочарованно оглядел пустынный берег. Только шустрые воробьи, громко чирикавая, плескались на мелководье и затем, перелетев на сушу, копошились в сухой земле, поднимая вокруг себя взвеси пыли. Скоморох посмотрел на небесное светило, вздохнул, спешил с лошади и пустил её гулять по берегу. Сам же подошёл к раскидистому кусту, покрытому желтеющими листьями, и опустился на землю. Достал из-за пазухи небольшую книжку, и взялся было читать. Но почти тут же отложил её в сторону и вздохнул. Время ожидания потекло для него томительно долго...

Неожиданно что-то красное со свистом пролетело мимо него и упало рядом с глухим стуком. Ратмир подскочил, быстро оглянулся и увидел катившееся к нему густо-красное большое яблоко... И тут же из-за небольших деревцев, росших неподалёку от этого местечка, послышался задорный звонкий смех Ольги:

— А-а, испугался, испугался! А ещё говорил, что ничего не боишься! — девушка показала из-за деревьев и помахала ему рукой.

Ратмиру показалось, что сама весна шла к нему навстречу. «Боттичелли!.. Но не «Весна» и не «Венера»... Нет-нет! Сейчас вспомню...» — судорожно пытался он вспомнить картину, которую так ему напоминала эта маленькая шалуня. Он стоял в растерянности, любуясь приближавшейся к нему почти воздушной девичьей фигуркой в светлой сатиновой

рубаше, отделанной кружевами, и нежно-голубой атласной душегрейке с искусной вышивкой жемчугом по низу. Светлые пряди длинных волос Ольги были слегка прихвачены широкой шелковой лентой. И венчал её юную головку богатый веночек из маленьких розочек, ромашек и вьюнов.

— Так что же ты не подберёшь яблочка? — весело улыбаясь, спросила она, подойдя к нему.

— Да вот, на тебя засмотрелся, — честно ответил Ратмир, растерянно улыбаясь ей в ответ. — Сейчас подберу...

Но Ольга сама легко подняла яблоко с земли и, обтерев его рукавом рубашки, протянула Ратмиру: — Очень вкусное. Батюшка прислал нам с Волги. Я уже почитай полкорзины успела съесть. Аж медовые на вкус.

До Ратмира опять донесся чудесный аромат её волос, и он послушно поднёс яблоко ко рту и вонзил в него свои крепкие, белые зубы. Действительно, вкусный, сочный, сладко-кислый вкус яблока восхитил его.

— И, правда, вкусно, — кивнул он, не в силах отвести глаз от юного создания. — Я вспомнил, кого ты мне так напоминаешь.

— И кого же? — без особого интереса спросила девушка, поправляя свой веночек и оглядываясь по сторонам.

— В Италии есть одно очень известное здание и там находится капелла святого Сикста. Её стены расписывали и расписывают самые известные живописцы мира. И ты очень похожа на картину мастера Боттичелли «Дочь Моисея». Если вас поставить рядом, то будет прямо одно лицо, — с горящими глазами произнёс Ратмир.

— Жаль, — вздохнула девушка и, неожиданно расставив руки, закружилась по берегу озера в каком-то танце, негромко подпевая себе.

— Почему жаль? — вскинул брови Ратмир, заморожено наблюдая за маленькими ножками, быстро и ловко переступавшими по песчаному берегу озера.

— А потому что мне до этого было приятнее думать, что я одна такая, — кинула она задорный взгляд на стоявшего столбом скомороха. — А ты откуда знаешь, что есть такая картина? Придумал, небось?

— Нет, я сам её видел, — счастливо улыбнулся Ратмир. Давно забытые эмоции буквально распирали его изнутри. Он смотрел и не мог насмотреться на юную красавицу.

— Ты, Ратмир, не смотри так на меня, — опять засмушалась она. — А то я сейчас ускачу к себе. Ещё никто так на меня никогда не смотрел и я не знаю, что мне делать.

— Нет-нет, солнышко. Не бойся меня. Просто от твоей красоты у меня дух перехватывает, и я наглядеться на тебя не могу, — восторженно глядя на Ольгу, поспешил успокоить её скоморох. — Я и пальцем до тебя не дотронусь и другим в обиду не дам, — с жаром добавил он.

— Ну, смотри, ты слово дал, — опять задорно рассмеялась Ольга, весело глядя на смущённого скомороха. Ратмир, не помня себя, опять поднёс яблоко к губам и смачно откусил от него кусок.

— Дай мне тоже откусить, — неожиданно требовательно она протянула руку. — Уж больно ты его аппетитно кушаешь.

Ратмир протянул яблоко. Ольга тут же схватила его и тоже с удовольствием вонзила в белую, сочную плоть яблока жемчужные остренькие зубки.

— М-м-м...какое вкусное! Даже вкуснее, чем те, что были у меня, — простонала она,

прикрыв глаза, и, покачав головой, протянула его обратно скомороху.

«Пресвятая Дева Мария! Что со мной?!», — только и подумал Ратмир, тут же поднося яблоко к своему лицу и, с трепетом в душе коснулся губами того самого места, от которого только что откусила эта маленькая нимфа.

Она, глядя на него, опять звонко рассмеялась: — Так, где же находится эта картина, Ратмир? Мне даже стало интересно. Я хотела бы посмотреть на неё.

— Я же сказал, Олюшка, что видел её в Италии, — чуть охрипшим голосом ответил Ратмир,

— Олюшка? Ты теперь будешь меня так называть? — изумлённо распахнув глаза, с детской непосредственностью спросила она.

— Тебе не нравится? Тогда скажи, как мне тебя называть, — торопливо произнёс Ратмир.

— Нет-нет, так и зови меня. Просто раньше меня так только маменька звала, — с грустью в голосе произнесла Ольга и по-детски беззащитно склонила голову к своему узкому девичьему плечу. Потом вдруг встрепенулась: — Ой, а я забыла! У меня же за холмом конь мой привязан. Я специально его там оставила, чтобы с тобой пошутить.

— Я сейчас приведу его сюда, и пусть гуляет здесь на берегу вместе с моей лошадкой, — Ратмир кинулся к холму. Он быстро привёл каурого жеребца и отпустил его к озеру. Тот тут же вошёл в воду и, шумно фыркая, стал жадно пить.

— Только я не слышал, как ты прискакала сюда к озеру, — продолжая улыбаться, машинально заметил Ратмир.

— Так я же раньше приехала. Просто мне хотелось напугать тебя и посмотреть, какой ты смельчак, — опять шаловливо рассмеялась Ольга. — А ты вон сразу подскочил, как ужаленный!

— Да, это правда, — смутился Ратмир. — Просто не ожидал после вчерашнего...

— А что было вчера? — сорвав травинку и покусывая её, спросила Ольга, устремив на Ратмира свои бездонные, фиалкового цвета глаза.

— Да ничего, пустяки, солнышко, — помотал головой Ратмир и заботливо спросил: — Ты не устала стоять, а то можно посидеть там под кустом.

— Так там же нет подстилки, — с чуть капризной интонацией произнесла девушка, кинув быстрый взгляд под куст.

— А я кафтан свой кину. Будешь сидеть как королевна, — вопросительно посмотрел на неё скоморох.

— Ну, хорошо. Только недолго, а то меня на подворье хватятся. Скоро бабушка вернётся из монастыря, и я должна быть дома. Я ведь потихоньку сюда прискакала. Даже братцу своему ничего не сказала — вот как я тебе доверяю, — важно надув свои чётко очерченные губки, произнесла Ольга.

— Я это очень ценю, — тихо рассмеялся Ратмир, расстилая ей под ноги свой кафтан.

Ольга быстро и ловко разместилась на кафтане и хлопнула ладошкой рядом с собой: — Уж и ты садись, Ратмир. Только помни про уговор. Я ведь тебе очень доверяю. Почти как самой себе...

Ратмир с едва скрытым волнением, молча, опустился рядом. Он с наслаждением вдохнул в себя аромат юного девичьего тела и, глядя на выглядывавшие из-под подола красивой сатиновой рубахи узкие щиколотки девушки, вдруг почувствовал, что теряет чувство реальности. Скоморох тут же вскочил на ноги и быстрым шагом направился к озеру.

— Что случилось, Ратмир? — удивлённо прозвучал нежный, почти детский голос девушки.

Ратмир присел на корточки и несколько раз плеснул себе в лицо прохладной озёрной водички. Потом помотал головой и, поднявшись на ноги, подошёл к кусту, под которым сидела удивлённая Ольга:

— Мне пора, Олюшка. К сожалению, есть дела, которыми мне нужно обязательно заниматься, иначе могут быть неприятности...

— А как же я? — Ольга подняла на него чуть обиженный взгляд.

— Я тебя провожу до подворья и поеду по неотложным делам, — Ратмир протянул ей руку.

Слегка опешившая девушка, молча, ухватила за его руку, приподнялась и, вдруг запнувшись ногой за рукав кафтана, чуть не упала. Ратмир едва успел подхватить её. Широкая ладонь его легла на осиную талию девушки, и он, почувствовав сквозь тонкую ткань рубахи теплоту упругого девичьего тела, невольно прижал Ольгу к себе.

— Ой, Ратмир! — испуганно тихо прошептала она, упираясь руками в его плечи. — Ты же обещал....

Ратмир громко сглотнул и, нехотя отпустив девушку из своих объятий, потряс головой, пытаясь стряхнуть с себя это наваждение.

— Прости, Олюшка, — глухо произнёс он. — Не понимаю, что со мной творится. Видимо, нам не нужно больше видеться, иначе я могу натворить каких-нибудь бед. Ты же ещё дитё совсем. Сама пока не понимаешь, какими чарами владеешь...

— Я же думала, что мы можем просто подурачиться, поиграть. У меня и подруг-то почти никогда не было, — смущённо стала пояснять Ольга. — А то, что скоро с тобой мы больше не увидимся — я это и так знаю.

— Почему?! — резко вскинул голову Ратмир.

— Батюшка жениха мне нашёл. Пишет, что из астраханских купцов будет. Богатый, мол, очень...

— Жениха?! — не поверил своим ушам Ратмир.

Ольга вздохнула и, поправив веночек на голове, жалобно посмотрела на Ратмира:

— Я и видеть-то его никогда не видела. И не знаю кто он. Батюшка написал только, что уже пятьдесят годков ему, и первая жена у него померла в родах, когда шестого дитёнка носила. Страшно мне очень, Ратмир, а против отцовской воли не пойдёшь, — девушка опустила голову и пошла в сторону опушки, где пасся её каурый жеребец.

Ошарашенный столь удручающим известием, Ратмир несколько мгновений безмолвно смотрел на опущенные, трогательно-беззащитные плечи девушки и неожиданно почувствовал в себе острое желание защитить и уберечь её от любых бед и невзгод.

— погоди, Олюшка, — глухим голосом воскликнул он ей вслед.

Она остановилась и медленно повернулась к нему. В глазах её стояли слёзы, а красивые губки подрагивали от обиды.

Ратмир подошёл к ней и, не касаясь руками, произнёс:

— Посмотри на меня, солнце моё. Я тоже старше тебя почти на семнадцать лет. Только не было у меня никогда ни жены, ни детей. Если я тебе не совсем противен и нет у тебя на примете никого из достойных тебя молодцов, то я готов стать твоим защитником. И тогда никто и никогда не посмеет обидеть тебя...

— Что ты такое говоришь, Ратмир?! — девушка с нескрываемым изумлением и

восхищением посмотрела на скомороха. — Ты — моим защитником?! А как же батюшка?

— Я сам поговорю с ним.

— Ты не знаешь его, Ратмир! Он же и матушку мою в гроб загнал побоями да попрёками. Ежели что втемяшится ему в голову, то он и будет стоять на своём.

— Ничего, я найду на него управу! — жёстко ответил Ратмир. — Пока я жив — никто не посмеет и пальцем тебя тронуть.

— Не станет он тебя слушать, — покачала головой девушка. — Одно богатство у него на уме. Вот и жениха мне подыскал такого, чтобы с богатством его породниться. Ты, ведь не богат, Ратмир, хотя и живёшь как барин на чужом подворье? — полуутвердительно спросила она.

— Богатство разным может быть, — уклончиво ответил тот.

— Как это — разным? Богатство — оно и есть богатство, — непонимающе посмотрела на него девушка. — Я не совсем понимаю тебя, Ратмир.

— Только одно скажи мне — люб я тебе или нет? Потому как насильно милым быть не хочу и не могу, — с тревожным ожиданием Ратмир уставился в лицо Ольги.

— Я...я... н-не знаю... — растерялась та и жалобно посмотрела на него. — Я же ещё никогда и никого не любила... Я даже не знаю как это...

— Пресвятая дева Мария! Я убью твоего отца! Что он делает?! — схватился за голову Ратмир. — Как можно отдавать тебя замуж?! Ты же ещё совсем ребёнок!

— А у м-меня уже м-много п-подруг венчаны. Д-детишек д-даже нарожали, — неожиданно начала заикаться, волнуясь, Ольга.

— Когда должен приехать твой отец? — решительно спросил Ратмир.

— Он по реке будет подниматься с низовья Волги. Дней так через двадцать.

— Тогда у нас ещё есть время. Завтра же приходи к этому месту в полдень. Я что-нибудь придумаю. Ты не должна венчаться с этим вдовцом. Пойдёшь замуж, когда сама полюбишь. Я тебе это обещаю! — глаза Ратмира сверкали от решительности и праведного гнева.

— Ой, Ратмир, что же будет?! — растерянно обхватила себя за щёки, продолжая волноваться, Ольга.

— Не переживая так, солнце моё. Поезжай пока домой. И я поеду по своим делам. А завтра встретимся в этом же месте, и я тебе скажу, что я решил. Готова ли ты слушаться меня, чтобы потом самой решать свою судьбу? — Ратмир подставил ей свою крепкую ладонь, и она вновь, упершись в неё своей ножкой, ловко села на свою лошадь.

— У меня сильно разболелась голова, Ратмир. Поеду, полежу, — вздохнула она и слабо улыбнулась ему. — Я очень хочу, чтобы ты помог мне. Может быть, мне и вправду удастся избежать участи моих несчастных подруг и повезёт дожидаться своего суженого.

— Хорошо, что ты уже так думаешь, — покачал головой Ратмир. — Я не буду больше провожать тебя, чтобы не было лишних пересудов. И чтобы раньше времени не сообщили твоему батюшке. Станем встречаться тайно, и я обязательно придумаю что-нибудь.

«И ты обязательно полюбишь меня. Я всё сделаю для тебя, радость моя», — подумал он, глядя, как исчезает за холмом тоненькая женская фигурка верхом на лошади. Вот девушка оглянулась назад и, помахав ему рукой, исчезла из вида.

Глава 5

Взволнованный услышанным, Ратмир сел на лошадь и направился в сторону монастыря.

Он стал лихорадочно обдумывать варианты спасения Ольги от такого страшного замужества. По дороге мимо него медленно шагали паломники, проезжали, дребезжа, в обе стороны повозки с людьми, дровами, сеном мешками с зерном. Иногда галопом пронеслись вестовые и охранники монастыря на сытых скакунах.

— Барин, барин! Помоги, если сможешь! Брат Володька отходит, воды просит! А у нас, как назло, всё кончилось... — неожиданно ворвался в сознание Ратмира писклявый мужской фальцет. Скоморох увидел, что сбоку от него, протягивая руки, стоит щуплый богомолец в светлой, грубого холста рубахе и грязно-синих портках на босу ногу. Ратмир перевёл взгляд на обочину и увидел, что там, на повозке, лежит молодой бородатый парень и, закрыв глаза, тяжело дышит и что-то шепчет. Ратмиру его лицо показалось знакомым, но ему было не до того. Рядом с повозкой стояли ещё трое мужиков-богомольцев с котомками в руках. Двое проезжавших мимо всадников с интересом посмотрели на повозку и проскакали дальше.

Ратмир глянул на небесное светило и, вздохнув, направил лошадь к повозке.

— Что с ним приключилось? — спросил он у стоявших рядом богомольцев.

— Да кто же его знает, — хрипло отозвался один из них. — Шёл с нами и упал как подкошенный. Давно уже идём. Может, с голодухи. А ты, барин, не лекарь, случаем? Может, сподобишься глянуть, да вдруг поможешь чем?

Мысленно чертыхаясь, Ратмир спешил к повозке с лежавшим без движения парнем. Встав ногой на ось колеса телеги, он склонился было над ним. В этот же момент парень вдруг открыл глаза, и резко, обхватив его крепко за шею, потянул на себя. Двое других богомольцев, не говоря ни слова, навалились на Ратмира сверху, заломили руки за спину и, шумно сопя, стали быстро связывать их крепкой верёвкой. Парень шустро выскользнул из-под скомороха и, спрыгнув на землю, встал рядом с повозкой, прикрывая её собой от любопытных взглядов прохожих.

— Ну, что, сучий потрох?! Тебя же предупредили, чтобы ты убирался отсюда, пока цел! — жарко дыша Ратмиру в затылок луком и чесноком, злорадно прорычал один из богомольцев, потуже затягивая узел на его руках. — Теперь пеняй на себя. Потому как мы тебя сейчас увезём отсюда куда подальше и отправим туда, откуда нет обратной дороги. Эй, братва, давайте быстрее рогожку. Накроем его сверху, да поедем отсюда скорее, — негромко окликнул он своих. Скоморох почувствовал, как его быстро накрыли какой-то вонючей рогожей и, навалившись сверху, стали разворачивать повозку в другую сторону.

Ошарашенный произошедшим, Ратмир, отплёвываясь от попавшей в рот затхлой, прошлогодней соломы, простонал от собственного бессилия, кляня себя за глупость и доверчивость. Но, быстро взяв себя в руки, тут же стал соображать, что можно предпринять в этой ситуации. Вспомнил, что у него в сапоге кинжал, а во внутреннем потайном кармане кафтана есть ещё кое-что. Ратмир стал думать, как ему освободить руки...

В этот момент он услышал топот копыт, приближавшийся к повозке. Раздался звонкий, короткий свист кнута и крики обезумевших от боли людей. Ратмир почувствовал, как прижимавшие его ко дну повозки богомольцы ослабили хватку и завертели на месте, начав орать нечеловеческими голосами:

— А-а! Кто ты?!.. Что тебе нужно?! Проклятье!.. Да кто же ты, сволочь?!

— А-а, бежим, братва! Это дьявол какой-то!! Ой, он мне глаз выбил, паскуда! Бежим! — Ратмир узнал фальцет остановившего его несколько минут назад богомольца.

Ратмир, не теряя ни секунды, изловчился, лёжа на боку, сложился пополам и, подтянув связанные за спиной руки к бёдрам, сумел протащить сквозь них всю остальную часть тела.

Потом он скинул с себя рогожку и, сев в повозке, быстро достал правой рукой из сапога кинжал. Прежде чем начать резать верёвку на запястьях, он оглянулся и никого не увидел рядом с собой. Только поодаль, сгрудившись, стояли перепуганные богомольцы и, оживленно переговариваясь, указывали руками куда-то в сторону поля. Скоморох глянул в ту же сторону и увидел, как незнакомый ему темноволосый всадник на коне гнал по полю одного из захвативших его богомольцев и нещадно сёк его кнутом. Наконец тот упал и затих, а всадник развернул коня и направился обратно. Но увидев сидящего на повозке скомороха, он не стал более подъезжать к нему, а просто поднял руку в знак приветствия. Ратмир ответно поднял обе связанные руки, и кинжал ярко сверкнул на солнце.

— Благодарю тебя, дружище! — крикнул он своему спасителю. — Подъезжай сюда, скажи мне кто ты.

Но тот ещё раз махнул ему рукой и, резко развернув коня, умчался по дороге, ведущей в лес. Что-то смутно знакомое почудилось Ратмиру в ускакавшем спасителе, но он никак не мог сообразить — что именно...

— А-а, это ты, Ратмир? — удивлённо произнёс один из двух стражников, охранявших Девичий монастырь. Они только что прискакали сюда прямо из монастыря. — Что тут произошло? А то наш Тимоха с вышки стал орать, что здесь какое-то побоище идёт.

— Сам не пойму, что это было, — пожал плечами взъерошенный скоморох. Он подошёл к своей лошади, привязанной одним из похитителей к повозке. Отвязав её, сел верхом и направился к тому месту, где должен был валяться избитый незнакомым спасителем ряженный богомолец. И почему-то нисколько не удивился, не увидев того на том самом месте.

— Ну, что, Ратмир, проводить тебя до монастыря? — окликнул его один из стражников. — А то я смотрю, что лихой народ уже ничего не боится. Прямо у ворот монастыря уже начали нападать!

— Да, пожалуй, поеду с вами, — с досадой в голосе кивнул Ратмир и направился вместе с ними в монастырь.

Спустя короткое время он поднялся по ступенькам деревянного крыльца игуменьи Евникии.

— Храни тебя Бог, Ратмир, — сдержанно приветствовала она его, скрывая нетерпение. — Нужна ли тебе моя помощь сегодня?

— Очень нужна, — озабочено кивнул Ратмир. — На меня сейчас напали прямо перед монастырём и хотели увезти, чтобы где-то там убить. А вчера вечером ко мне прилетела стрела с берестой, где предупредили, чтобы я убирался отсюда...

В этот момент на пороге горницы игуменьи появился запыхавшийся отец Павел. Он с тревогой посмотрел на Ратмира и с облегчением выдохнул: — Слава создателю, ты жив, сын мой!

— И до тебя, отец Павел, уже дошла эта весть?! — игуменья Евникия схватилась за голову и прошептала: — Что же это такое?

— Так я как раз по двору шёл, когда наши стражники меня остановили и поведали эту историю. Что-то нужно делать, матушка Евникия! — с жаром воскликнул отец Павел.

— Вот Ратмир и просит ему помочь, — игуменья обернулась к скомороху. — Говори, что нужно делать.

— Раз кому-то очень не хочется, чтобы я здесь проводил сыск, то могу предположить,

что этот человек или его приспешники находятся здесь в монастыре постоянно. Поэтому прямо сейчас мне нужно, чтобы все мужчины, постоянно пребывающие здесь, вышли на двор, и я хочу их всех рассмотреть, — жёстко произнёс Ратмир.

— Понятно, — кивнул отец Павел. — Весьма здравая мысль, сын мой. А что ты думаешь увидеть? Или кого узнать хочешь?

— Я видел людей, напавших на меня полчаса назад. Мне нужно точно знать, что их нет среди находящихся здесь мужчин. Или, если есть, то отловить их и допросить с пристрастием. Потому как они точно выведут нас на убийц сестры Агафьи и, возможно, трёх ваших послушниц.

— Хорошо, Ратмир. Сейчас я распорядюсь, и они все будут здесь на площади перед моим теремом, — нахмутив брови, решительно заявила игуменья.

— И мне нужно, чтобы они все были без рубах, — неожиданно добавил Ратмир.

— Это ещё зачем? — изумился отец Павел.

— Так надо, — упрямо тряхнул головой скоморох.

— Делай, как он говорит, — в приказном тоне произнесла игуменья Евникия и, приоткрыв дверь из горницы, кликнула свою помощницу.

— Пойду, гляну, чтобы все собрались, — вздохнул отец Павел и вышел за дверь.

Через короткое время двор заполнился боролатыми мужчинами разных возрастов и телосложений. Их было человек двадцать стражников и около десяти обычных трудников. Все они переминались с ноги на ногу и недоумённо перешёптывались между собой. Но никто из них не осмеливался обсуждать указание матушки Евникии.

— Вот, Ратмир, можешь смотреть, — отец Павел указал рукой на голых по пояс мужчин. Всем монашкам в этот момент было категорически запрещено находиться рядом с площадью. Скоморох спустился вниз и пошёл по рядам между недовольно косившихся на него мужиков. Ратмир внимательно всматривался в их лица и пристально разглядывал со всех сторон оголённые по пояс торсы.

— Здесь точно все? — озабоченно спросил он у игуменьи.

— Нет, Ратмир. Есть ещё стражники на вышках — это мы сейчас можем отдельно по вышкам пройти. И есть люди, что трудятся при монастыре, но живут в своих домах за его забором. Это наши певчие, ремесленники, конюхи, — поспешил пояснить схимонах Павел.

— Пусть кто-нибудь составит мне сейчас же список тех, кто живёт за забором монастыря, и я сегодня же должен их всех увидеть, — обратился к нему Ратмир и махнул рукой стоявшим в ожидании мужикам: — Всё, мужики, можете идти по своим делам. Благодарю вас, братцы, за терпение.

— Пошёл бы ты со своей благодарностью. Лучше бы денежку дал, — тихо зашептались те, разбредаясь по своим делам и натягивая на ходу рубахи.

Далее Ратмир в сопровождении отца Павла поднялся на все вышки и там осмотрел растерянных стражников. Потом он вновь вернулся в обитель игуменьи Евникии и пожал плечами:

— Ничего я пока не увидел, матушка Евникия. С одной стороны это хорошо, что все честно здесь находятся. С другой стороны означает, что тот, кто устроил все эти убийства, весьма коварен и хитёр. И нам всем нужно быть сейчас очень осторожными.

— Ты полагаешь, что душегуб кто-то из наших? — тревожно посмотрела на него игуменья.

— Думаю, что да.

— Так что же делать теперь?

— Вот ещё увижу сегодня всех остальных, кого не удалось застать, тогда смогу принять дальнейшие решения, — Ратмир машинально откинул назад упавшие на лоб вьющиеся пряди волос.

— Это мужик или баба? Как ты думаешь? — нерешительно спросила она.

— Чтобы посадить человека на кол нужна недюжинная силища. Уверен, что женщине это не под силу...

— А сестра Агафья?

— Тоже донести её из кельи до собора, и подвесить — навряд ли какой бабе сподручно, — покачал головой Ратмир.

— Тогда ищем мужика, — вздохнула игуменья Евникия и послала свою помощницу за квасом и обедом для Ратмира, пока несколько стражников разыскивали в подворьях на Девичьем поле остальных трудников Девичьего монастыря мужского пола.

«Или нескольких мужиков», — подумал про себя Ратмир.

Спустя некоторое время за дверью горницы игуменьи Евникии послышался тонкий девичий голосок: «Молитвами святых матерей наших...»

— Аминь, — торопливо воскликнула игуменья и с нетерпением уставилась на дверь.

В проёме двери показалась послушница Марфа. Не поднимая глаз, она быстро произнесла:

— Там, матушка, стражники во двор трудников согнали по твоему приказу.

— Хорошо, Марфа, иди. Мы сейчас выйдем, — ответила ей игуменья и глянула на скомороха: — Ну, что, пойдём, Ратмир. Глянешь и на этих.

Тот, допивая на ходу из деревянного расписного кубка вишнёвый мусс, быстро встал из-за обеденного стола.

Они вышли на террасу и увидели стоявших под уже нежарким солнцем бородатых мужчин. Тут же стоял схимонах Павел и вопросительно смотрел на Ратмира.

Игуменья окинула всех внимательным взглядом и недовольно нахмурилась: — Опять не все, отец Павел. А где певчий Никитка, да столяр Никодим?

— Певчий! — тихо воскликнул Ратмир и хлопнул себя правой ладонью по лбу. — Ну, конечно же певчий!

— Ты о чём сейчас, Ратмир? — встревожено посмотрела на него игуменья.

— А я-то ещё там подумал, что мне его лицо знакомым показалось, — негромко произнёс Ратмир.

— О чём ты, сын мой? — поспешил к ним подняться схимонах Павел. — О каком певчем ты сейчас упомянул? Про Никитку нашего?

— Не знаю я, как его звали. Помнишь, матушка Евникия, в тот день, что я с тобой ходил в первый раз на службу, один из певчих упал и стал биться в падучей?

— Так это и был наш Никитка. У него это уже не в первый раз было. С детства она его мучает. И он с каждым разом всё дурнее и дурнее становится. Один раз так одурел, что думали уже его в Спасо-Евфимьевский монастырь, что в Суздале, отправить. Так отец Павел вон отстоял Никитку, сам лечил его молитвами да травами разными. Сказал, что равных ему нет в округе по пению на клиросе. И что же он?

— Одним из мужиков, что сегодня утром напали на меня, и был ваш Никитка, — мрачно ответил Ратмир.

— Тебе показалось это! — с жаром воскликнул отец Павел. — Не мог он на человека напасть. Ты путаешь его, Ратмир, с кем-то другим. Никитка — тихий, послушный. Он и мухи не обидит.

— Может, и правда, путаешь? — нерешительно произнесла игуменья и вопросительно посмотрела на скомороха.

— Вот теперь я уже точно вспомнил его и уверен в своих словах, — решительно произнёс скоморох. — И почему его сейчас нет среди этих людей? Найдите, и тогда он нам сам ответит — был он сегодня утром среди нападавших или нет. И ещё по одной примете могу я распознать — этот человек или нет.

— Какая такая примета? — с неподдельным интересом спросил схимонах Павел.

— Сам когда увижу — тогда и расскажу, — твёрдо ответил Ратмир и стал спускаться к переминавшимся с ноги на ногу мужикам-трудникам. — И да, отец Павел, помнится мне, что на клиросе у вас в тот день было двое певчих. Что же про второго ничего не упоминаете?

— Это про Савку, что ли? Так его сама матушка игуменья по совету митрополита Филиппа отправила вчера на послушание в Андроников монастырь, — воскликнул схимонах Павел.

— За что? — поинтересовался Ратмир.

Игуменья бросила на отца Павла укоряющий взгляд и вздохнула:

— После тебе расскажу, Ратмир. Ты, давай, пока этих тоже огляди, да отпустим их. Нечего им без дела здесь топтаться.

Ратмир вновь внимательно оглядел недовольных мужиков-трудников и, глянув на игуменью, отрицательно покачал головой.

— Идите все по своим делам, — махнула она им рукой, и площадь перед её обителью мигом опустела.

— Так что — опять отправлять стражников за Никиткой? — нахмурившись, обратился к игуменье схимонах Павел.

— Куда же деваться? Отправляй, раз не смогли сразу его найти, — вздохнула опять игуменья.

— Я тоже поеду с ними за этим певчим, — неожиданно заявил Ратмир.

— Ты?! — поразились игуменья со схимонахом Павлом. — Так они и без тебя справятся, Ратмир. Ты лучше иди пока в свой терем да передохни чуток, — озабоченно добавила игуменья.

— Некогда отдыхать. У меня ещё и другие дела есть. В Москву ехать нужно, — отрицательно покачал головой Ратмир.

— Хорошо, как скажешь. Тогда сам ими и командуй. А куда ехать — Прохор тебе покажет, — согласно махнула рукой игуменья. — Коли разыщете его, так меня непременно сразу и зовите. Точно хочу знать — был он там или не был.

— И меня сразу зови, Ратмир, если что, — повернулся к скомороху схимонах Павел.

Через короткое время Ратмир вместе со стражниками под предводительством уже знакомого ему Прохора прискакали к небольшому, запущенному подворью, огороженному деревянным частоколом, где проживал с родителями певчий Никитка. На резкий стук в ворота никто не откликнулся. Только сторожевой пёс стал бешено лаять и рваться с гремящей, железной цепи.

— Вот и в прошлый раз никто нам не открыл, — пожал плечами Прохор, увидев вопросительный взгляд скомороха.

— Так вы и во двор даже не заходили?! — поразился тот.

— Ну, не заходили... Так там же псина вон какая! Да и дома, видать, никого нет, раз ворота не открывают, — смущённо стал пояснять стражник.

— Ну, что же, тогда берусь сам командовать вами, — разозлился Ратмир. — Быстро один всадник встаёт боком к забору. Ещё двое спешиваетесь и по очереди встаёте первому на плечи и перебираетесь через забор. Только вначале киньте за забор дрын. Один из вас этим дрыном псину в сарай загонит, второй пока нам ворота отопрёт.

— Смело! А не хочешь ли ты сам, Ратмир, полезть и эту псину в сарай загнать? — недовольно пробурчал один из стражников.

Ратмир вопросительно посмотрел на Прохора. Тот покраснел лицом и рявкнул на своего стражника: — А ну марш исполнять что сказано! Разговорчивые больно стали. Кому не нравится — идите вон милостыню у монастыря просить. У меня полно желающих служить здесь при монастыре стражниками.

Стражники замолчали и ринулись исполнять приказание. Через несколько минут скулящая от побоев собака была заперта в сарай, и второй стражник торопливо отодвигал железный засов на неожиданно крепких деревянных воротах.

Остальные стражники по команде Ратмира разбежались по различным построениям в поисках певчего. Сам Ратмир, чуть прихрамывая, попытался осторожно зайти в дом, но прогнившие ступеньки предательски скрипели при каждом его шаге. Следом за ним шёл Прохор и тихо чертыхался, тоже стараясь не скрипеть при ходьбе.

— Стойте! Не заходите дальше! А то я убью их обоих! — неожиданно раздался отчаянный мужской крик, как только Ратмир попытался приоткрыть потемневшую от времени дверь в горницу. Ратмир замер на месте и крикнул в ответ:

— Это ты, Никитка?

— Сам знаешь, что я. Зачем спрашиваешь? — зло отозвался тот же мужской голос.

— Помогите Христа ради, — донёсся до Ратмира и Прохора жалобный старушечий голос.

— А ну, цыц у меня! — воскликнул тот же мужской голос, и раздались глухие звуки ударов и чьи-то жалобные стоны и крики.

— Иди тихонько обратно и подойди к окну, — зашептал Ратмир Прохору. — Постарайся отвлечь его разговорами.

— Так скрипят же проклятые!

— Иди уже как получится, но только отвлеки его хоть на пару минут...

— Эй, что вы там шепчетесь?! — зло крикнул тот же голос. — Мне всё слышно. Как только кто-то зайдёт сюда, так я им обоим бошки-то и поотрубаяю.

Ратмир кивнул головой Прохору и, указав ему глазами на выход, громко прокричал: — А кому ты там, Никитка, бошки-то собрался поотрубать? Курям что ли?

— Каким курям?! — неожиданно сардонически расхохотался мужской голос. — Это родители мои тут: папенька и маменька мои ненаглядные.

— Что же они тебе такого плохого сделали, что ты им такую страшную погибель уготовил? — опять громко прокричал Ратмир, стараясь перекрыть скрип ступенек под ногами спускавшегося во двор Прохора.

— А что так орать-то? Чай, не глухие здесь живут, — неожиданно возмутился мужской голос. — А погибель им такую не я уготовил. Они сами себе её выбрали, когда в душу свою дьявола впустили.

Послышался жалобный женский плач, и другой мужской старческий голос стал увещевать разбуянившегося сына.

— Я кому сказал молчать! — заорал первый мужской голос, и вновь послышались глухие удары и жалобные женские крики.

«Да где же ты, Прохор?» — мысленно взмолился Ратмир, не в силах больше слышать эти вопли.

Словно услышав его, неожиданно из горницы послышался густой бас Прохора:

— Эй, Никитка, глянь, что я тебе принёс, — что-то забренчало в горнице.

— Ой, монисто?! Золотое? А мне-то оно зачем? Я же не....

В этот момент Ратмир рывком распахнул дверь и ворвался в комнату. Доли секунды ему хватило, чтобы оценить обстановку, и со странным гортанным криком он, подпрыгнув в воздухе, сделал поворот всем телом и резким ударом ноги вышиб топор из руки оторопевшего певчего Никитки. Опустившись на пол, Ратмир повторно издал похожий крик и просто в следующем развороте уже другой ногой нанёс стопой короткий удар по голове певчего, после чего тот как подкошенный рухнул на пол. Наступила звенящая тишина, и из окна прозвучал озадаченный бас Прохора:

— Да, брат, во ты даёшь! Всякое я видел в жизни. Но, чтобы так ногами управлять — в первый раз узреть сподобился.

— Всё, вяжите его и в монастырь, — обратился Ратмир к забежавшим в этот момент в комнату стражникам. — Хотя подождите... — Он подошёл к лежавшему в беспомощности певчему и, задрвав ему рубаху, покачал головой: — Так я и думал.

Поперёк бледной, рыхлой спины певчего ярко багровела борозда от кнута...

Глава 6

— Кто бы мог подумать?! — всплеснула руками игуменья, растерянно глядя на забившегося в угол маленькой пустой кладовой испуганного бородатого певчего Никитку. Слабый дневной свет едва пробивался сквозь овальное зарешечённое окошечко под самым потолком. — Жил себе здесь как у Христа за пазухой. Обут-одет, накормлен... Чего ещё желать-то было?

Ратмир и схимонах Павел стояли рядом с ней и не спускали с пленника глаз.

— Никитка, а, Никитка? Ты зачем на Ратмира напал? — игуменья сделала шаг вперёд, но схимонах Павел придержал её за рукав и отрицательно покачал головой:

— Не стоит к нему приближаться, матушка. Видишь ведь — не в себе он. Похоже, что опять у него ум за разум начал заходить.

— У него — возможно, — вдумчиво глядя на скрючившегося в углу кладовой певчего, произнёс Ратмир. — А вот у остальных, я думаю, разум был на месте и они понимали, что творят. Пусть назовёт тех, кто был с ним, когда они на меня напали.

— Эй, Никитка, хочешь сладкую сайку с изюмом? — окликнула певчего игуменья Евникия.

— Очень хочу, матушка, — оживился тот, но опасливо глядя полубезумными глазами на Ратмира и схимонаха Павла, умоляюще добавил: — Не секите меня розгами, братцы! Нечистый опять приходил и смущал меня видениями своими...

— И что за видения он тебе представлял? — неожиданно спросил Ратмир.

— А он хитрый... то в образе матушки моей ко мне в опочивальню заглядывает, то в

образе батюшки на сеновале вилами машет, — опустив глаза, громко пробормотал певчий.

— Видишь, Ратмир, не в себе он. Вот и в те разы также, после падучей о нечистых заговаривался. Ещё грозился руки на себя наложить, — вздохнул схимонах Павел. — И что интересно, в такие вот моменты силища у него появляется прямо-таки зверская. Сам видел, как он деревья в руку толщиной из земли вырывал...

— Хм... — скоморох с интересом глянул на Никитку. — И всё же, меня интересуют остальные, кто был с ним. Эй, Никитка, скажи, с кем ты сегодня в степи нечистого в поле завалил в повозке? Если назовёшь их имена, то получишь серебряную монетку. Хочешь монетку?

Певчий кинул на него исподлобья тревожный взгляд и громко крикнул: — Дураком меня считаешь?! Да я вас всех умнее в три раза и более. Ты же и был в повозке. Да только не сам я тебя заваливал, а нечистый меня на это подбил...

— А как он это делал? Что сулил тебе?

— Как-как?! Знамо как. Голосом своим да образами разными. Вот ложусь я спать, а он и начни со мной разговаривать своим мерзким, глухим голосом: «Вставай де, Никитка, и иди мою волю исполнять». А иначе в геене огненной обещает мне сковороду пожарче разогреть... И что мне, горемычному, делать? Встаю и исполняю...

Певчий с надеждой посмотрел на игуменью: — Матушка, а где саечка? Изголодался я очень, пока нечистого в доме у себя изгонял, — и указал рукой на скомороха: — Он мне помешал. Зря ты его не опасаясь, матушка. Рядом с ним стоишь. Он же тоже приспешник рогатого. Если бы не дружок его с кнутом, то мы сегодня же его и распяли бы там на дубу.

— «...распяли на дубу...»... Так ты и твои приятели — воины против нечистого и его войска? — поразился своей догадке Ратмир. — И тех трёх послушниц тоже ты и твои приятели казнили из-за того, что в них вселился дьявол? И сестру Агафью тоже?

— А вот здесь ты всё врёшь, искуситель, — кинул на него быстрый острый взгляд певчий Никитка. — Сестру Агафью ты сам к потолку подвесил...

— Я? — приподнял брови Ратмир.

— А кто же ещё! Так и сказал, что сам её придушишь и к потолку подвесишь, чтобы все подумали, что она на себя руки наложила, — неожиданно выпалил Никитка и опять умоляюще посмотрел на игуменью: — Матушка, дай саечку с изюмом...

— Вот видишь, Ратмир, не в себе он. Плетёт всякую чушь, — прошептал скомороху схимонах Павел. — Душно-то как тут, — он потёр себе рукой морщинистый лоб. — Дай мне немного времени. Я полечу его травками, да молитвами. А как придёт в себя — так и начнёшь пытаться. А с безумного сейчас какой толк?

— Пожалуй, ты прав, отец Павел, — чуть растерянно ответил скоморох. — Только погоди минуточку...

Ратмир неожиданно направился к сжавшемуся в углу певчему Никитке и, склонившись над ним, негромко произнёс: — Это я — нечистый. Живо отвечай мне — кто был с тобой на поле, когда вы напали на того скомороха?

— А-ха-ха! — внезапно сардонически расхохотался Никитка и, повалившись на бок, стал кататься по полу.

Ничего не понимающий Ратмир растерянно посмотрел на беснующегося певчего. Игуменья схватилась за голову, а схимонах Павел побледнел.

— Голос-то, голос-то как сейчас же опять поменял! — давась в смехе, завизжал Никитка. — Думал — не признаю!

— О, Боже милостивый! — неожиданно услышал Ратмир за своей спиной придушенный возглас игуменьи Евникии. — Быстрее сюда, Ратмир!

Скоморох обернулся и, увидев, что игуменья изо всех сил поддерживает сползающее на пол тело схимонаха Павла, кинулся к ней. Певчий тут же прекратил свой нечеловеческий хохот и вновь забился в угол, сжав руками голову.

— Что с ним? — Ратмир подхватил бесчувственное тело схимонаха Павла и аккуратно прислонил его к стене. Приблизив ухо к его лицу, прислушался к дыханию и слегка похлопал по щекам. Тот едва простонал, пытаясь повернуть голову...

— Стоял себе и вдруг начал падать. Едва успела подхватить, — развела руками игуменья. Затем она взяла стоявший здесь же латунный подсвечник со свечой. Зажгла свечу. — Вот ведь, негодный Никитка! Ты теперь сам, Ратмир, видел, что с него сейчас мало чего добьешься. Да и отец Павел немолод уже такие страсти видеть и слышать. Надо его в келью отнести, да лекаря позвать. Может, какие пилюли пропишет.

— А с ним как же? — кивнул Ратмир на съевшегося певчего, подхватив на руки ещё находившегося в беспомощности схимонаха Павла.

— А я его здесь на замок запиру пока. Никуда не денется, — игуменья торопливо загремела связкой железных ключей. — Сейчас с отцом Павлом разберёмся, да потом и зайдёшь к Никитке дальше пытаться, если будет нужда... Хотя он вроде как всё сказал...

— Так ты, мать игуменья, тоже уже уяснила себе, что убийца твоих послушниц пойман и сознался в содеянном? — как-то неуверенно, полуутвердительно спросил Ратмир. Он с трудом, сильнее прихрамывая на правую ногу, стал подниматься по крутой лестнице с схимонахом Павлом на руках.

— Дошло. А что тут такого? — обыденно пожала плечами игуменья, поднимаясь за ним. — Сейчас за лекарем для отца Павла пошлём и заодно дьякону Лаврентию да митрополиту Филиппу гонцов отправим с радостным известием.

В этот момент схимонах Павел застонал и пошевелился в руках Ратмира. Скоморох остановился и осторожно прислонил его спиной к кирпичной стене: — Как ты, отче?

— Ох, а где это мы? — подслеповато щурясь от света свечки, удивился он. — Никак в коридоре я сижу? Ох ты, Боже мой! Вспомнил я всё! — воскликнул он. — Только ноги что-то слабы у меня. И головушка кружится. Дойду ли до дому я, матушка Евникия? Дозволь мне в келье какой-нибудь отлежаться, да мёда испить для укрепления сил.

— Конечно, дозволю, — кивнула игуменья и озабоченно добавила: — Ты, отец Павел, пока был в беспомощности, Никитка-то — супостат, признался в злодеянии своём. Это он с дружками порешил наших послушниц. Нечистый, говорит, в них вселился. Вот они и казнили невинных девиц из-за того, что у него разум помутился... Надо было его тогда в Спасо-Евфимьевский монастырь отправить. Так, глядишь, наши послушницы и остались бы живы.

— Да-а, дела-а... — протянул ошеломлённый схимонах Павел и стал подниматься на ноги, поддерживаемый скоморохом. Он вдруг оживился: — Гонцов, гонцов скорее нужно послать к дьяку Лаврентию и митрополиту Филиппу!

Они уже ступили на последнюю ступеньку деревянной лестницы.

— А то мы без тебя не знаем, что делать, — проворчала игуменья, открывая дверь кладовой. Яркий дневной свет на мгновение ослепил их.

Доведя схимонаха Павла до свободной кельи для гостей, игуменья Евникия велела двум монахиням присматривать за ним, и исполнять все его просьбы. Сама же вместе с Ратмиром

отправилась к себе. Ратмир посмотрел на солнце и вздохнул:

— Пора мне, матушка Евникия, в Москву по другим делам.

— Так поезжай, поезжай, Ратмир. А только не сможешь ли ты и в этот раз заехать к дьяку Лаврентию с доброй вестью? Сам всё и расскажешь, — вопросительно посмотрела на него игуменья.

Ратмир на мгновение представил себе ехидное выражение лица дьяка Лаврентия и недовольно, как от зубной боли, поморщился:

— Не очень-то хотелось бы лишний раз его видеть...

— Так посылать-то нужно надёжного человека. А тут сам видишь, что творится. Свой же певчий и оказался душегубцем. А тебе и почёт сразу будет за то, что сыск провёл ловко и с умением. Съезди, Ратмир, окажи такую милость. А к митрополиту Филиппу сама поеду. Тоже никому не могу довериться сейчас, — игуменья с надеждой посмотрела на скомороха.

— Ну, хорошо, матушка игуменья. Так и быть — заеду, — вздохнул Ратмир и серьёзно посмотрел на неё: — И у меня будет к тебе просьба.

— Говори, Ратмир.

— Приставь охрану к двери в кладовую, где певчий Никитка сидит. Чтобы до моего приезда никто к нему не мог попасть.

— Хорошо, прикажу двум стражникам поочерёдно охранять, пока ты не вернешься, — кивнула игуменья. — А так ты за Никитку не беспокойся. В те кладовые просто так не попадёшь — на века строены. А ключи только у меня от всех замков, что на дверях кладовой.

Спустя некоторое время Ратмир уже скакал на лошадке в сторону Москвы.

В Москве скоморох нашёл знакомого мальчишку и отправил его с запиской в итальянское посольство. Сам Ратмир зашёл в ближайшую харчевню и, купив корзинку с едой и кувшином хорошего кваса, направился на лошади в сторону Разбойного приказа. Не доезжая до приказа несколько десятков метров, он вдруг увидел стоявшую неподалёку повозку Мирославы Кольчуговой. Ратмир остановил лошадь, спешился и, присев на пень от поваленного когда-то бурей старого тополя, стал наблюдать. Спустя некоторое время из дверей приказа показалась Мирослава. Прикрывая платком раскрасневшееся лицо, она, не оглядываясь по сторонам, быстро села в повозку, и та направилась прочь от приказа.

— М-да... — протянул заинтригованный происходящим Ратмир. Он дождался, пока повозка Мирославы исчезла за углом, и направился сам к входу в Разбойный приказ. Привязав лошадь, он уверенно прошёл мимо стоявшего на посту стражника.

— Я к дьяку Лаврентию, — бросил он, сунув тому под нос документ. Стражник только кивнул.

Ратмир дошёл до знакомой двери, у которой стоял другой стражник, и сказал ему доложить о своём приходе.

— Проходи, — распахнул тот дверь, выходя через несколько минут из комнаты дьяка Лаврентия. Ратмир шагнул вперёд.

Дьяк сидел на лавке за столом с гусиным пером в руке и настороженно глянул на входящего:

— Ты с добрыми вестями али как?

— Певчий Никитка признался, что это он и его приятели убили тех трёх послушниц.

— Что — прямо вот так и признался?! Без всяких пыток и уговоров? — недоверчиво посмотрел на него дьяк Лаврентий. — А за что убили-то, сказал?

— Сказал, что в них вселился нечистый, и поэтому их нужно было убить. При нашем

разговоре были отец Павел и матушка Евникия.

— Молодец! Хвалю! — неожиданно рассмеялся дьяк Лаврентий. — Вот ни разу я в тебе, Ратмир, не ошибся, когда поставил сыск проводить. Порадовал. А что там с сестрой Агафьей?

— Там придётся ещё покопать, — вздохнул Ратмир.

— Вот и иди, дорогой, копай. Видишь, как у тебя всё ладно получается, не зря мне тебя нахваливали. Ох, не зря, — и он сделал правой рукой уже знакомый Ратмиру выпроваживающий жест.

Через несколько минут скоморох скакал в сторону леса. Пара всадников проскакали вслед за ним по своим делам в том же направлении, и у излучины реки свернули в другую сторону.

Доехав до знакомого места, скоморох спешил, Местечко это было присмотрено им ещё в прошлом году. Высокий кустарник образовал своего рода тенистый грот, где можно было совершенно спокойно посидеть одному или с кем-то. Сам кустарник находился на возвышенности, с которой открывался прекрасный вид на окрестности. Хорошо были видны на полях выстроившиеся в ряд жнецы, собиравшие чахлые стебли ржи и пшеницы в небольшие снопы. Бегали с палками наперевес пастушки, загоняя на вновь зазеленевшие после дождей пастбища домашний скот. Бродили по берегу обмелевшей реки маленькие мальчишки и девчонки и вылавливали корзинками подросших мальков. То тут, то там виднелись мужики, ставившие силки на зайцев и ловившие на продажу певчих птиц...

Ратмир прошёл к пожелтевшему тенистому кустарнику, кинул на землю потёртый коврик и поставил рядом корзинку с едой. В ожидании встречи с Антонио он обошёл местечко по кругу, внимательно оглядев всё по сторонам. Затем опустился на коврик и лёг на спину, подложив руки под голову. На губах его заиграла улыбка: «Ангел мой, Олюшка! Как же я уже соскучился по тебе, ягодка моя...» — Ратмир прикрыл глаза и предался сладостным мечтаниям...

— ...просто подходи и забирай всё, что плохо лежит! — неожиданно в его сознание ворвался знакомый голос, говоривший на итальянском языке, и он ощутил чувствительный тычок в ногу. — Что с тобой, брат?

Ратмир открыл глаза и махом сел. Перед ним стоял смеющийся Антонио в плаще с капюшоном на голове.

— Я тебе уже кричать собрался. Потому как ты на все мои приветствия и призывы никак не реагировал. Ты перегрелся на солнце и получил солнечный удар? Где твоя хваленая осторожность?

Антонио прошёл вглубь кустарника и, присев на коврик, потянулся к корзинке со снедью: — Ну, что у нас тут на этот раз? Ого, неплохо-неплохо. Давай, брат, по-быстрому рассказывай, из-за чего так неожиданно вызвал меня сегодня. А то у меня там важная встреча с английским послом Дженкинсом через два часа. Мы же, если мне не изменяет память, должны были с тобой встретиться здесь только спустя три дня. Если по Либерии что-то, то у меня всё идёт по плану. Подкоп начали рыть и прорыли уже довольно прилично...

— Нет, я по другой причине, — несколько смутился Ратмир, доставая из корзинки два деревянных кубка и глиняный кувшин с квасом. С усилием вынув деревянную пробку из кувшина, скоморох аккуратно налил тёмный напиток в кубки и с чуть заискивающей улыбкой посмотрел на своего собеседника: — Я ведь всегда мог тебе доверять, Антонио...

Антонио, подносивший к губам кубок с пенистым квасом, замер и изумлённо посмотрел на Ратмира:

— Та-ак... уже интересно. Слушаю тебя внимательно, брат. И да — разумеется, ты мне всегда можешь доверять.

— Очень нужно помочь одному человеку, — Ратмир собрался с духом и добавил: — Молодой девушке.

— Помочь в чём? — вкрадчиво спросил Антонио. — Понятно, что ты не стал бы обращаться ко мне из-за какой-нибудь ерунды.

— Её насильно хотят выдать замуж.

— И?

— Что — «и»? — с лёгким раздражением переспросил Ратмир. — Я же говорю, что её насильно хотят выдать замуж.

— Я хочу понять — причём здесь ты? Её же не за тебя собираются насильно выдать замуж? Или я чего-то не знаю? — в таком же тоне ответил Антонио, не спуская пытливого взгляда с собеседника.

— Ей всего шестнадцать лет!

— Ей шестнадцать лет, её насильно хотят выдать замуж и..? — невозмутимо произнёс Антонио, вновь поднося кубок с квасом к губам.

— Да что ты заладил своё: «и да и»?! — Ратмир вскочил на ноги. — Разве уже недостаточно сказанного?!

— Ого, — изумлённо поднял брови опять замерший с кубком в руках Антонио. — Таким я тебя видел...э-э-э... лет этак семнадцать назад. Ты можешь толком сказать, что тебе нужно от меня? Потому как в наше время в шестнадцать лет выходят замуж большинство девиц. Насильно или добровольно — без разницы. Только неудачницы выходят позже или не выходят совсем. Почему ты хочешь помочь именно этой девице? Кто она?

— Почему тебе недостаточно моего слова?.. Ты же сказал, что я могу доверять тебе.

— Конечно, можешь. Но только не нужно делать из меня идиота, брат. Ты требуешь от меня доверия, а сам при этом ничего не хочешь говорить о человеке, которому я почему-то должен помочь. И ещё непонятно в чём... — нахмурился Антонио, провожая цепким взглядом двух крестьян, проходивших поодаль с силками в руках.

— Ты прав, брат. Хорошо, слушай, — вздохнул Ратмир. — Девушка, за которую я прошу, очень дорога мне.

— Вот с этого и начинал бы, — понимающе кивнул Антонио. — А то наводишь тень на плетень, как здесь говорят. Слушаю тебя дальше.

— Она очень напоминает мне одну известную нам девочку, с которой мы учились в колледиуме.

— Виолу?.. Понятно, — покачал головой Антонио. — Шестнадцать лет... Не надумал ли ты сам жениться на ней?

— Один раз я сделал ошибку и упустил своё счастье, — глухо проговорил Ратмир, поднося кубок с квасом к губам. Он сделал большой глоток: — Я не хочу ошибиться вновь. Пресвятая Дева Мария даёт мне второй шанс, и я должен им воспользоваться.

— Сколько времени вы уже знакомы?

— Три дня.

— С-сколько?! — чуть не поперхнулся квасом Антонио.

— Да, всего три дня. Но мне кажется, что я знаю её целую вечность, — Ратмир поднял

на Антонио взволнованный взгляд: — Она такая... такая.... Это моя судьба, Антонио, и ради неё я готов на всё.

— Вот так новости! Да уж, многообещающе, — более чем заинтересовано отозвался тот. — И чем же я должен ей помочь?

— Нужно сделать документы и немедленно переправить её в Италию. Я подъеду туда через пару месяцев и смогу быть рядом с ней, — уверенно заявил Ратмир.

— А девушка уже дала согласие на побег из родительского дома? Ты ведь именно это предлагаешь ей? — уточнил Антонио. — Она-то готова на всё ради тебя?

Ратмир нахмурился и, прищурив глаза, посмотрел на Антонио: — Думаю, что она согласится.

— М-м-м... даже и не знаю, что тебе сказать, Ратмир, — почесал свой подбородок указательным пальцем Антонио и внезапно оживился: — Давай сделаем так: ты с ней вначале обо всём договорись, убедись, что она, действительно, готова ехать за тобой хоть на край света. А потом мы с тобой ещё раз встретимся и решим, что можно сделать. Сам понимаешь, я тоже не могу просто так рисковать своим местом, если вдруг случится какой-нибудь политический скандал из-за побега этой девицы.

— Она — не девица. Она — ангел во плоти...

— Я понял, — кивнул Антонио. — Очень хочется взглянуть на этого ангела, который смог зажечь пожар любви в твоём таком неприступном сердце. Познакомь меня с ней, но не сразу. Покажи как-нибудь так, со стороны.

— Обязательно покажу, — кивнул Ратмир и вдруг счастливо улыбнулся: — Она — как ребёнок. Юная, чистая, ничем не испорченная. Красива как принцесса из баллады. Я рядом с ней чувствую себя мальчишкой, самым счастливым мальчишкой на свете. Мне хочется подхватить её на руки, утащить куда-нибудь в замок и наслаждаться в одиночку таким сокровищем...

— Ясно, — улыбнулся в ответ Антонио. — И ты хочешь увезти её в Италию?

— Только туда. Там мой дом и могила моей матери. Я познакомлю её с Учителем, и мы будем счастливы до конца своих дней.

— Прекрасные, прекрасные мечты! Молись Пресвятой Деве Марии, чтобы они сбылись. Да-а, брат, поразил ты меня своей новостью, можно сказать, в самой сердце. Не возражаешь, если я поделюсь ею с нашей Агнешкой?

— Ты же всё равно не удержишься, расскажешь, — улыбнулся Ратмир.

— Спасибо за разрешение, — улыбнулся в свою очередь Антонио. — И мне уже пора, брат. Английские послы весьма щепетильны в вопросах времени.

Через несколько минут он ускакал в сторону Москвы на своём породистом скакуне. Ратмир посидел ещё немного на коврике, но, глянув на садившееся за горизонт солнце, стал собираться, и через короткое время направился в сторону подворья боярыни Кольчуговой.

Глава 7

Уже начало смеркаться, когда Ратмир въехал на лошади на знакомое ему подворье. Жизнь текла здесь своим чередом. Ратмир кинул взгляд на повозку Мирославы и словно вспомнил о чём-то. Он слегка нахмурился и не торопясь спешил с лошади.

— Всё нормально, барин? — неожиданно спросил помощник конюха Фёдор, забирая у него из рук поводья.

— Ты о чём? — недоумённо посмотрел на него Ратмир.

— Там боярыня весь день слезами умывается, — тихо ответил Фёдор, поглаживая лошадь по мускулистой шее. — Как соседка ейная Наталья Кирилловна шагнула за порог, так боярыня и начала плакать.

— Вот как. Спасибо, что предупредил — терпеть не могу женские плачи, — вздохнул Ратмир и нехотя стал подниматься по деревянным ступенькам. Фёдор проводил его долгим взглядом.

— А, Ратмирушка! Ты, верно, голоден. Сейчас прикажу девчонке стол накрыть в трапезной, — засуетилась Мирослава при его появлении в опочивальне. Ратмир заметил, что она торопливо промокнула покрасневшие глаза краем цветного, бархатного платка, завязанного под затылком, и быстро выскользнула за дверь.

Скоморох как-то странно поморщился и, заложив руки за спину, подошёл к окну и о чём-то призадумался.

— Всё, Ратмирушка, ужин на столе. Пойдём, милый, — стараясь улыбаться, весело проговорила Мирослава, забежав обратно в опочивальню.

«Плохая из тебя притворщица, Мирослава», — подумал Ратмир, глядя на её припухшие от слёз глаза, а вслух спросил: — Ты опять сегодня куда-то ездила? Я смотрю — повозка вся в дорожной пыли.

— Да вновь пришлось к тому же душеприказчику Григорию Степановичу заехать, что-то он там, в бумагах вновь попутал, — не глядя на Ратмира, хлопотала над подносами с едой Мирослава.

— И всё, больше нигде не была? — искоса следя за ней, как-бы, между прочим, поинтересовался скоморох.

— А где же мне ещё было быть, милый? — чуть дрогнувшим голосом ответила женщина. — Ах, нет, была. К свояченице Домне Васильевне заезжала — за рецептом пирога с черёмухой. Превкуснейший такой пирог — пальчики оближешь! Вот Пелагеюшка завтра испечёт, и тебе очень понравится.

Ратмир вздохнул, сел за стол напротив Мирославы. Он, молча, следил за тем, как неестественно-суетливо она переставляла тарелки с одного места на другое, и продолжал о чём-то размышлять.

— Я тоже хотела тебя спросить, Ратмирушка, — заискивающим голосом начала женщина, крутя в руках серебряную ложку.

— Спрашивай, Мирослава.

— Там к соседке нашей — Михайловой Анне Дмитриевне, говорят, внучка с внуком приехали погостить. Внучку, вроде, Ольгой зовут и годков ей шестнадцать... — Мирослава подняла глаза на сидевшего напротив неё Ратмира. Он, опустив глаза, продолжал, молча, есть, подтирая краюхой каравая вкусный соус от жареного мяса.

Мирослава растерялась и, покраснев как рак, неожиданно выпалила: — Говорят, что тебя видели с ней на нашем озере.

— Это правда, — как-то странно посмотрел на неё Ратмир. — Она была там с братом, и он тонул. Я вытащил его из озера, спас ему жизнь. Теперь они тоже иногда приходят на это озеро. И очень благодарны мне за спасение её братца.

— Во-от как, — протянула Мирослава, нутром чуя, что Ратмир чего-то недоговаривает. — Но почему ты мне сразу не рассказал об этом чудесном спасении? Мы

могли бы потом позвать их всех к нам в гости. Или самим можно было сходить — навестить их...

— Не посчитал нужным, — коротко пояснил Ратмир и, устремив на неё пристальный взгляд, добавил: — Ты ведь тоже мне не обо всём рассказываешь, милая.

— Ну, да... — как-то натужно улыбнулась она. — Не всегда получается...

— Вот видишь, — пожал он плечами и, допив медовуху из серебряной чаши, поднялся из-за стола. — Я сегодня пойду спать на сеновал. Не жди меня.

— На сеновал?! — ахнула Мирослава и схватилась обеими руками за щёки. — Что так, Ратмирушка? А можно и мне с тобой? Вместе на звёзды полюбуемся. Вон сегодня ночь какая — луна серпиком.

— Нет, милая. Мне нужно побыть одному и подумать. И вообще... — Ратмир приостановился у самой двери: — Скорее всего, завтра съеду я от тебя, Мирослава. В монастыре такие дела закрутились, что мне там нужнее быть. Похоже, что дело близится к концу...

— Как съедешь? — упавшим голосом спросила сразу побледневшая женщина и без сил опустилась на лавку. — А как же я, Ратмир? Как же я буду без тебя?

Скоморох внимательно посмотрел на неё и негромко ответил:

— Ну, раньше же ты жила как-то без меня...

— Это всё из-за неё! Из-за этой девчонки Ольги!!! — некрасиво, по-бабьи, вдруг скривив рот, запричитала Мирослава. — Я же сразу почувствовала, что с тобой что-то не то вот уже который день. Окстись, Ратмир, ей же всего шестнадцать лет!

Ратмир чуть прищуренными глазами посмотрел на женщину и, молча, шагнул за порог. Мирослава опустила голову на стол и горько зарыдала.

Ратмир дошёл до конюшни и поискал глазами лестницу на сеновал.

— Если ты, барин, ищешь лестницу на чердак, то она вон там, — неожиданно рядом с ним появился помощник конюха Фёдор и указал рукой куда-то в угол постройки.

— Спасибо, — просто ответил скоморох. — Скажи, чтобы меня до обеда никто не беспокоил.

— Хорошо, барин, скажу, — неожиданно улыбнулся Фёдор, провожая взглядом поднимавшегося по лестнице на сеновал скомороха.

Так и вышло. Никто скомороха до обеда не беспокоил. Когда он спустился с сеновала, то сразу почувствовал, что атмосфера вокруг него как-то изменилась. Холопы пробегали мимо с хмурыми лицами, ключница Степанида тут же опустила голову и, сделав вид, что не заметила его, нырнула в погреб. Бабы, набиравшие воду из глубокого колодца, перешёптываясь, без обычных улыбок осуждающе смотрели ему прямо в глаза...

Ратмир вошёл в терем, где его встретила тишина. На столе в трапезной стояли тарелки с едой, накрытые рушниками. Он поднялся в опочивальню за своими вещами. У окна на лавке сидела бледная, заплаканная Мирослава.

— Не сердись на меня, милая, — вздохнул Ратмир. — Я же сразу предупредил тебя, что ничего не стану обещать. И что рано или поздно покину тебя...

— Но так скоро... — прошептала потерянным голосом женщина.

— Ничего не могу поделать, — развёл он руками. — А обманывать тебя не хочу.

— Молодостью и красотой она околдовала тебя...

На это Ратмир ничего не ответил. Он достал из-под лавки котомку и сундучок. Внезапно скоморох заметил свежие царапины на замке:

— Ты хотела открыть мой сундучок?

— Хотела, — просто кивнула она. — Мне очень нужно было узнать — кто ты и чем ты занимаешься...

— Зачем? — поднял брови Ратмир, удивлённый тем, что она не стала отпираться.

— Затем, что мне это очень нужно знать и сейчас тоже.

— Я тебе уже всё сказал в тот раз, — пожал плечами Ратмир и направился с вещами к выходу.

— Тебе грозит смертельная опасность, Ратмир, — вдруг ему в спину громко произнесла Мирослава.

Он остановился, обернулся: — И ты знаешь откуда?

Она отрицательно покачала головой. Ратмир хмыкнул и вновь шагнул в сторону выхода.

— Я буду очень скучать по тебе, Ратмирушка! — внезапно жалобно воскликнула она и торопливо продолжила. — Я буду ждать тебя, сокол мой ясный, всегда буду ждать... А можно мне иногда приходить по утрам на то озерцо? Ты же будешь туда ходить гимнастические упражнения делать? Я только со стороны буду на тебя смотреть и любоваться. Не буду подходить, беспокоить тебя... Можно, Ратмирушка?!

— Как хочешь, — пожал плечами скоморох и шагнул за дверь.

Глава 8

Ратмир приторочил сундучок позади седла. Сделал то же самое с котомкой, и в этот момент послышался приближавшийся топот копыт. Кто-то изо всех сил забарабанил в добротные деревянные ворота и взволновано прокричал знакомым голосом:

— Тут ли живёт Ратмир?! Ему нужно немедля скакать в монастырь. Матушка игуменья его зовёт скорее...

Стражник на воротах торопливо стал отпирать засов. В распахнутые ворота влетел на взмыленном коне стражник монастыря Прохор. Завидев Ратмира, он стал гарцевать вокруг него, размахивая рукой с зажатым в ней кнутом: — Ратмир, поспедай! Никитка удумал руки на себя наложить... Вовремя из петли вынули... Матушка тебя скорее кличет!..

На террасу выскочила Мирослава и взволновано прижала руки к груди.

Ратмир посмотрел на солнце и растерянно покачал головой: — Но я не могу прямо сейчас. Скажи ей, что я обязательно буду, но попозже.

— Как это попозже?! А вдруг он помрёт в одночасье? Зря игуменья торопить не будет. Давай быстрее, поехали, Ратмир! — стал торопить его Прохор.

На лице Ратмира проявилась сильнейшая досада. Он потерянно обвёл вокруг себя взглядом и неожиданно подозвал к себе Фёдора. Отвёл его в сторону и что-то быстро зашептал. Фёдор выслушал скомороха с невозмутимым лицом и кивнул. Тогда Ратмир с видимым облегчением вскочил на лошадь и вместе с Прохором ускакал в сторону монастыря. Мирослава, закусив нижнюю губу до крови, проводила его долгим взглядом. Затем жестом подозвала к себе Фёдора:

— Что тебе сказал Ратмир?

— Сказал, боярыня, что забыл на конюшне свой кафтан и чтобы я его принёс ему на озеро завтра поутру, — глядя прямо в глаза Мирославе, почтительным тоном ответил тот.

— Забыл кафтан? — с подозрением посмотрела на Фёдора боярыня. — И это всё? Ну, ладно. Мне сейчас нужно срочно уехать в Москву. Как только я вернусь, тут же принеси мне

тот кафтан. Я сама его завтра отдам ему.

— Как велишь, боярыня, — поклонился ей помощник конюха, и легкая усмешка скользнула по его губам.

Не прошло и получаса, как Ратмир и Прохор пересекли на лошадях крепкие ворота Девичьего монастыря.

Навстречу к ним уже спешила матушка Евникия:

— Сюда, сюда. Скорее Ратмир! — она подхватила его под локоть и буквально потащила за собой в подклеть своего терема. Здесь у двери стояли двое стражников с грозными лицами и саблями наперевес. Они пропустили игуменью со скоморохом и вновь прикрыли собой дверь в подклеть.

В полумраке небольшого помещения с низким шатровым потолком Ратмир увидел в углу топчан, на котором кто-то лежал на боку, поджав под себя ноги, и тихонько скулил, прячась под грязно-зелёным одеялом. Рядом со скулящим человеком сидела пожилая, крепкая на вид монашка, которая тут же вскочила на ноги при виде входящих игуменьи и скомороха.

— Всё, Дарья, оставь нас пока, да на улице подожди, — махнула ей рукой игуменья и, склонившись над топчаном, легонько прикоснулась к лежавшему под одеялом человеку:

— Никитушка, смотри, кто пришёл?

— Н-не-нет...н-не н-надо....Н-не х-хочу н-никого — в-видеть... — проскулил тот, зарываясь ещё больше в одеяло.

— Подожди, матушка Евникия, — Ратмир чуть отодвинул игуменью в сторону и одним взмахом руки сорвал одеяло с Никитки.

— А-а-а-а! — завизжал тот от страха, завертевшись на топчане как уж на сковородке. Игуменья схватилась за голову, с ужасом наблюдая за происходящим.

Ратмир схватил визжащего певчего за плечи и прижал его к топчану:

— Смотри на меня, Никитка! — негромко произнёс он каким-то особым, глуховатым, умиротворяющим голосом. — Смотри мне в глаза, смотри мне в глаза...Хочешь сайку с изюмом — смотри мне в глаза...

— Х-хочу с-сайку, — продолжая чуть подвизгивать, неожиданно прохрипел разлохмаченный певчий.

— Матушка, принеси Никитке сайку с изюмом или сразу две, — громко обратился скоморох к игуменье, не сводя глаз с распростёртого на топчане молодого мужчины. — А ты, Никитка, прекращай верещать и ответь мне только — в петлю, отчего вдруг полез?

Бледное лицо певчего покрылось испариной и он, кинув по сторонам испуганный взгляд, прошептал: — Так он же велел.

— Кто велел тебе лезть в петлю? — тем же странным успокаивающим голосом спросил скоморох.

— Как — кто? — искренне удивился Никитка и ещё тише шепнул: — Нечистый же и велел... А где саечка, дяденька?

— Где сайка, матушка? Я же просил принести сюда две сайки! — раздражённо посмотрел на стоявшую истуканом игуменью Ратмир

— Ох, а я-то подумала, что ты просто так это сказал, Ратмир. Сейчас, сейчас принесут сайки, — захлопотала игуменья и, выскочив из подклети на мгновение, тут же вернулась и встала у стенки, не сводя глаз с присутствующих. Буквально через пару минут чья-то рука

протянула через дверной проём две душистые, мягкие сайки с изюмом.

— Вот, Ратмир, — протянула игуменья скомороху деревянную плоску с сайками.

Ратмир взял плоску одной рукой, продолжая второй удерживать певчего на топчане, не сводя с него глаз. — Хочу отпустить тебя, Никитка. Будешь тихо сидеть и сайку есть?

— Буду-буду, — закивал певчий. Ратмир отпустил его и помог сесть на топчане. Никитка с детским восторгом посмотрел на протянутую ему плоску с сайками и, взяв одну из них, бережно, подставив снизу широкую ладонь, поднёс ко рту: — Вкусно-то как! Благодарю, матушка, за саечку... — с набитым ртом он благодарно посмотрел на игуменью и добавил: — Совсем такая как я в детстве тут едал...

— Так что именно сказал тебе нечистый? — Ратмир внимательно посмотрел на блаженно улыбающегося певчего.

— Сказал, что грехов на мне уже слишком много. Что я своих батюшку и матушку чуть не убил. И что пора мне в чистилище, если я хочу потом в рай попасть, — вдруг грустным голосом ответил тот и жалобно посмотрел на Ратмира: — Только мне так не хотелось в петлю-то лезть. А он всё уговаривал, мол, лезь да лезь в петлю. Иначе, мол, совсем мне худо будет. Даже верёвочку вон под дверь подсунул...

— Верёвочку под дверь... — почему-то не сильно удивился Ратмир и оглянулся на игуменью: — И где та верёвочка?

— Вот она, Ратмир, — игуменья протянула ему длинную конопляную верёвку. — Специально у него отобрала, чтобы потом ещё чего не учудил.

Ратмир осмотрел верёвку, свернул её в клубок и сунул себе за пазуху.

— А скажи мне, Никитка, голос у нечистого какой был?

— Как — какой? Обыкновенный, как у всех нечистых... Мерзкий такой, как из-под земли... — жуя и просыпая на свою всклокоченную чёрную бороду хлебные крошки, проговорил певчий.

— А не похож он был на голос кого-нибудь из твоих знакомых?

— Нет, — уверенно ответил певчий, отправляя в рот последний кусочек сайки.

— Так я и думал, — кивнул Ратмир и вновь посмотрел на игуменью: — Мне срочно нужно ехать по другому делу, матушка. Ненадолго. Так что береги сейчас Никитку пуще всего. Держи здесь, при себе, и охранникам скажи, чтобы никого кроме тебя и меня к нему не допускали.

— Даже митрополита или дьяка Лаврентия, если они вдруг захотят с ним переговорить?

— Я же сказал — никого! — вскочил на ноги Ратмир и направился к выходу. — Постараюсь к вечеру быть. И пусть приготовят мне моё жилище. Теперь здесь буду и днеть и ночевать.

Игуменья кинула на него быстрый взгляд и кивнула: — Всё будет готово, Ратмир, к твоему приезду. А вещи свои можешь пока здесь у меня оставить.

— Так и сделаю, матушка. У тебя надёжнее, — согласился Ратмир.

Глава 9

Никогда ещё в жизни норовистая татарская лошадь Ратмира так не удивлялась как в этот раз. Она и так старалась изо всех сил скакать быстрее по желтеющей равнине Девичьего поля. Но хозяин впервые с такой силой подстёгивал её кнутом, что от боли она была вынуждена нестись во весь опор, закусив удила.

Доскакав, наконец, до знакомого озера, Ратмир окинул взглядом окрестности и с облегчением увидел сидящую под кустом Ольгу и стоящего рядом с ней Фёдора.

— Слава Пресвятой Деве Марии, дождалась, — прошептал он, спешившись с лошади и быстрым шагом, ещё чуть прихрамывая, направился к ним. Он увидел, как смущённо опустила глаза девушка и, что-то весело сказав ей напоследок, поспешил ему навстречу Фёдор.

— Благодарю тебя, Фёдор, за помощь, — улыбнувшись, кивнул ему Ратмир и протянул горсть серебряных монет.

— Ох, барин, щедро ты платишь за мою услугу! — радостно воскликнул тот и быстро спрятал деньги за кушак. Потом хитро посмотрел на девушку и подмигнул Ратмиру: — Хороша барышня! Понимаю тебя, барин. Уехать хотела вначале, только я уговорил тебя дожждаться. Всё истории смешные пришлось выдумывать да рассказывать, чтобы совсем не заскучала.

— Всё, Фёдор, иди, а то тебя на подворье хватятся, — поторопил его Ратмир, не сводя глаз с хрупкой Ольги, так изящно сидевшей на соломенной подстилке.

— Предупредить только хотел, что боярыня Мирослава завтра с утра сюда тебе твой кафтан собирается принести...

— Какой кафтан? — непонимающе посмотрел на него скоморох.

— Какой-нибудь, — пожал плечами Фёдор. — Пришлось соврать ей, что ты просил меня кафтан принести, что ты сегодня утром якобы на сеновале забыл. Она же меня спросила — о чём ты, барин, со мной разговаривал.

— Понял, — кивнул Ратмир и, недолго думая, снял с себя кафтан и отошёл с ним за куст. Достав из кармана кафтана белую тряпицу, выложил на неё все свои вещи, находившиеся в карманах и обшлагах рукавов кафтана. Крепко завязав узелок, положил его под куст и подошёл к помощнику конюха:

— Держи и сложи его аккуратно. Отдашь боярыне, раз уж ей так захотелось принести его завтра сюда самой.

— Всё сделаю как надо, — улыбнулся помощник конюха Фёдор. От его внимания не ускользнуло недовольство, промелькнувшее на лице скомороха при упоминании имени боярыни Мирославы...

— Ой, Ратмир, ну что так долго? — неожиданно раздался капризно-нежный голос Ольги.

— Да-да, Олюшка, уже иду! — оживился Ратмир и подтолкнул Фёдора за плечо: — Иди уже...

— Понял, барин, ухожу-ухожу, — понимающе подмигнул тот, но, кинув взгляд на лошадь, охнул: — Ох, барин! А что же ты свою лошадь-то так загнал?! Давай я её быстренько обихожу, да пойду потом...

Ратмир посмотрел на животное и понял, что Фёдор был прав — лошадь выглядела неважно. Он вздохнул и покачал головой: — Хорошо, делай, что нужно. Только побыстрее, — и направился к девушке.

Та сидела, словно живая фарфоровая кукла. Она выжидательно смотрела на него своими восхитительными фиалковыми глазами. Потом вздохнула и вновь чуть капризным тоном произнесла: — Ты так долго сегодня, Ратмир. Мне уже пора возвращаться, иначе бабушка хватится и не разрешит мне больше выезжать одной из подворья. Зачем назначал такое

время, если сам не мог?

— Прости, солнце моё. Так срочно вызвали меня по делам в монастырь, что пришлось Фёдора просить, чтобы он тебя предупредил, что я не смогу придти в условленное время, — Ратмир присел рядом с ней и вновь почувствовал неповторимый аромат её волос. — У меня к тебе, Олюшка, серьёзный разговор.

— Ох, страсть как я не люблю серьёзных разговоров, — покачала она головой. — Ну, хорошо, я слушаю тебя.

— Помнишь, ты мне говорила, что не хочешь замуж за астраханского купца?

— Говорила, — девушка прикусила нижнюю губу. — Только против батюшки я и слова не могу сказать. Ночами не сплю после того, как узнала эту весть.

Ратмир посмотрел на нежный овал её девичьего лица, тоненькую синенькую жилку, пульсировавшую вдоль длинной, почти прозрачной шейки, и непривычное для него чувство восхищения и желание всецело обладать этой красотой и невинностью стало нарастать в нём с непреодолимой силой. Он с трудом сглотнул и, нежно коснувшись кончиками пальцев её руки, проникновенно посмотрел в глаза Ольги: — Я хочу и могу помочь тебе избежать этого супружества...

— Но как?! — воскликнула она и, развернувшись к нему всем телом, положила свою узкую ладонь ему на плечо: — Как такое возможно, Ратмир?

Ратмир склонил голову к этому плечу и щекой почувствовал теплоту и мягкость её пальцев. Он нежно потёрся щекой об её руку и негромко ответил:

— Я могу увезти тебя отсюда.

— Ты?! Куда? — глаза её широко распахнулись, и она в волнении облизнула розовым язычком свои сочные, чётко вырезанные губы.

— Эй, барин, я всё сделал, — неожиданно они услышали голос помощника конюха Фёдора и одновременно повернули головы в его сторону.

— Спасибо, дружище! Езжай скорее на подворье, — махнул ему рукой Ратмир. Тот кивнул и бодро зашагал прочь от озера.

— Так куда ты меня можешь отвезти? — нетерпеливо спросила Ольга и рукой поправила распущенные по плечам золотистые пряди густых волос, прихваченные атласной лентой.

Ратмир задумчиво посмотрел на неё и, потянувшись рукой, коснулся одной пряди: — Какие у тебя красивые волосы, Олюшка...

Девушка слегка смутилась, хотела было отстраниться, но вдруг в свою очередь протянула руку к его голове и, потрогав тоненькими пальчиками чёрную прядь скомороха, тихо произнесла: — И у тебя, Ратмир, тоже красивые волосы. И ты сам такой красивый и обходительный. Ты совсем не похож на наших юнцов...

Ратмир посмотрел в её бездонные глаза долгим взглядом и большим пальцем правой руки провёл по очертаниям её губ. Неожиданно для него девушка сделал то же самое, и сердце его бешено заколотилось...

— Я увезу тебя, куда захочешь, — вдруг охрипшим голосом произнёс он, с ужасом осознавая, что теряет над собой контроль.

— Я...я...согласна с тобой хоть куда... — зачаровано глядя ему в глаза, прошептала она и неожиданно провела рукой по его напрягшейся, мускулистой шее: — Какая у тебя крепкая шея...почему я раньше этого не замечала?...М-можно я тебя поцелую? Я ещё н-никогда не целовала мужчину...Т-ты ведь никому не с-скажешь, — волнуясь, стала заикаться Ольга.

В ответ на это Ратмир крепко схватил её за плечи и, притянув к себе, приник долгим, страстным поцелуем к её полураскрытым губам. Девушка неумело попыталась ответить на этот поцелуй, и в этот момент Ратмира словно окатило ушатом ледяной воды. Он отпрянул от Ольги и, застонав, схватился за голову: — Что я делаю?! О, Мадонна! Я чуть не воспользовался твоим доверием и беспомощностью! Ты же ещё совсем ребёнок! Какой же я осёл! — он вскочил на ноги и, тяжело дыша, добавил вдруг охрипшим голосом: — Прости меня, мой ангел. Больше такого не повторится. Я обещаю тебе... Я опять повёл себя как последняя скотина!..

Она быстро опустила голову. Грудь её взволнованно вздымалась. Через несколько секунд она опять подняла голову: — Я. я не поняла, ч-что это было... — она растерянно посмотрела на него. — Это плохо?

— Да нет, Олюшка моя. Это всё хорошо, очень хорошо. Это главное, что может быть между мужчиной и женщиной. Но ты....

— Что я, Ратмир? — выжидательно посмотрела она на него наивным взглядом своих прекрасных глаз.

— Ты слишком невинна и чиста, чтобы я или кто другой мог просто вот так воспользоваться твоим неведением, — окончательно приходя в себя, пояснил ей Ратмир и решительно заявил: — Скоро мы с тобой окажемся в Италии и там обвенчаемся.

— В Италии? — удивилась она и радостно захлопала в ладоши: — Ой, как славно! А я ведь никогда не была в других государствах. А там хорошо?

— Там очень хорошо, милая моя, — Ратмир опять опустился рядом с ней, но уже полностью контролируя себя.

— А где мы там будем жить? — радостно сверкая глазами, спросила она, схватив его за руку.

— У меня есть свой дом. Он большой и красивый. И вокруг него всегда цветут розы.

— А кто ещё там живёт?

— Никого, только мои помощники.

— У тебя есть помощники? — удивилась она.

— Всего несколько человек, — усмехнулся Ратмир. На душе у него было легко и радостно, потому что сейчас рядом с ним сидело самое трогательное и беззащитное существо на свете, ради которого он был готов на всё. И это прекрасное небесное создание было готово уехать с ним хоть на край света. Он вспомнил слова Антонио и, счастливо улыбнувшись, по-отечески нежно приобнял девушку за плечи и стал дальше рассказывать ей про Италию.

Глава 10

— И что?! Тебе же ясно было сказано — загнать этого дурачка Никитку в петлю! Почему он до сих пор не висит? — низкий, мужской голос прозвучал более чем недовольно.

В небольшой, тёмной комнате, склонившись над массивным, деревянным столом, чернели две тяжёлые мужские фигуры и тихо переговаривались между собой. Изредка они прерывали свой разговор, громко прихлёбывая из медных ковшей крепкую медовуху.

— Видит Бог, я сделал всё! — оправдываясь, растерянно ответил другой, более мягкий мужской голос. — Он уже и висел в петле, да только принесла нелёгкая охранника. Решил ему именно в этот момент притащить еды на ужин. Говорят, что услышал хрипы и поспешил

открыть дверь, да и обрезаю верёвку, на которой Никитка уже болтался.

— А ты-то куда смотрел, старый хрыч?

— Побойся Бога, Васенька! Я же не могу находиться там всё время. И так этот поганец Ратмир суёт свой нос во все дела. Вот и сегодня вечером он окончательно перебрался жить в монастырь и забрал к себе в комнаты Никитку с двумя стражниками. Охраняет его ровно Цербер.

— Скверно. Весьма скверно! — раздражённо отозвался первый, более молодой мужской голос. — Надо быстрее придумать, как завтра избавиться и от него, и от Никитки. Если дознаются до правды, то тогда все в острог пойдём или самих на кол посадят.

— Да не пугай так, Васенька! У меня и самого страх как поджилки начинают трястись, когда этот Ратмирка с вопросами подходит, — с жалобной интонацией в голосе произнёс второй. — А Никитка? Он же почти ни о чём не знает. Его дело было посадить этих девок на кол во имя борьбы с нечистым, что он и сделал мастерски....

— Чёртовы девки! Правды захотелось дурам! Ну и где они теперь?! Ни правды, ни жизни... Ни себе, ни нам... — вздохнул первый голос.

— Что делать-то будем, Васенька?

— Что-что? Первым делом завтра надо придумать, как этого Ратмирку пришибить насмерть. Главная опасность для нас — это он... Вот если бы в тот раз на поле Никитка с нашими ребятами добила бы его, то сейчас мы с тобой уже себе новые терема бы строили, да лошадей породистых табун пригнали бы с Арабии, как давеча надумали. А теперь хорониться приходится, как мышам в норках, пока сыск этот не закончится, — сильная досада прозвучала в голосе первого мужчины.

— Так кто же знал, что защитник у него какой-то объявится да с кнутом на всех набросится словно коршун какой-то! Так и не поняли наши — кто он таков. Был — и сгинул сразу. Пришлый какой-то. Я поспрашивал у знающих людей. В местных ватагах такого никто не знает, — торопливо пояснил второй, пододвигая к себе поближе медный ковш с медовухой.

— Узнавай дальше. Надо его выловить и проучить как следует...

— Слушай, Васенька! Я придумал, как с этим Ратмиркой разделаться! — радостно воскликнул второй голос.

— Да тише ты, дурень! Что орёшь как оглашенный! Моих сейчас всех перебудишь, — придушенно рявкнул на него первый мужской голос. — Выкладывай тихонько, чего надумал...

— Да-да, постараюсь потише, — понизив голос, согласился первый. — Короче, этот недоносок Ратмирка каждое утро ходит на наше озерцо гимнастическими упражнениями заниматься...

— Прямо каждое?

— Как по заказу, — уверенно произнёс второй.

— Откуда знаешь? Сам же сказал, что он вот только переехал в монастырь на проживание, — недоверчиво прервал его первый голос.

— Баба, у которой он до этого жил — боярыня Кольчугова — сама рассказывала. Да и мой человек сейчас у неё на подворье крутится, — опять торопливо стал пояснять второй. — Так по утрам на озере никого и не бывает. Вот и пошлём туда спозоранку Демидку с Фролкой. Они у нас не только мужиков, но и медведей заламывали... Там они его дождутся и на раз под орех разделают.

— Да уж, заламывали... — саркастически отозвался первый голос. — Да только что-то в прошлый раз от кнута побежали как оглашенные... А-а, что теперь вспоминать... Так-то неплохая задумка... Завтра же утром и покончим с ним. И с Никиткой, давай, тоже не тяни. Что он там любит пожрать-то?

— Да я видел, как он от саек с изюмом аж слюной весь исходит.

— На-ка вот тебе вот эту коробчонку. На поварне когда будешь, возьми ему две сайки и аккуратненько так сбоку надломи и сыпани туда чуток этого порошочка. Вкуса он не почувствует, а вот Богу душу к вечеру отдаст. Помучается, правда, немножко. Но это перед попаданием в райские кущи как раз и зачтётся.

— Бога ты не боишься, Васенька, — засомневался второй голос.

— Боюсь. Но охота пуще неволи. Как вспомню, что меня в Арабии табун таких скакунов дожидается, так всё остальное пустяком кажется.

— Так сам бы всё это и делал. А то меня одного на такие страшные дела подбиваешь, — с какой-то обидой произнёс второй голос.

— Ты же там свой человек. Вот на тебя никто и не подумает. Так что давай, братец, бери вот этот кулёчек и иди. По дороге не забудь к Демидке с Фролом заглянуть. Скажи им, чтобы утром на озере, когда Ратмирку этого пришибут, то пусть не забудут ему камень на шею привязать да в озеро кинуть. Пусть все думают, что сгинул он незнамо куда...

Спустя короткое время одна из мужских фигур поднялась из-за стола и, освещая себе дорогу сальной свечкой, направилась к выходу.

— Чего тебе не спится, Никитка? — негромко спросил Ратмир, услышав в очередной раз, как ворочается на соседней лавке певчий.

— Да всё жду, барин, когда со мной опять нечистый заговорит. Сам не хочу его слушать, а сам жду, — расстроено пояснил тот, подсознательно прислушиваясь к ночной тишине да пению сверчков. Последние старались изо всех сил, наполняя таинственную ночную тишину умиротворяющими звуками своих бесхитростных трелей. И только где-то вдалеке подлаивали беспокойные собаки, охраняя хозяйские подворья.

— Не бойся, Никитка. Здесь он с тобой точно не заговорит, — усмехнулся Ратмир.

— Откуда знаешь? — недоверчиво спросил тот.

— Догадываюсь. Вот вспомни и ответь мне, Никитка. Нечистый с тобой везде разговаривал или только в каких-то одних местах.

— Ну-у... он обычно говорил со мной в моей опочивальне...и вчера вот вечером заговорил в подвале у матушки Евникии...

— А в подвале у матушки Евникии ты его голос в каком месте слышал?

— Как — в каком?

— Ну, из угла он доносился, а может — с потолка?

— Не-а...от двери...от самого низа...

— Так я и думал, — задумчиво произнёс скоморох и добавил: — Спи, Никитка, не бойся. Не будет сегодня нечистый с тобой разговаривать. А если вдруг всё-таки заговорит, то я сам ему отвечу.

— Ты ответишь?! И не побоишься? — возбуждённо спросил певчий, приподнявшись на лавке и всматриваясь в смутные очертания Ратмира, лежавшего на соседней лавке.

— Нет, не побоюсь. Да и не забывай, что там, в соседней комнате ещё два стражника сидят — нас охраняют.

— Хорошо, Ратмир, я тебе верю. Посплю, пожалуй, а то что-то в голове совсем смутно становится.

— Поспи, Никитка, поспи. А завтра к тебе домой ходим. Хочу на твою опочивальню посмотреть, — задумчиво произнёс Ратмир, глядя перед собой в темноту. Оттуда ему застенчиво улыбалась восхитительная в своей робости и невинности Олюшка. Ратмир с трудом сдержал стон — его губы ещё помнили вкус и прикосновение её девичьих уст.

Ратмир проснулся под утро от того, что услышал, как во входную дверь их терема кто-то сильно забарабанил. Прикорнувшие, было стражники, тут же встрепенулись и, подскочив к двери, в оба горла гаркнули: — Кто там?! Чё надо?

Ратмир приподнялся на локте и прислушался.

— Матушка игуменья захворала, нужно Ратмиру быстрее к ней придти, — прозвучал встревоженный женский голос.

Ратмир вскочил с лавки и, подойдя к Никитке, разбудил его:

— Вставай, пойдёшь со мной.

— А-а?.. Что? Куда идти? — невпопад проговорил заспанный певчий.

Они вышли из терема и под охраной стражников направились вместе с монахиней в терем игуменьи.

Войдя в опочивальню, Ратмир увидел метавшуюся в беспамятстве на постели игуменью. Он склонился над ней, подержал за запястье, подняв веки, посмотрел зрачки и махнул рукой монахине: — Сходи в мой терем и принеси оттуда сундучок. Стоит под лавкой, белого дерева. Поторопись...

Та стремглав кинулась вниз по ступенькам.

— Что тут, Ратмир? — на пороге комнаты возник запыхавшийся схимонах Павел.

— Матушка Евникия приболела, — озабоченно посмотрел на него скоморох.

— Никак отравили?! — ужаснулся тот.

— Не похоже, — покачал головой Ратмир.

— Слава Богу! — торопливо закрестился схимонах Павел. — А что тогда с матушкой? Можно ли ей помочь? Или скорее за лекарем послать?

— Хорошая мысль, — согласился скоморох. — И вправду, отче, пошли за лекарем.

— Сейчас, сейчас, сын мой. А то ведь у тебя и своих дел полно, — согласился схимонах Павел и исчез за дверью.

Вскоре появилась, тяжело дыша, монашка с сундучком светлого цвета.

Ратмир забрал его у неё и, поставив на стол, открыл. Достал оттуда замотанный в тряпицу свёрток и, развернув, поставил на стол на попа старинную книгу, оказавшуюся искусно сделанным шкафчиком с маленькими ящичками. На каждом из них белела надпись на латинском языке. Ратмир открыл нужных ящичек и достав оттуда маленький флакончик со светло-коричневой жидкостью. Отлил немного снадобья в кружку и добавив туда воды, поднёс кружку к сухим, воспалённым губам игуменьи:

— Матушка Евникия, попей понемножку. Полегчает, обещаю, — произнёс он и, подложив ладонь под взмокший затылок игуменьи, коснулся краем чашки её губ. Она, видимо, расслышала его слова и сделала несколько глотков.

— Так что с ней всё-таки, Ратмир? — неожиданно Ратмир услышал за спиной шёпот схимонаха Павла.

Он резко обернулся, но увидев схимонаха и стоящую за его спиной монашку Марфу,

успокоился и вновь повернулся к игуменье:

— Похоже на нервную горячку.

— Я уже послал за лекарем, Ратмир. И, если тебе куда-то нужно, то я могу сам за ней присмотреть, пока лекарь не придет, — озабоченно произнёс отец Павел.

— Сам здесь побуду, присмотрю, — покачал головой скоморох. — И с лекарем мне нужно переговорить. А ты, Марфа, иди вниз и скажи стражникам вместе с певчим, чтобы все сюда поднялись. И пусть принесут нам всем еды и квасу. И медвежьих полостей — на пол кинуть.

— Так здесь вам всем тесно будет, — недоумённо посмотрел на него схимонах Павел. — Пусть они внизу побудут. Я сам могу с ними посидеть, если ты так за них беспокоишься.

— Нет, — упрямо махнул головой Ратмир. — В тесноте, да не в обиде. И мне так спокойней.

— А лекарь только часа через два будет.

— Ничего, я дождусь. Иди уже, отче, — недовольно глянул на схимонаха Павла Ратмир.

— Да-да, сын мой. Пожалуй, пойду. Не буду тут мешаться, — засуетился тот и поспешил к выходу.

— Давай, матушка Евникия, ещё несколько глоточков сделай, — склонился опять над игуменьей Ратмир с чашей в руках.

Глава 11

В Александровой слободе только что закончилась литургия. Светало, шёл шестой час утра. Царь Иоанн Четвёртый с сыновьями в окружении опричников направился в трапезную. Шли они строем. При входе — первый поклон иконе, второй — братии, что справа. Третий — братии, что слева. Все протяжно пели молитву.

— Давай, Тимошка, тебя сегодня чтецом назначаю, — кивнул государь одному из опричников, усаживаясь на лавку во главе большого стола. По обе стороны от царя сели его сыновья. Великий государь подал сигнал рукой и тогда сели все остальные.

— Благослови, честной отче, прочитать житие святого Георгия Победоносца, — с поясным поклоном обратился к нему назначенный чтец.

— Молитвами святого Георгия Победоносца, господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас, — отозвался тот.

Чтец принялся читать о житие святого Георгия Победоносца. В трапезной стояла звенящая тишина, и только глуховатый голос Тимошки нарушал её.

Спустя некоторое время, услышав заключительное: «Аминь», все, сидевшие за столом, глубоко вдохнули и вновь затянули молитву.

— Братья мои, прошу вашего благословения на пищу, — обратился царь к своим сотрапезникам.

— Бог благословит! — дружно хором ответили те. И государь кивнул:

— Принимайтесь!

И тут же в проёме входных дверей появились тёмные фигуры послушников, заносивших и расставлявших по столам тарелки с едой и глиняные кувшины с квасом. Стольничий Василий Хомутов едва заметными движениями рук и мимикой лица командовал ими, внимательно приглядывая за тарелками и тяжёлой золотой чашей своего государя. Здесь же

за столом неторопливо трапезничали Фёдор Басманный и Малюта Скуратов.

— Кто там у меня сидит в сенях? — привычно осведомился Великий государь, не поднимая головы.

— Митрополит Филипп, — буднично отозвался Фёдор Басманный.

— Чего это его нелёгкая опять принесла? — недовольно нахмурился Великий государь.

— Сказал, что только тебе довериться может, — усмехнулся Басманный.

— Вот как! Так приведите его сюда. У меня от моих людей секретов нет! — с вызовом произнёс Великий государь.

Через несколько минут в трапезную вошёл запыхавшийся митрополит Филипп в сопровождении двух опричников. Малюта сделал им знак рукой удалиться и выжидательно посмотрел на государя. Тот продолжил есть, исподлобья рассматривая чуть сторбленную фигуру митрополита.

— Спаси бог вас, братья! — обратился тот ко всем присутствующим.

— С чем пожаловал, Высокопреосвященнейший Владыко? — без особых церемоний мрачно взглянул на него Великий государь.

— Вести, государь, для тебя и церкви нашей архиважные, — встревоженным голосом отозвался митрополит. — В келье твоей, Великий государь, перемолвиться бы.

— Сто раз уже говаривал! Нет у меня секретов от преданных мне братьев. Говори здесь немедленно! — рявкнул на него царь.

— Как прикажешь, Великий государь, — недовольно оглядел находившихся в трапезной людей митрополит. — Примчался сюда доложить тебе скорее, что еретик Феодосий Косой бежал из затвора.

— Как — бежал?! — поразился Великий государь и повернулся к Малюте Скуратову. — Ты же сказал, что из того монастыря невозможно бежать?!

— Измена, государь, — пожал плечами тот. — С того каменного мешка, где он сидел, бежать можно только если кто поможет.

— Так срочно объявить в розыск, отловить и доставить в Москву! Ты сам его и казнишь на моих глазах, — яростно сверкая глазами, объявил ему Великий государь. — И тех, кто помог ему в побеге — казнить.

— С превеликим удовольствием, — хищно ощерился Малюта Скуратов и, поднявшись со своего места, быстро направился к выходу.

— Что там ещё у тебя? — опять с недовольной интонацией спросил Великий государь.

— Это всё, что заставило меня придти к тебе в такое время, Великий государь, — с хмурым выражением лица поклонился ему митрополит Филипп.

— Тогда более тебя не задерживаю, — кивнул ему царь, но тут же, словно, что-то вспомнив, окликнул его: — Погоди-ка, Высокопреосвященнейший Владыко. Что там с розыском татей, что послушниц и сестру в Девичьем монастыре погубили? А то дьяк Лаврентий ко мне уже третий день носа не кажет.

— Вчера только с ним виделся. Он уверил меня, что розыск идёт самым быстрым способом. Что есть у него там большой мастер этого дела и что на поимку преступника ему нужно будет всего-то пара-другая дней.

— Вот как! Ну-ну, дьяк Лаврентий слов на ветер не бросает. Так что, Васька, скоро сам сможешь обидчику своего кума все жилы повывёртывать, да вместо веревок на шее завязать, — обернулся Великий государь к своему стольнику. Тот улыбнулся, кивнул и негромко ответил:

— Обязательно так и сделаю, Великий государь.

Он поправил перед царём тарелку и кинул быстрый взгляд на митрополита Филиппа. Затем сделал шаг назад, что-то шепнул на ухо своему помощнику Игнатке и вышел в боковую дверь из трапезной.

Спустя три часа неприметная закрытая повозка остановилась около ворот подворья на Девичьем поле, и хмурый дьяк Лаврентий кивнул своему ратнику. Тот выскочил из повозки и, спустя короткое время в проёме двери появилась женская фигура.

— Быстро садись и внимательно слушай меня, — фальцетом рявкнул дьяк, плотно прикрывая за ней дверцу повозки. — Всё очень плохо. Час с лишним назад у меня был сам Васька Хомутов. Ты должна его знать — это стольничий Великого государя. Он пытался всяческими увещеваниями узнать у меня, кто именно занимается сыском по убийствам послушниц и племянницы его кума — сестры Агафьи... Я его хорошо знаю! Это ещё тот прощельга!.. Вздумал меня обойти, да сам потом принести Великому государю приятное известие, когда Ратмир закончит сыск. И получить за это царскую благодарность. Но одного он не знает, что наш скоморох, я уверен, совсем не тот за кого он себя выдаёт. Только у меня нет верных доказательств и пытаться его сейчас мне никак несподручно. А он, недоносок, слишком хитёр и увёртлив. Мои люди так и не смогли отследить все его пути и знакомства. Того, что они нашли на него — мало. Поэтому вся надежда только на тебя. Что хочешь, делай — примени все ваши бабские хитрости, одурмань чем хочешь, утопи его в плотских утехах, выполни все его желания, но только сегодня же разговори его. Выведай всё, что у него связано с Италией. Он же сам говорил при тебе, что рос с малолетства в этом проклятом католическом вертепе. Любые имена, города — всё запоминай и бегом с докладом ко мне... Я первым должен донести до государя имя убийцы послушниц Девичьего монастыря. И только от меня он должен узнать, что это я поймал иезуитского шпиона. Я уже столько сил и времени потратил на всё это, что готов сам прямо сейчас перегрызть глотку выскочке Ваське Хомутову... И только ты можешь мне помочь в этом архиважном для меня деле! — возбуждённо воскликнул он, сверкая глазами на свою собеседницу. — Иди, действуй. Озолочу потом! Но, смотри! Если загубишь мне эту задумку — берегись! Не пощажу, не посмотрю ни на какие былые заслуги! Всё! Пошла бегом исполнять! — дьяк Лаврентий как клешнями вцепился в женское плечо и вытолкнул женщину из повозки. Рукавом богато расшитого кафтана утёр взмокший лоб и, стукнув кулаком в крышу повозки, громко зазвенел тоненьким фальцетом: — Пошёл!

— Но-о, милая! — протяжно крикнул в свою очередь возница, раздался щелчок кнута и повозка, скрипнув и покачиваясь, стала набирать ход.

Глава 12

— Полегчало ли тебе, матушка Евникия? — Ратмир выжидательно посмотрел на облокотившуюся на пышные подушки игуменью. Та устало посмотрела на него и благодарно улыбнулась: — Спаси Бог тебя, Ратмир! Вовремя ты пришёл. А то сердце у меня словно щипцами сжало и вздохнуть не было мочи... А сейчас хорошо, покойно...

— Вот здесь я положила всё, что ты просил, Ратмир, — обернулась к ним, стоявшая у небольшого стола у окна послушница Марфа. Сидевший в углу кельи на медвежьей полости певчий Никитка, по-детски улыбаясь, посмотрел на послушницу.

— Вот и ладно. Зато всё под рукой будет: и капли, и пастилки... — тоже улыбнулся ей скоморох и тут же перевёл озабоченный взгляд на игуменью: — Просьба у меня к тебе, матушка.

— Говори. Что в моих силах — всё исполню, — с готовностью кивнула та.

— Очень мне нужно сейчас уйти по одному важному для меня делу, — указательным пальцем Ратмир потёр переносицу.

— Так и иди, не беспокойся. Мне уже полегчало...

— Да не о том я беспокоюсь, матушка Евникия. За Никитку. С собой я его не могу взять. А оставить его сейчас без присмотра — значит подвергнуть большой опасности.

В этот момент в дверь кельи тихо постучали и Марфа, выглянув, тихо прошептала:

— Там отче Павел с врачом.

— Пусть входят, — кивнул Ратмир и вновь посмотрел на игуменью.

— Так оставь Никитку пока здесь, — вздохнула она. — Побудет в моей келье до твоего возвращения.

— Благодарю, матушка. Так будет надёжней. А я постараюсь побыстрее управиться, — одобрительно махнул рукой скоморох, внимательно разглядывая вошедшего в келью врача. Убедившись, что тот вполне уверенно и со знанием дела приступил к осмотру больной, он направился к выходу.

— По делам спешишь, Ратмир? Скоро ли тебя ждать обратно? — доверительно спросил у него стоявший у дверей кельи схимонах Павел.

— Как управлюсь, так и вернусь тотчас же, — кивнул ему Ратмир.

— А где тебя искать, Ратмир, если вдруг понадобится? — неожиданно вслед ему послышался ещё слабый голос игуменьи. — Всяко же может случиться...

Ратмир приостановился у двери, оглянулся на матушку Евникию и нехотя ответил:

— Там я буду, у озера. Марфу пошли, если что... Она знает, — и вышел из кельи.

— Как там, Арчибальд Борисович? Что-то нужно для матушки игуменьи? — с озабоченным видом подошёл к доктору схимонах Павел.

— Уже всё хорошо, — с лёгким английским акцентом ответил невысокий, кругленький, румяный мужчина с седыми бакенбардами и деревянной трубочкой в руке. — Лежать и лежать, и покой. Ну и, конечно, хорошая пища. У вас, сударыня, упадок сил и сильная возбудимость сердца. Тот, кто вам дал выпить этих капель — поступил очень правильно. Настойка валерианы очень хорошо помогает успокоить возбуждённое сердце.

— Тогда и я отлучусь на короткое время. Марфа, присмотри за матушкой и за Никиткой. Я скоро вернусь и тотчас же заплачу вам, Арчибальд Борисович и отправлю вас домой на повозке, — уже в дверях схимонах Павел обратился к доктору. Он торопливо спустился по ступенькам терема игуменьи и быстрым шагом направился к конюшне. Там он сел в повозку и велел быстрее доставить его к своему дому, что находился за забором монастыря. На повороте дороги, ведущей к его хозяйству, схимонах Павел посмотрел в сторону располагавшегося почти у леса озера и подслеповатыми глазами разглядел силуэт всадника, скакавшего в ту сторону.

На озере было безветренно и спокойно. В лучах солнца весело поблёскивала на поверхности озера лёгкая рябь от рассекавших по его зеркальной глади уток с подросшими птенцами. Они громко кричали и хлопали крыльями. В летнем знойном воздухе стоял непрерывный тихий гул от летавших повсюду пчёл, ос, стрекоз. То тут, то там слышалось низкое гудение шмелей. Лёгкие разноцветные бабочки, радуя глаз, порхали с цветка на

цветок. Весёлый, птичий гомон раздавался из прибрежных кустарников. Далеко в небе над Девичьем полем кружил в медленном, величавом полёте орёл...

На уже привычном месте под раскидистым кустарником сидела на чистенькой, разноцветной подстилке Ольга. На ней было кисейное воздушное бледно-розовое платье с ажурным кружевом по низу и ярко-красная душегрея на ленточках. Густые волосы были перехвачены красной атласной лентой. Она нервно покусывала губы, облизывала их острым язычком и озабоченно поглядывала в сторону дороги...

На противоположной стороне озера, затаившись в кустарнике, сидел, прислонившись к стволу дерева, незнакомый молодой мужчина в косоворотке и тёмном кафтане и, пожёвывая зубами травинку, спокойно поглядывал в сторону девушки.

Неожиданно послышался приближавшийся топот копыт. Ольга насторожилась и ещё сильнее принялась жевать свои губы до пунцового цвета. Затем облизнула их язычком и с улыбкой уставилась в сторону дороги. Внезапно лицо её вытянулось, и улыбка тут же сошла с сочных, ярких губ — на пригорке показалась Мирослава верхом на гнедом коне. К седлу её коня был приторочен свёрнутый в рулон мужской кафтан.

— Вот так встреча! — почти спокойным голосом произнесла Мирослава. Казалось, что она не сильно была удивлена встречей с девушкой. — Что, не прискакал ещё добрый молодец? Или я рановато объявилась?

— Кхм... — только и смогла выдавить из себя ошарашенная Ольга, не сводя с женщины изумлённого взгляда. Но быстро придя в себя, она пожалала плечами и по-детски беззащитно улыбнулась: — О чём вы, тётушка?

— Змея подколотная тебе тётушка. А я для тебя — Мирослава Авдеевна. И нечего мне здесь дурочку из себя разыгрывать, — грубо ответила ей женщина и направила коня прямо на сидевшую под кустом Ольгу.

Мужчина, сидевший на противоположном берегу озера, оторвал спину от дерева и, вытянув шею, стал внимательно следить за происходящим на том берегу.

— Ой, что же вы делаете, Мирослава Авдеевна?! — жалобно воскликнула девушка, закрываясь обеими руками от нависшей над ней большой лошадиной морды. — Я же боюсь! Что я вам плохого сделала?

— И ты ещё спрашиваешь?! — грозно сдвинула брови Мирослава. — Ты — малолетняя потаскушка!

— За что вы меня так называете? — заплакала Ольга, прикрыв лицо руками. — Что я вам плохого сделала? — жалобно повторила она, продолжая отчаянно рыдать.

— За то, что ты, гадина малолетняя, посмела на чужого мужика позариться. Да он же тебе в отцы годится! Что тебе среди сверстников ухажёров не хватает? И, вообще, откуда ты здесь взялась на мою голову?! Никогда мне бабка твоя, Анна Дмитриевна, не говорила мне про тебя, — продолжая удерживать коня над беззащитной девушкой, сурово произнесла Мирослава.

— М-м-ирослава Ав-вдеевна, уб-берите, пожалуйста л-лошадь, — начав от волнения заикаться, жалобно попросила девушка. — А матушка м-моя с-сбегала из д-дому и п-потому они с-с б-ба-бушкой н-не р-разговаивали д-долго...

— Мирослава, отведи от неё коня немедленно! — неожиданно за спиной боярыни Кольчугиной раздался жёсткий голос Ратмира. Лицо её разом полыхнуло огнём, и она нехотя отвела коня в сторону. С болью в сердце Мирослава увидела, как скоморох тут же подбежал к всхлипывавшей девушке. Он нежно обнял Ольгу за плечи, прижал к себе и

гневно посмотрел на Мирославу:

— Что ты творишь, Мирослава?! Кто тебе дал право так измываться над Олюшкой?

— Моя любовь к тебе, — смело ответила Мирослава, глядя прямо в глаза Ратмиру.

— Разве же это любовь?! — с горечью произнёс он, поглаживая рукой по голове, затихшую в его объятиях девушку. — Любовь — это когда любят оба и никто никого не заставляет любить насильно.

— Так разве же я тебя заставляла себя любить? — изумилась, терзаемая видом прижимающейся к Ратмиру девушки, Мирослава. Она ловко спешила и встала подле коня, держа его под уздцы и с кнутом в другой руке.

— Я никогда и не говорил, что любил тебя, — негромко произнёс Ратмир, посмотрев боярыне Кольчуговой прямо в глаза.

— Так что же это было, Ратмирушка? — в отчаянии прошептала она и прижала пальцы к губам. В глазах её появились слёзы.

— Кто она тебе? — тихо спросила Ольга, подняв глаза на скомороха и продолжая крепко обнимать его.

— Это боярыня Кольчугова. Мне она никто.

— А почему она говорит, что ты любил её? — несмело спросила девушка, не спуская с него глаз. Её тёплое дыхание касалось шеи Ратмира, и он почувствовал, как лёгкая истома начинает охватывать всё его тело.

— Она ошибается, радость моя, — Ратмир коснулся губами её волос, вдохнул их чудный аромат и добавил, вновь глядя прямо в глаза Мирославы: — Я только тебя люблю, Олюшка моя. И только с тобой я хотел бы провести остаток своей жизни.

— Опомнись, Ратмир! — воскликнула боярыня Кольчугова не в силах больше выносить такие муки. — Разве же ты не видишь, что она ещё совсем дитё и сама не знает, что ей нужно! Вот посмотришь, вспомнишь ещё мои слова. Наиграется она тобой и променяет на молодого, богатого... А я тебя всю свою жизнь буду любить и лелеять. Пылинке не дам на тебя сесть... Вернись ко мне, Ратмирушка...

— Нет, Мирослава, — покачал головой Ратмир. — Лучше год прожить с любимой, чем всю жизнь с постылой...

— Постылой?! — ахнула Мирослава, и схватилась обеими руками за щёки. — Так я для тебя постылая?

Ратмир не успел ничего ответить, так как в этот момент со стороны дороги опять послышался приближавшийся лошадиный топот, но на этот раз уже двух лошадей и чьи-то грубые, мужские крики под свист кнута.

Стоявшие все трое переглянулись и растерянно уставились в сторону дороги. Через несколько секунд на пригорке появились два здоровенных бородатых всадника, размахивавших кнутах и палицами.

Ратмир крепче прижал к себе Ольгу и быстрым взглядом окинул окрестности в поисках подручных средств защиты.

— Ну, что, Ратмирка! — крикнул один из них. — Вот и настал твой смертный час!

При этих словах, неизвестный мужик, сидевший на том берегу озера, стараясь быть незаметным, вскочил на ноги и исчез в лесных зарослях.

— Стойте, мужики! Что происходит?! — крикнул скоморох, пытаясь выиграть время и найти возможность спасти женщин и спастись самому. Он с отчаяньем посмотрел на своего коня, пасшегося поодаль. Там к седлу были приторочены сабля и оружие. Ратмир оглянулся

на Мирославу и увидела у неё в руках кнут. Женщина поняла его без слов и кинула ему этот кнут. Ратмир тут же толкнул Ольгу на землю со словами: «Лежи смирно» и, подхватив кнут, шагнул навстречу бородатым мужикам: — А теперь поговорим... Узнал я вас, мужики. Это же вы вместе с Никиткой в тот раз напали на меня. Где скрывались-то после того, как с позором бежали тогда от кнута?

— Борзый ты, скоморох! Не твоего ума дело — где мы были. Да и не от твоего кнута утекли мы тогда. А вот сейчас-то ты уже точно ничего не сможешь сделать. Потому как две твои бабы тут. И думаешь, небось, как их спасти от наших любовных намерений. Иль стрекача дашь? А мы-то бабами этими в обязательном порядке попользуемся, — радостно загоготал один из них по имени Фрол.

— Это успеется, — хмуро рявкнул на него второй всадник по имени Демидка. — Сначала давай с Ратмиркой расправимся. А то потом опять от Васьки лещей схлопочем. А ну, бабы, в сторону! — крикнул он растерявшимся женщинам.

— Сделайте, как он сказал, — неожиданно крикнул Мирославе Ратмир и указал глазами в сторону кустарника, где до этого сидела Ольга. — И бегите отсюда обе! Мне так будет сподручнее.

Мирослава кивнула и, подойдя быстрым шагом к лежавшей на земле Ольге, подхватила её за плечи, рывком подняла на ноги и потащила за собой к кустам.

— Ну-ну, — усмехнулся Фрол, направляя на Ратмира своего коня и помахивая кнутом. — Говоришь, легче тебе будет? А я бы на твоём месте ни разу и не сопротивлялся бы. Тогда и смертушка была бы и скорая и безмучительная...

— Это мы ещё посмотрим, — увереннее пробормотал Ратмир, убедившись, что женщины находятся в более-менее безопасном месте.

Фрол кивнул Демидке и тот начал заходить на лошади с другой стороны. Ратмир сделал шаг назад к озеру, оценивая обстановку...

— Что, так и будем стоять и смотреть? — тихо шепнула Мирослава стоявшей рядом Ольге.

— Что предлагаете, Мирослава Авдеевна? — также тихо отозвалась та, не спуская глаз с Ратмира.

— Видишь обломки брёвен под кустами?

— Ага, большие, — Ольга кинула быстрый взгляд под кусты. — Под ноги лошадям кинем?

— Догадливая, — мрачно усмехнулась боярыня Кольчугова. — Кинем — лошади с перепугу шарахнутся. Глядишь и скинут того или другого...

— Ага, или сразу обоих... — поддержала её мысль Ольга, продолжая внимательно наблюдать за медленно загонявшими Ратмира к озеру всадниками. — Надо уже кидать, а то ему одному с двумя такими кабанами не справится.

— Ну, с Богом! — негромко произнесла Мирослава, и они обе почти одновременно наклонились к увесистым обломкам павших деревьев и, подхватив их, тяжело побежали по песчаному берегу в сторону всадников и кинули обломки брёвен прямо под ноги лошадям. Испуганные лошади, заржав, встали на дыбы. Мирослава с Ольгой кинулись обратно к кустам за новыми обломками деревьев.

Страшно ругаясь, всадники попытались удержаться на своих скакунах. В глазах Ратмира мелькнули чёртики и он, мастерски размахнувшись кнутом, зацепил сначала одного всадника и скинул его на землю. Та же участь постигла и второго. Пока они, возясь в пыли,

поднимались с земли, Ратмир точными ударами кнута заставил их лошадей ускакать прочь от озера.

— Ну, вы даёте! — восхищённо крикнул он в сторону кустов, где находились Мирослава с Ольгой, и направился было в сторону Фрола и Демидки.

Но в этот момент вновь неожиданно со стороны дороги послышался топот копыт уже нескольких лошадей и на пригорке появились четыре всадника в зипунах и летних ватниках с копьями наперевес. Их бородатые, мрачные лица в шапках-ермолках не предвещали ничего хорошего. Всадники безмолвно проскакали мимо Ратмира и женщин напрямик к Демидке и Фролу. Те закричали страшными голосами и побежали в кусты. Перепуганные женщины подбежали к Ратмиру и крепко прижались к нему с двух сторон. Он машинально обнял их обеих и обескуражено наблюдал за тем, как молчаливые всадники догнали убежавших Фролку и Демидку и поочерёдно всадили в каждого из них свои копья. Те завизжали как свиньи и тут же смолкли. Всадники развернулись и, держа на весу окровавленные копья, также безмолвно проскакали мимо растерянных Ратмира и его женщин и исчезли за пригорком...

Неожиданно Ратмир услышал негромкий свист с другого берега озера. Он повернул голову и увидел там того же самого темноволосого бородатого мужика, что спас ему жизнь несколько дней назад, когда эти же грабастики напали на него возле Девичьего монастыря.

— Кто же ты, дружище? — крикнул ему Ратмир, выпуская из объятий Ольгу и Мирославу.

Незнакомец только, молча, поднял руку в уже знакомом Ратмиру приветствии и, развернувшись, исчез в лесных зарослях.

— Благодарю тебя, дружище! — только и успел крикнуть ему вслед Ратмир, и устало выдохнул: — Что же это такое сейчас было?

— Это значит, что только что нас могли убить, — по-детски глубокомысленно произнесла Ольга и хлопнула радостно в ладоши. — Но у них ничего не получилось!

Ратмир поймал насмешливый взгляд Мирославы.

— Вы обе сейчас показали себя бесстрашными и смелыми... — растерянно забормотал Ратмир, не понимая, что ему делать дальше.

— Не нужно, Ратмир, не мучайся, — покачала головой Мирослава. — Я поняла, что она (кивок в сторону Ольги) тебе и вправду дорога. И я готова уступить ей тебя, но с одним условием...

— Говори, — вздохнул Ратмир.

— Проведи у меня сегодня три часа. Попрощаться с тобой хочу. Просто чайку попьём, поговорим напоследок, — Мирослава грустно посмотрела в глаза Ратмиру. Тот растерянно молчал, устремив взгляд куда-то вдаль.

— Сходи к ней, Ратмирушка, — неожиданно тихим, почти детским голосом произнесла Ольга. — Я её как баба бабу понимаю...

— Господи, да что бы ты понимала?! Нашлась тут мне баба! — схватился за голову Ратмир и выдохнул: — Как же я от вас обеих устал!

— Ну, так как? — упрямо спросила Мирослава. — И лучше, прямо сейчас.

— Это ещё почему? — поднял брови Ратмир.

— А потому, милый, что потом у тебя могут появиться всякие дела, и ты не сможешь придти к ней, попрощаться, — опять неожиданно вступила в разговор Ольга и тихо добавила, глядя ему прямо в глаза: — А потом, когда ты уже будешь совсем свободным —

мы сможем встречаться с тобой дальше.

— Однако! — только и произнесла Мирослава, с изумлением глянув на засмуцавшуюся девушку...

Глава 13

Спустя некоторое время Ратмир с Мирославой заехали в ворота её подворья. Находившиеся там в этот момент холопы, переглянувшись между собой, молча, проводили их взглядами до самых дверей терема. Помощник конюха Фёдор озабоченно почесал себе подбородок.

— Ну, говори, Мирослава, что ты мне хотела сказать напоследок, — нетерпеливо застучал пальцами по деревянному столу Ратмир, сидя на лавке и окидывая взглядом безлюдную горницу.

— Напоследок? — неприятно удивилась та и быстро отвернулась к окну.

— Разве не попрощаться ты привела меня сюда? — с лёгким недоумением посмотрел на неё скоморох. Он увидел, как она вдруг вся сжалась, закрыла своё лицо ладонями, и ему неожиданно стало её жалко. — Не таи на меня обиду, милая. Не всегда мы сами властны над своими чувствами... Да, мне было с тобой хорошо, но это была не настоящая любовь...

— А с Ольгой, стало быть, у тебя настоящая любовь? — Мирослава повернулась к Ратмиру, и он увидел в её глазах боль и отчаянье. Она машинально поправила на голове тёмно-вишнёвый платок с богато расшитыми концами.

— С ней у меня душа поёт, и сердце рвётся из груди. Да, это любовь, — кивнул скоморох и посмотрел светлым взглядом куда-то мимо Мирославы в окно.

— Ну, хорошо, люби её на здоровье, — неожиданно, стиснув зубы, проговорила женщина. Она достала из тяжелого, деревянного шкафчика красивый серебряный кувшин и две серебряные чарки: — Медовуха тут у меня рябиновая. Как ты любишь... Не откажи в милости, пригуби со мной. И заberi свой кафтан, что в прошлый раз оставил на сеновале.

— Да-а, медовуха у тебя знатная, — согласился Ратмир, наблюдая за тем, как Мирослава, кинув на лавку у двери его серый кафтан, стала неуверенными руками разливать напиток по чаркам. Вот она недоглядела, и медовуха в одной из чарок полилась поверх прямо на стол. Мирослава нахмурилась и со стуком поставила кувшин на деревянный стол. Потом посмотрела на Ратмира странным потерянным взглядом и неожиданно воскликнула:

— Нет моей мочи терпеть и носить это всё в себе. Я и, правда, очень люблю тебя, Ратмир! Всё для тебя готова сделать. Но, Христа ради, ответь мне только на один вопрос! Мне точно нужно знать — верно ли то, что говорят о тебе?

— А что говорят? И кто говорит? — крутя в руках чарку с напитком, с интересом посмотрел на неё скоморох.

Внезапно Мирослава упала перед ним на колени и взмолилась, сложив руки лодочкой перед собой: — Ратмирушка, сокол мой ясный! Поклянись мне на святом православном кресте, что ты не итальянский шпион! Что ты — простой, русский скоморох!

В горнице наступила звенящая тишина, и она увидела, как вдруг серые глаза Ратмира приобрели стальной оттенок. Он, не мигая, посмотрел ей в глаза и тихо спросил:

— С чего это вдруг ты взял, Мирослава? С кем ты такие разговоры вела?

— Не могу сказать тебе, Ратмирушка, не пытай меня, — всхлипнула женщина, не сводя с него умоляющих глаз. — Только скажи мне, что это не так! Ну не мог же ты, будучи

урождённым и крещённым здесь, в православной вере, стать изменником и предателем?!

— Уж не дьяк ли Лаврентий внушил тебе такие мысли? — всё также тихо произнёс Ратмир, холодно глядя на неё. Странная усмешка пробежала по его губам: — Я ведь в тот день видел, как ты выходила из дверей Разбойного приказа. Но почему-то скрыла это от меня. А теперь требуешь от меня же какой-то непонятной правды. Разве это по-честному?

Мирослава, стоя перед ним на коленях, спрятала лицо в ладонях и глухо проговорила: — Не могу я ничего сказать, Ратмирушка. Одно знаю, что грозит тебе смертельная опасность...

— Я уже слышал раз это от тебя. Но и тогда ты мне не сказала — откуда опасность...

Мирослава замотала головой, не отрывая рук от лица: — Не могу, не могу, Ратмирушка! Поверь мне на слово... Но и любить изменника православной веры нашей тоже не могу и не хочу...

— Так и не люби. Я же тебя не заставляю, — пожал плечами Ратмир и, поднеся чарку с янтарно-оранжевой рябиновой медовухой к губам, в несколько глотков опустошил её.

— Значит, это правда, — упавшим голосом произнесла Мирослава и, отняв ладони от лица, потухшим взглядом посмотрела на скомороха. Затем тяжело поднялась с колен.

— Я никогда не утверждал этого, — негромко ответил Ратмир и, вздохнув, потёр пальцем переносицу.

— Но и не отрицаешь сейчас, — Мирослава села на лавку. Она взяла свою чарку с медовухой, пригубила её. Потом поставила на стол и тяжёлым взглядом посмотрела на скомороха: — Одно не пойму, как урождённый на Руси человек может предавать свою державу?

— А тебе никогда не приходило на ум, Мирослава, что порой держава предаёт своих сыновей и дочерей? И тогда им чужбина может заменить родную сторону... — Ратмир откинулся спиной к бревенчатой стене горницы, и устало смежил веки.

— Сама держава?! Или некоторые из её недостойных представителей? — уверенно возразила ему женщина.

Ратмир тут же открыл глаза и изумлённо посмотрел на собеседницу: — Да с кем же ты так разговаривала, Мирослава?! Я никогда не замечал за тобой таких мыслей.

— Это потому, что я никогда не могла представить себе, что человек, которого я полюбила, есть враг моей отчизны, — с сильнейшей досадой произнесла Мирослава и расстроено покачала головой: — Эх, Ратмир, Ратмир, как ты мог?! Ведь твоя родина здесь! Ты ведь и крест-то вон православный носишь! Значит, правду мне сказали, что твоя богопротивная вера позволяет тебе и твоим единоверцам выгоды ради двурушничать и лицемерить.

— Не делай поспешных выводов, — холодно усмехнулся тот и, легко поднявшись с лавки, направился к выходу. Подхватив с лавки свой кафтан, он оглянулся: — Прощай, Мирослава! Пусть у тебя всё будет хорошо. От всего сердца желаю тебе этого...

— Прощай, Ратмирушка, — огорченно прошептала женщина, со слезами на глазах наблюдая за тем, как с лёгким скрипом закрылась дверь вслед за ушедшим скоморохом...

Ратмир вышел на крыльцо терема, держа в правой руке кафтан, и направился к своей лошади, привязанной у небольшой изгороди. Рядом с лошадью стоял помощник конюха Фёдор и тщательно протирал её бока щёткой.

— Я тут, барин, без твоего разрешения дал ей овса и воды, — улыбнулся он Ратмиру, но, увидев его выражение лица, тут же озабочено спросил: — Всё в порядке, барин?

— Да, Фёдор, всё хорошо, — бесстрастно ответил Ратмир и, приторочив кафтан к седлу, легко взобрался на лошадь. Он с озабоченным видом осмотрелся по сторонам и, подстегнув лошадь, поспешил к воротам.

Фёдор проводил его долгим, внимательным взглядом.

Покинув подворье боярыни Кольчуговой, Ратмир направился в Девичий монастырь. Торопливо поднявшись в покои матушки Евникии, он с облегчением увидел сидевшего на лавке за столом певчего Никитку. Тот радостно что-то рассказывал послушнице Марфе, сидевшей у изголовья игуменьи. Последняя лежала в постели, опершись спиной на хорошо взбитые подушки и тоже слабо улыбалась, слушая его байки. Все они дружно обрадовались, завидев на пороге озабоченного Ратмира.

— Что-то не так, Ратмир? — пытливо глянула на него игуменья.

— Да, хватает всякого, — махнул рукой скоморох и пояснил: — Получается так, что из всех, кто видел, как были убиты послушницы, остался живым только он, — Ратмир показал глазами на певчего и добавил: — И мне сейчас очень нужно побывать с Никиткой у него в доме. Но так, чтобы никто не знал об этом.

— Можете взять мою каждодневную повозку, — сразу предложила игуменья. — Она проста и её никто не досматривает на въезде в нашу обитель.

— А ещё можно вам обоим надеть на себя монашескую одежду, — несмело предложила Марфа, кинув исподлобья на Ратмира явно заинтересованный взгляд.

— Превосходная мысль! — воскликнул тот и вопросительно посмотрел на игуменью: — Матушка Евникия, где можно взять монашеское облачение?

— Что за богопротивные мысли пришли тебе в голову, Марфушка?! — Возмутилась, было, матушка Евникия, но, кинув взгляд, на безмятежно восседающего на лавке за столом певчего Никитку, покачала головой. — Иди, Марфа, в мою кладовую и в синем сундуке выбери им подходящие одеяния. Новые не бери, только ношенные. А то ещё изорвут где или попачкают...

Спустя полчаса из ворот Девичьего монастыря выехала скромная повозка, которой управлял доверенный возница матушки Евникии. В самой повозке сидели две крупные, рослые монахини и вели между собой негромкую беседу.

— Давно хотел спросить у тебя, Никитка, да всё никак не получалось, — произнёс Ратмир, поправляя на голове черный головной убор.

— О чём ты хотел спросить? — с любопытством посмотрел на него Никитка, чью нижнюю часть лица с бородой скрывала чёрная же повязка.

— Как у тебя хватило ... как ты решился убить тех послушниц? Разве они тебе сделали что-то плохое? Мне говорили, что это были очень хорошие послушницы, которые помогали немощным, больным...

— Я же говорил, что голос мне был. Он и приказал их убить. Сказал, что это демоны приняли обличие наших послушниц...

— Они же просили их не убивать, наверное. Как же ты их не пожалел?

— А тот голос предупредил, что демоны будут умолять их не убивать, — опустил глаза Никитка.

— Так ты не понял, что этот голос... что он сделал из тебя душегуба.

— Нет, наоборот, он сказал, чтобы я никого не слушал и что мне это зачтётся при входе в рай, — улыбнулся Никитка.

Ратмир пристально посмотрел на него и промолчал.

Вскоре они доехали до усадьбы родителей певчего Никитки, с которыми он проживал всю свою жизнь.

— Почему двор пустой? — удивился Ратмир, оглядываясь вокруг.

— А маменька с папенькой уехали к папенькиному брату до тех пор, пока ты не найдёшь преступников. И дворовых они отпустили на тот же срок, кроме Василия. Он оставлен за хозяйством присматривать, да меня обихаживать, — весело заявил Никитка, скидывая с себя монашескую одежду. — Так что ты хотел увидеть, Ратмир в моей опочивальне?

Они поднялись в его комнату и Ратмир начал внимательно изучать всё вокруг. Никитка стоял рядом и спокойно наблюдал за его действиями.

— Оставайся здесь, Никитка, я сейчас схожу вниз, посмотрю там, потом поднимусь за тобой, — Ратмир, придерживая рукой полы длинной чёрной рясы, стал спускаться вниз. Он прошёл по двору и завернул за угол. Скоморох почти дошёл до другого конца дома, когда вдруг услышал чей-то крик. Он тут же поспешил обратно, внимательно оглядываясь по сторонам. Внезапно ему показалось, что в начале дороги ведущей в Девичий монастырь появилась группа одетых в чёрное всадников. «Опричники!» — внезапно понял он и более чем удивился их появлению. Насколько ему было известно, опричники не часто появлялись в районе Девичьего монастыря, находившегося под личной охраной Великого государя.

Ратмир направился в сторону входа в дом, но, проходя мимо повозки, краем глаза заметил, что дверцы повозки были открыты и лошади возбуждённо прядали ушами. Он подошёл к повозке и увидел лежавшего рядом с колесом в крови возницу с перерезанным горлом.

Ратмир сразу напрягся и, внимательно прислушиваясь, направился в дом. Стараясь не скрипеть деревянными полами, он прошёл в горницу и замер на месте — посередине комнаты стоял Никитка и тряпичной обтирал окровавленный нож.

— Это ты сейчас зарезал возницу? — негромко спросил он, не спуская глаз с певчего.

— Ну, да, — улыбнулся радостно Никитка и добавил: — Он меня попросил это сделать. И я зарезал очередного демона.

— Ты опять слышал голос?

— Да, вот совсем недавно. Когда был у себя в опочивальне...

— Опять в опочивальне, — нахмурился Ратмир, стягивая с себя монашье облачение. Он, было, двинулся к лестнице, но в этот же момент певчий Никитка неожиданно сделал выпад рукой в его сторону и Ратмир едва увернулся от окровавленного ножа, просвистевшего в паре сантиметров от его шеи.

— Что же ты делаешь, Никитка?! — воскликнул он, изумлённо глядя на надвигавшегося на него Никитку с ножом наизготовку.

— Он мне сказал, что ты будешь прикидываться моим другом, — весело рассмеялся певчий. Но тут же нахмурился и прошептал: — Стой, где стоишь. Я должен убить тебя, нечистый!

Ратмир посмотрел в безумные глаза спятившего певчего и понял, что должен остановить его, пока этот несчастный не погубил ещё кого-нибудь.

— А скажи мне, Никитка, — пятясь назад и внимательно следя за ножом в руке певчего, спросил скоморох: — Не говорил ли ты кому-нибудь в монастыре, что мы с тобой собирались сейчас приехать в твой дом?

— Не-а, никому...только, когда мы выходили из горницы матушки Евникии я заметил, что отче Павел в углу в сенях чего-то копошился. Спросил меня — куда мы направляемся...

— И ты ему сказал правду?

— Так это же отец Павел. Ему можно... — улыбнулся певчий и тут же, вновь сдвинув брови, сумрачно посмотрел на скомороха и набычился.

— Прости, Никитка, ты мне не оставляешь выбора, — негромко произнёс Ратмир и, мягко подпрыгнув вверх, нанёс ногой сильный удар в голову Никитки. Тот, молча, рухнул на пол. Ратмир подошёл, забрал у него нож и засунул его под печку, стоявшую в углу горницы. Внезапно он услышал какой-то шорох и обернулся. В раскрытое окно скоморох увидел мелькнувшие среди высоких подсолнухов чёрные фигуры в масках. Ратмир кинулся к Никитке и стал его хлопать по щекам: — Вставай, Никитка! Вставай быстрее!

Но тот лежал бесчувственный словно бревно. Тогда Ратмир подтащил его к большому сундуку, стоявшему в углу горницы. Быстро открыв сундук, с трудом закинул туда Никитку. Затем почти бесшумно поднялся по лестнице вверх и подошёл к окну. Оттуда открывался хороший вид на окружающие постройки и деревья. Ратмир разглядел более десятка мужских фигур в чёрном, бесшумно скользивших между деревьями. Внезапно он увидел отца Павла, который подбежал к одному из опричников в тёмной маске и отчаянно жестикулируя, стал что-то ему шептать. Тот властно отодвинул его в сторону и, махнув рукой остальным, направился к входной двери горницы.

— Ратми-ир, ты где? — внезапно снизу послышался голос растерянного Никитки. Скоморох аж вздрогнул от неожиданности и, понимая, что силы неравны, всё равно кинулся к лестнице спасать Никитку.

— Сиди там, Никитка! И закрой крышку сундука скорее! — крикнул он ему, находясь на верхних ступеньках лестницы. Увидев, что тот подчинился, кинулся обратно к окну и выбрался на крышу. Прошёл, пригибаясь по скату и, оглядевшись по сторонам, стал спускаться вниз. В какой-то момент прогнившая доска под тяжесть его тела треснула, и он свалился вниз, и моментально вскочил на ноги. В этот же момент несколько острых копий упёрлись ему в грудь и живот.

— Допрыгался, чертяка! — вдруг добродушно усмехнулся один из опричников. — Шагай вперёд. И не вздумай бежать, далеко не убежишь.

Ратмир кинул быстрый взгляд на копья и понял, что сопротивляться бесполезно. Он пошёл в сторону входа в дом. Там уже слышались грубые мужские голоса и хохот.

— Вот один! — доложил добродушный опричник, подталкивая Ратмира вперёд. В горнице наступила тишина.

Стоявший в центре комнаты опричник в маске пристально посмотрел на скомороха и тихо спросил: — Где певчий?

Ратмир пожал плечами. Он узнал этого человека, несмотря на маску. У стольника Василия Хомутова были очень запоминающиеся глаза и голос.

В этот момент певчий Никитка неожиданно чихнул и этим окончательно решил свою участь. Опричники моментально вытащили его из сундука и поставили перед стольником. Ратмир кинулся было к певчему, но стоявшие рядом опричники удержали его, с силой завернув ему руки за спину.

Стольниковый посмотрел на скомороха и усмехнулся: — Значит, ты и есть тот самый ловкий сыскарь? Стой и лучше не дёргайся, а то последуешь за ним.

— Не трогайте его! Он же болен! Тем более, что он уже всё мне рассказал! —

воскликнул Ратмир, предчувствуя беду.

— Кто же тебе поверит, — усмехнулся стольник и кивнул одному из опричников. Тот кивнул ответно и, быстро сделав несколько шагов к Никитке, чем-то, спрятанным в рукаве черного кафтана, ткнул ему в живот.

— Р-ратмир! Спаси! — взвизгнул жалобно певчий и, заверещав, попытался бежать, зажимая руками на животе вдруг окрасившийся кровью светлый кафтан. Но трое опричников пинками уложили его на пол и добили кинжалами.

Ратмир зарычал и попытался вырваться из цепких рук здоровенных опричников.

Стоявший в стороне стольничий удивлённо посмотрел на него:

— Хочешь за ним?

Ратмир тяжело дыша, исподлобья с ненавистью посмотрел на него и промолчал.

— Ну, то-то же, — усмехнулся тот и подал своим знак рукой. Опричники, громко переговариваясь, гурьбой вышли из дома. Ратмир подошёл к лежавшему на полу певчему Никитке и, опустившись на колени, прикрыл ему застывшие в безумном ужасе глаза. В этот момент послышался свист кнутов, лошадиное ржание. Опричники с хохотом и гоготом ускакали со двора. Наступила зловещая тишина...

Ратмир тяжело шагая на неверных ногах, вышел на крыльцо и, повернув голову, замер от неожиданности: прямо на него смотрели мёртвые глаза отца Павла, скрючившегося у деревянных перекладин крыльца. Окровавленными руками он держался за нож, всаженный ему в область грудины под самую рукоятку. Внезапно Ратмир увидел, что из кармана кафтана отца Павла торчит какая-то светлая трубка. Он присел, взял её в руки и стал рассматривать. Трубка оказалась небольшим оленьим рогом обрубленным с обеих концов.

Внезапно Ратмира осенила какая-то мысль, и он пошёл вокруг дома, внимательно разглядывая всё у себя под ногами и вокруг. Дойдя до места, куда выходило окно опочивальни певчего Никитки, скоморох ещё более внимательным взглядом окинул всё вокруг, и его внимание привлекла странная длинная палка в детскую руку толщиной торопливо сунутая кем-то в кустарник, разросшийся прямо у стены дома. Ратмир осторожно вытащил её и увидел, что палка внутри была полая и что с одного конца на палке были свежие царапины. А на другом конце палки он увидел несколько седых волосков, зацепившихся за неровности на срезе.

Скоморох вздохнул, аккуратно снял волоски и, завернув их в лист лопуха, положил себе за пазуху. Потом достал оттуда же обрезок оленьего рога и попытался приладить его к концу палки, где были найдены седые волоски. Конец рога лёг в пазы палки в самый раз. Ратмир поднял глаза сверху и стал рассматривать окно опочивальни певчего. Но там он не увидел ничего похожего на то, что искал и нахмурился. В этот же момент его взгляд привлекло темневшее округлое отверстие в большом бревне, служившем опорой для стен второго этажа. Ратмир осторожно поднял палку и протянул противоположный её конец прямо к этому отверстию. Конец палки плотно вошёл в отверстие. Ратмир присел и ухнул в олений рог. Сверху послышался странный, гулкий звук. Ратмир отпустил руки, придерживая рог — палка продолжала висеть.

Тогда скоморох быстрым шагом направился к входу в дом и через пару минут уже внимательно рассматривал отверстие в том самом деревянном бревне, что крепило брёвна второго этажа. Увидеть его можно было, только если пригнуться к самому полу.

— Ну, вот оно и есть то место, откуда Никитке вещал голос. Ай да, отец Павел! — хмуро покачал головой Ратмир. — Такой бы ум да на доброе дело!

Ратмир спустился вниз и, кинув взгляд на остывавшее тело певчего Никитки, вышел за порог. Там он достал из кармана кафтана лист лопуха. Развернул его, аккуратно взял седые волоски и, опустившись на одно колено около мёртвого отца Павла, приложил их к бороде мертвеца. Сомнений не было — волоски с раструба палки принадлежали отцу Павлу.

Ратмир поднялся на ноги и быстрым шагом направился во двор к своей лошади. К счастью, она оказалась на месте и, легко вскочив на неё, скоморох направился к подворью Михайловой Анны Дмитриевны.

Глава 14

Подъехав к подворью, Ратмир быстро спешился и подвешенным деревянным молотком сильно постучал по деревянным, оббитым железными узорами воротам.

— Кто там? — раздался мужской с хрипотцой голос.

— Мне нужна Анна Дмитриевна. Дело у меня к ней срочное, — нетерпеливо опять постучал в ворота скоморох.

— Счас отопру. Что стучать-то непрерывно? — беззлобно проворчал тот же мужской голос и загремел засовами. Вот одна из половин ворот сдвинулась со страшным скрипом с места и в образовавшемся проёме неожиданно возникла приземистая женская фигура в зипуне и видавшем виды кокошнике. Женщина бочком выбралась из ворот, кинула на Ратмира быстрый, острый взгляд маленьких, чёрных глаз, чему-то усмехнулась, и торопливо зашагала в сторону маленьких лачужек, стоявших в низине, у самой рекой.

— К Анне Дмитриевне я, — Ратмир по-хозяйски шагнул во двор.

— Так это... нет ещё хозяйки-то, — смущённо почесал затылок худой, желтушный мужик лет сорока с реденькой, сивой бородкой на остром подбородке.

— Ой, Ратмир! Пришёл, как и обещал, — неожиданно раздался нежный голос Ольги из открытого окна терема на втором этаже. — Никодим, покажи ему, где вход, — попросила она мужика, открывавшего ворота. Тот прищурился, пожал плечами и рукой махнул куда-то в сторону дома. Ратмир торопливо зашагал в ту сторону. Мужик внимательно посмотрел ему вслед, сплюнул и пошёл к себе в сторожку.

Ратмир шагнул за дверь вовнутрь терема и оказался в просторной, чистой, светлой горнице. По ступенькам деревянной, добела отскобленной ножом лестницы навстречу ему спустилась Ольга. Её глаза сияли восторгом, маленькая грудь под нежно — розовым платьем вздымалась от волнения.

— Где твоя тётушка? — Ратмир не сводил с неё глаз. — У меня мало времени. Я пришёл просить твоей руки.

— Ой, моей руки! — смущённо воскликнула девушка и зарделась как маков цвет. — А тётушка же на послушании в монастыре, хлеба печёт для сестёр. Она вернётся только к вечеру... Но ведь она не может дать благословения. Только мой батюшка... А он будет в Москве только через десять дней...

— А где твой братец? Где остальные?

— Никого нет. Братец гостит у наших родных в Новгороде. Холопы исполняют свои повинности... — пожал плечами Ольга и, грациозно подбежав к Ратмиру, взяла его за руку. — Разве тебе мало меня одной.

— Девонька моя любимая, — у Ратмира перехватило дыхание, и он поднёс к губам её руку. Она посмотрела на него каким-то серьёзным, почти взрослым взглядом и дыхание её

стало учащаться, сочные губы приоткрылись...

Не помня себя, Ратмир притянул её к себе и, крепко обняв, страстно зашептал: — Олюшка, свет мой ясный! Полюбил я тебя всем сердцем... Вчера и сегодня был я на краю гибели и не знаю, что меня ещё ждёт завтра... Нет моих сил больше терпеть эту муку, — Ратмир чуть отпустил её и, взяв за плечи, посмотрел прямо в глаза девушки: — Прошу только об одном — стань моей прямо сейчас. Если уж и суждено мне завтра погибнуть, так я буду знать, что ты моя на веки вечные... Клянусь тебе, что как только мы окажемся в Италии, так тотчас же и обвенчаемся!

Ольга продолжала смотреть на него тем странным, почти взрослым взглядом. Её грудь часто вздымалась, а тонкие крылья носа трепетали...

— Да... я согласна... — прошептала она одними губами и глаза её неожиданно стали наполняться слезами. — Я так люблю тебя, Ратмир... я согласна, — повторила она и сама уже прильнула губами к его напрягшейся мускулистой шее.

— Где твоя опочивальня? — прошептал он, теряя над собой контроль и подхватывая на руки её легкое тело в нежном, кисейном платье.

Девушка махнула рукой в сторону ступенек и, спустя несколько мгновений Ратмир уже открыл ногой дверь в девичью опочивальню.

— Солнышко моё... ладушка моя... ягодка моя сладкая, — возбуждённо прошептал Ратмир, бережно опуская Ольгу на атласное покрывало узкой девичьей постели под балдахинном.

— Только, пожалуйста... Ратмир... — прошептала она, пытаясь улыбаться, но глаза её были полны слёз.

— Да, моя девочка... не бойся... я буду очень нежен... Я постараюсь не причинить тебе боли... — Ратмир рывком скинул себя кафтан, сбросил сапоги. Он опустился на колени перед её постелью и рукой наконец-то коснулся до возжеленной узкой щиколотки девушки и сжал её. Она чуть застонала.

— Прости, радость моя, — выдохнул он и, склонившись над ней, нежно провёл пальцем по быстро бившейся на виске девушки синей жилке, по её полураскрытым губам и наконец, сам жадно приник к ним своими губами...

— Ещё никогда в жизни я не был так счастлив как сейчас, — негромко, но взволнованно произнёс Ратмир спустя некоторое время. Он лежал на спине, подложив левую руку под голову. Пальцами правой руки перебирал шелковистые пряди волос Ольги, чья голова лежала у него на груди. Девушка нервно покусывала губы и, казалось, теперь не знала как себя вести.

— Что же теперь будет, Ратмирушка? — стеснительно прошептала она, не поднимая на него глаз.

— А теперь мне сам дьявол на страшен, Олюшка моя, — ответил скоморох. — И я сделаю всё, чтобы устроить наше счастье.

— Ведь твои злоключения уже закончились? — неожиданно спросила она.

— Да нет, радость моя. К сожалению — нет. Становится слишком опасно. Нам с тобой придётся сегодня же укрыться в итальянском посольстве. И сегодня же нужно начать готовить документы на выезд из этой страны. Только, когда мы окажемся в Италии, я буду спокоен за тебя.

— Что ты такое говоришь?! — Ольга от удивления даже приподнялась на локте, не

замечая, что грудь её оголилась. — Разве же нас примут в итальянском посольстве? И почему мы там должны скрываться? Что ты такого натворил, Ратмирушка? Мы, что, и вправду поедem в Италию?!

— Да, радость моя. А в итальянском посольстве мои друзья и они помогут нам уехать в мою любимую, солнечную Италию. Ты тоже обязательно её полюбишь. И там я тебя познакомлю с моим Учителем...

— Учителем? Ты никогда не говорил мне о нём, — по-детски удивлённо проговорила Ольга и, спохватившись, прикрыла грудь покрывалом.

— Не нужно, — Ратмир придержал край покрывала. — Дай мне возможность любоваться этой красотой. А Учитель мой — это святой для меня человек. И если бы не он, то ещё неизвестно кем и где я сейчас был бы.

— Он тоже живёт в Италии?

— Да, Олюшка и он будет очень рад нашему счастью.

— А как зовут твоего Учителя? Ты с таким уважением говоришь о нём, — по-детски рассудительно произнесла Ольга.

— О нём мы с тобой потом поговорим. А сейчас, душа моя, я прошу тебя остаться дома и ждать моего приезда. Собери только всё самое необходимое. Я сегодня же перевезу тебя в посольство...

— В итальянское? — уточнила Ольга и глубоко вздохнула: — Ох, Ратмирушка, что-то так страшно мне.

— Не бойся, ангел мой, — Ратмир пальцем приподнял за подбородок её чудную головку, лежавшую у него на груди. Он вновь восхитился отточенными чертами лица девушки и бездонной фиалковой красотой её выразительных глаз. Губы Ольги были полуоткрыты, и она была так привлекательна в своей незащищённости и наивности. Ратмир провёл рукой по шелковистой коже вдоль её горячей спины, дошёл до ложбинки между бёдер ... Ольга вздрогнула, и слегка сжалась...

— Не бойся, счастье моё, — дыхание Ратмира вновь стало частым и тяжёлым и, дрожа от нетерпения, скоморох опрокинул девушку на спину, Его тяжёлая рука легла на девичью грудь, а правым коленом он осторожно раздвинул её бёдра...

Спустя некоторое время Ратмир, уже одетый, стоял у окна и внимательно оглядывал окрестности.

— Если бы ты знала, ангел мой, как мне не хочется сейчас расставаться с тобой! — с сильной досадой произнёс он, отходя от окна. — Но мне сейчас очень нужно переговорить с Антонио. У меня ведь тут ещё остаются дела.

Ольга, стеснительно прикрывая наготу покрывалом, неумело пыталась прикрыть и оставшиеся на нём следы её теперь утраченной невинности. Ратмир, заметив это, счастливо улыбнулся и, подойдя к ней, опустился на колени. Он взял её за руки и, прижавшись к ним горячими сухими губами, прошептал: — Благодарю тебя, пресвятая дева Мария! Ты мне послала самое большое счастье, что может получить мужчина...

— А кто такой Антонио? — пытаюсь скрыть смущение, опустил голову, спросила Ольга.

— Это мой друг. Я вас сегодня же и познакомлю. Всё, радость моя, мне нужно поторопиться. Возможно, что мы покинем Москву сегодня ночью, а с документами нас догонят. У нас есть свои курьеры в разных городах, — Ратмир с трудом оторвался от возлюбленной и буквально заставил себя выйти из её опочивальни.

Через несколько мгновений он, гарцуя на лошади, кинул взгляд на окно Ольгиной

опочивальни и увидел там тоненькую, почти воздушную фигурку девушки и её бледное, слабо улыбающееся лицо в ореоле золотистых прядей.

«Моя! Моя навеки!» — пело и ликовало в душе у Ратмира. Он пришпорил свою лошадь и стремглав унёсся на ней в сторону Москвы.

Глава 15

— Что опять такого срочного у тебя приключилось, Ратмир, что мне из-за этого пришлось покинуть заседание в посольстве?! Мы же договорились посылать друг другу этот символ только в самых чрезвычайных ситуациях, — встревожено воскликнул на итальянском Антонио, сидя верхом на породистом гнедом жеребце. На нём как всегда был надет длинный плащ с капюшоном. Антонио только что прискакал к их условленному месту, но спешиваться не торопился.

Ратмир вскочил со своего места под раскидистым кустарником и приблизился к нему: — Мне сейчас очень нужна твоя помощь, брат Антонио.

— Говори скорее, а то, может, я ещё успею вернуться. А что ты так улыбаешься загадочно?

— Просто я очень счастлив, брат, — глаза скомороха светились радостью. — Но мне, действительно, нужна твоя помощь. И не только мне...

— Дай, догадаюсь, — пристально посмотрел на него красавец Антонио из-под края тёмно-красного капюшона с чёрной окантовкой. — Твоя юная копия нашей Виолы Седеркрейц наконец-то окончательно решила бежать с тобой?

— Она не копия Виолы, — нахмурился Ратмир. — Она — моя невеста и даже уже... — внезапно он замолчал и поднял на Антонио светившиеся счастьем глаза.

— Даже так! — понимающе шевельнул бровями Антонио. — Поздравляю, брат. Хотя ты у нас в этом деле всегда был в первых рядах. Так чем ещё я должен тебе помочь? Помнится, в прошлый раз ты хотел, чтобы я изготовил вам документы для отправки в Италию. У меня уже почти всё готово, осталось только вписать её имя.

— Это всё нужно, — кивнул Ратмир. — Но ещё очень важно, чтобы в эту ночь и, возможно, следующую, мы с ней смогли укрыться на территории посольства.

— У неё такой всемогущий отец? — удивился Антонио, слегка покачиваясь в седле. Конь его в нетерпении переступал длинными, тонкими ногами.

— Это не связано с её отцом, — опять нахмурился скоморох. — Это связано, скорее с одним преступлением, которое я смог наконец-то раскрыть сегодня до конца.

— А помнишь, брат, я ведь ещё тогда говорил, что тебе нельзя этим здесь заниматься? Что весь этот твой сыск может очень повредить нашей основной работе? Ты сейчас просишь укрыть тебя вместе с твоей юной сударыней на территории посольства, что может привести к политическому скандалу. Ты собираешься досрочно покинуть страну, где у тебя остаются незавершённые дела...

Ратмир при этом, молча, опустил голову

— Конечно, Учитель поймёт тебя. Ведь ты у него в любимчиках! — продолжил тихо Антонио. — Но ты же и нас сейчас можешь подвести. Люди днём и ночью роют тоннель, потому что ты пообещал Учителю вернуть одну известную библиотеку на её законное место. Другие наши братья занимаются организацией католических коллегий в разных городах этой варварской страны. Пытаются донести и закрепить в сознании местного населения основные

догмы и постулаты нашей святой веры. Все преданы своему делу, как и клялись тогда на встрече у папы. Только ты один занимаешься ещё непонятно чем, кроме своей основной обязанности...

— Так ты не сможешь мне помочь? — подняв на него глаза, прищурился Ратмир. Голос его прозвучал холодно и отстранённо.

Антонио внимательно посмотрел на него: — Всё так серьёзно, брат?

— Я уже говорил, что однажды из-за этой деятельности упустил своё счастье. Больше этой ошибки повторять не намерен, — твёрдо ответил скоморох, не сводя прищуренных глаз с Антонио.

Тот помолчал, потом вздохнул и кивнул:

— Ну, хорошо. Похоже, что в этот раз у тебя, действительно, что-то стоящее.

— Мне только отвезти её в Италию, обвенчаться и я тут же вернусь и всё доделаю как надо, — торопливо произнёс скоморох. — Я буду спокоен за неё, если она будет дожидаться меня там. Тогда я смогу уверенно завершить здесь свою миссию.

— Обвенчаться?! Даже так!.. Ну, что же, приходите оба как стемнеет к боковой двери посольства в полночь. На пять минут эта дверь будет открыта. Если не успеете...

— Успеем, брат, — опять улыбнулся Ратмир и протянул руку: — Спасибо, брат. Я твой должник навсегда.

— Постарайся не забыть об этом, когда наступит время, — усмехнулся Антонио. — Всё, брат, мне пора. Увидимся завтра утром в посольстве. Сегодня ночью там вам покажут вашу комнату.

Ратмир благодарно улыбнулся и кивнул в ответ.

Антонио надвинул на голову поглубже капюшон и поскакал в сторону Москвы. На повороте от реки он внезапно услышал чей-то свист и оглянулся — неподалёку от кустарника стоял неизвестный ему крепкий черноволосый и чернобородый мужчина.

— Что тебе нужно? — по-русски крикнул ему Антонио. — Говори быстрее... Я тороплюсь...

— У меня к тебе есть серьёзный разговор. Это касается твоего друга Ратмира, — неожиданно на латыни ответил ему незнакомец.

Заинтригованный услышанным, Антонио приблизился к нему, спешил и слушал его внимательно около пяти минут, периодически задавая какие-то вопросы. Потом покачав головой, за руку попрощался с незнакомцем, что-то ему сказал и ускакал прочь.

Солнце начинало клониться к закату, когда Ратмир подъехал к постоялому двору, на котором остановились скоморохи. Для них, только что вернувшихся с представления на Торговой площади, его появление стало большой радостью.

— Ой, Ратмир, наконец-то! Мы так по тебе соскучились! — восклицали без устали женщины, устроив вокруг него весёлую кутерьму. Мальчишки скакали от радости и крутили сальто. Мужчины сдержанно поздоровались за руку и с довольными лицами степенно расселись по лавкам. Женщины тут же бросились накрывать стол, послав мальчишек вниз в корчму за едой. И вновь они сели за стол одной большой, дружной, скоморошьей семьёй.

— Как же я сам по вам по всем соскучился! — воскликнул Ратмир.

— Ну, что, узнал уже кто преступник? — спросила детским голоском Авдотья.

— Думаю, что узнал, — кивнул голодный Ратмир, подтягивая к себе поближе блюдо с

жареным мясом.

— Ура-а-а! — воскликнул Андрейка. — Это значит, что ты, дяденька Ратмир, сегодня к нам уже вернёшься?

— Пока нет, — покачал головой скоморох. — Чуть позже.

— Понятно, — с ехидцей произнесла Авдотья. — От Мирославы своей никак не оторвётся. Вон ведь глаза-то как светятся — ослепнуть можно...

Ратмир поймал внимательный взгляд старика Никифора и вздохнул: — У меня к тебе разговор есть, Никифор. Пойдём, поговорим.

— А пошли, — сразу согласился тот и вскочил из-за стола.

— Только вы недолго, а то нам без вас скучно, — весело кинула им вслед Елена.

— Ну, говори, — глухо произнёс Никифор, исподлобья глядя на Ратмира. Они стояли около высокой изгороди постоянного двора, за которой тянулось большое поле.

— Женюсь я, Никифор, — счастливо улыбаясь, произнёс скоморох.

Наступила тишина. Никифор побледнел. Перевёл взгляд куда-то вдаль, и на лице его заиграла странная улыбка.

— Что же ты не поздравил меня? — удивился Ратмир.

— Это ведь не Мирослава? — осторожно спросил Никифор.

— Нет, не она, — на секунду помрачнев лицом, вздохнул его собеседник.

Старик Никифор прикрыл на мгновение глаза и с явным облегчением произнёс: — От всей души поздравляю тебя, Ратмир! Дай Бог тебе всего! И детишек побольше, — неожиданно весело добавил он. — Я по нашим мальчишкам вижу, что из тебя получится хороший отец.

— Спасибо, Никифор! — опять лучезарно улыбнулся Ратмир. — А почему ты не спросишь кто моя избранница?

— Кто твоя избранница? — послушно спросил умиротворённым голосом Никифор.

— Её зовут Олюшка и она прекрасна как весенний цветок.

— Ты же на других и не обращаешь внимания, — усмехнулся старик Никифор. — Чьих она будет?

— Она дочь купца, — улыбнулся Ратмир. — Но это для меня неважно. Главное, что я полюбил её всей душой и она меня тоже.

— А как же Мирослава? Она уже знает? — опять осторожно спросил старик Никифор.

Улыбка сошла с лица Ратмира:

— Да, она всё знает, — сухо ответил он и добавил: — И совершенно не против.

— Можно подумать, что ты стал бы её слушать, если бы она была против, — нахмурился старик Никифор.

— Ты прав, Никифор. Конечно, не стал бы... — пожал плечами Ратмир.

— И когда ты всё успеваешь, Ратмир? — покачал головой старик Никифор. — Ещё неделю назад я от тебя не слышал ни про какую Олюшку.

— Это — судьба! — радостно воскликнул его собеседник. — Всё как в балладах — они неожиданно встретились и полюбили друг друга на всю оставшуюся жизнь... Только нашим пока не говори никому, Никифор.

— Это ещё почему? — удивлённо поднял тот брови.

— Дело в том, что я нашёл человека, который организовал все эти убийства. Он из числа людей, приближённых к Великому государю. В любой момент этот человек может

решить, что я слишком много знаю. И мне очень не хочется, чтобы из-за этого кто-то пострадал, тем более моя избранница. Поэтому, Никифор, завтра или послезавтра я уезжаю вместе с ней в Италию.

— Погоди! А как же мы?! — ошарашено воскликнул старик Никифор.

— Ты меня не дослушал, — с досадой произнёс Ратмир. — Я только хочу увезти её туда. Как только мы доберёмся до места, то тут же обвенчаемся и спустя пару дней я тронусь в обратный путь. И после, спустя месяц — другой уже вместе с вами опять вернусь в Италию. Просто, если моя Олюшка будет там, я буду за неё спокоен...

— А-а... — понимающе кивнул старик Никифор. — А нашим ты, как всегда скажешь, что едешь по срочному делу?

— Ты читаешь мои мысли, Никифор. Оно и впрямь срочное — это дело, — весело рассмеялся Ратмир.

— Иногда читаю, — со странной улыбкой согласился тот. — А иногда мне кажется, что я тебя и вовсе не знаю.

— Брось, Никифор! Всё будет хорошо! — Ратмир ободряюще похлопал его по плечу. — Прости, я тороплюсь. Передай нашим, что всех помню и люблю, и что скоро увидимся.

— Уж куда как скоро! — добродушно проворчал Никифор. — Почитай месячишко с лишним тебя и не будет в Москве.

— Время быстро бежит, Никифор, — Ратмир направился к своей лошади. Легко запрыгнул на неё и, помахав Никифору рукой, умчался по деревянной мостовой.

Глава 16

— И что? Ты понимаешь, что этого мало?! Стоило из-за этой чепухи огород городить! Что — не смогла вытрясти из него побольше?! — дьяк Лаврентий с силой хлопнул по своему деревянному столу ладонью. Он повернулся лицом к двери, ведущей в его вторую комнатку, и тоненьким фальцетом прокричал в ту сторону: — Навыки теряешь что-ли? Мне здесь даже не за что зацепиться... ерунда какая-то! Одно остаётся — прямо сейчас скопом всех его дружков-скоморохов посадить в подземелье. Вот тогда он точно заговорит, мерзавец!.. Хотя есть у меня и ещё одна задумка...

В этот момент дьяку Лаврентию показалось, что скрипнула входная дверь, и он быстро обернулся, но там никого не было. Тогда он, не торопясь, сел на лавку за стол и, подперев рукой лоб, озабоченно произнёс: — Всё-равно я тебя достану, пёсий сын! Никто ещё от меня не уходил. А уж за поимку вражеского шпиёна мне Государь не то, что деревеньку — целую волость может отписать во владение...

Начало темнеть, когда Ратмир на своей лошади уже торопился вернуться к возлюбленной, чтобы поскорее спрятать её в итальянском посольстве. Он скакал по деревянным мостовым Москвы и внезапно услышал, как его окликнул знакомый женский голос. От досады Ратмир даже поморщился, но приостановил коня и глянул в сторону Мирославы. А это была именно она, и вид у неё был крайне возбуждённый:

— Ратмирушка, свет мой ясный, — торопливо заговорила она, боясь, что он её прервёт. Лошадь под ней тоже, казалось, нервничала и беспокойно перебирала ногами.

— Послушай, Мирослава! — неожиданно для себя Ратмир повысил на неё голос: — Ты же уже взрослая женщина и должна понимать слово «нет»...

— Да погоди, Ратмирушка... — попыталась перебить его женщина.

— Да нечего тут годить! Я тебе уже тогда сразу сказал, что между нами не может быть ничего серьёзного! — Ратмир даже отмахнулся, словно отодвинул её от себя.

Но женщина не унималась и, умоляюще протянув обе руки к нему, простонала:

— Да выслушай же ты меня, Ратмир!

— Извини, Мирослава, но ты меня сама вынуждаешь сказать это, — неожиданно негромким, звенящим голосом произнёс скоморох и добавил: — Я встретил и полюбил другую. Уверен, что это на всю мою оставшуюся жизнь. А старая баба должна понимать, что она старая баба! Оставь же меня наконец-то в покое, Мирослава!

Наступила оглушительная тишина. Ошеломлённая услышанным, Мирослава, беззвучно открывала и закрывала рот, пытаясь осмыслить сказанное Ратмиром. Тот с досадой поморщился и, стегнув свою лошадь, унёсся в наступавшую темноту.

Мирослава всхлипнула, глаза её наполнились слезами и, прижав ладонь ко рту, она глухо застонала. В голове у неё крутилась только одна фраза: «Старая баба... старая баба...»...

Так она просидела какое-то время, приходя в себя. Лошадь её тревожно прядала ушами и косила вбок большим карим глазом... Вскоре Мирослава, прикрыв лицо руками, несколько раз глубоко вздохнула, затем опустила руки и уверенно направила лошадь в сторону постоянного двора на окраине Москвы.

На постоялом дворе она окликнула мальчишку-полового и, дав ему монетку, велела быстро позвать Никифора...

Если бы перед ним вдруг с небес опустился бы сам архангел Гавриил, Никифор был бы менее поражён, чем его поразило появление Мирославы. Он, на вдруг ослабевших ногах, поспешил к ней. На лице Никифора засияла радостная улыбка, но глянув в глаза женщины, он тут же перестал улыбаться и озабоченно спросил: — Что случилось, Мирослава Авдеевна? С Ратмиром что-нибудь?

— Да нет, с ним как-раз пока всё в порядке, — непривычно-глухим голосом ответила ему женщина. — Быстрее собирай своих товарищей, Никифор и едемте со мной. У вас ведь есть повозка?

— Повозка есть. Всё так плохо? Тебя, боярыня, сам Ратмир за нами прислал? — встревожено спросил Никифор, не сводя с неё глаз.

— Нет, не он... я его хотела предупредить, чтобы он помог вам скорее бежать, но...

— Что «но»? — с нажимом спросил Никифор.

— Он даже не стал меня слушать, — неожиданно всхлипнула Мирослава и зажала рукой рот. Потом откашлялась и встревожено добавила: — Вам всем грозит страшная опасность. Дьяк Лаврентий хочет сегодня же вас всех арестовать и посадить в тюрьму. Я хочу помочь вам и спрячу вас в надёжном месте.

— Не нужно, не печалься, боярыня, — поспешил её успокоить взбешённый Никифор. — Жди нас здесь. Мы мигом.

Спустя короткое время повозки со скоморохами уже неслись в сторону Девичьего поля. Впереди повозок, рядом друг с другом на лошадях скакали Мирослава и старик Никифор.

Ратмир во весь опор летел на лошади по Девичьему полю. Неприятный осадок от встречи и разговора с Мирославой не давал ему покоя всю дорогу. Но на подъезде к подворью, где его ждала юная возлюбленная, он забыл обо всём и думал только о том, как

сильно сейчас прижмёт к себе свою пока невенчанную красавицу-жену и о том, чтобы скорее увезти и спрятать её в итальянском посольстве.

Внезапно Ратмир увидел, что ворота приоткрыты и, приструнив лошадь, медленно въехал во двор. На подворье стояла странная тишина. Охранника у ворот не было. Темнота всё больше опускалась на землю...

— Никодим, Никодим, — громко крикнул Ратмир, озираясь по сторонам. Потом он кинул взгляд на тёмное окно опочивальни его Олюшки и, охваченный каким-то предчувствием, быстро спрыгнул с лошади и, перескакивая через две ступеньки крыльца, поспешил в терем. Его встретили полумрак, тишина и беспорядок. Ратмир по лестнице взбежал наверх и, распахнув дверь в опочивальню, замер на месте — в комнате царил хаос. Все вещи были разбросаны, а самой Ольги нигде не было видно. Ошарашенный Ратмир сделал шаг вперёд и неверным голосом позвал: — Олюшка, где ты? Отзовись, ладушка моя...

Ответом ему была зловещая тишина. Ратмир оббежал всё вокруг, на всём подворье не было ни единой души. Только из хлева и птичников доносились звуки засыпавших животных и птиц...

Не понимая, что происходит и что ему делать, Ратмир метался, словно загнанный зверь. Наконец обессиленный, бледный и взмокший от переживаний, он присел на верхнюю ступеньку лестницы, ведущей на второй этаж и, прислонившись спиной к бревёнчатой стене, прикрыл глаза. Он пытался сообразить, что сейчас, ночью, можно предпринять для поиска Олюшки. И тут же, сражённый усталостью и переизбытком впечатлений за день, скоморох просто отключился.

Уже светало, когда внезапно сквозь сон он услышал на первом этаже на лестнице чьи-то шаги и кинулся вниз. Увидев поднимавшегося по ступенькам с виноватым видом Никодима, Ратмир подскочил к нему и, схватив за ворот старенькой косоворотки, тихо страшным голосом спросил: — Где молодая хозяйка?! Где все?! Что здесь произошло?

— Так это...барин... Не извольте гневаться на меня... Моей вины тут нет никакой... — забормотал тот, пытаясь освободить ворот рубахи от цепких пальцев скомороха.

— Да говори же ты уже, бестолочь! — рявкнул на него Ратмир.

— На двор наш ворвались служивые и арестовали нашу барышню Оленьку. А народ-то со страху весь побежал в болота. И я с ними. Всю ночь там просидели... Вот только возвращаемся... — развёл руками Никодим, тряся редкой бородкой.

— А хозяйка где? Где Анна Дмитриевна?!

— Так эти служивые и её с собой забрали... Может вскоре обе и вернутся...

— Какие служивые?! Из какого приказа?! — продолжил трясти его за ворот обезумевший скоморох.

Послышался треск порвавшейся материи.

— Ох, барин, ты же мне единственную рубаху порвал, — жалобно произнёс Никодим, пытаясь рукой нащупать место разрыва.

— Я убью тебя сейчас! Из какого приказа были эти люди?! — Ратмир в ярости замахнулся на него кулаком.

— Из Разбойного, барин!.. Сказали, что из Разбойного... — прикрывая голову руками, торопливо произнёс охранник Никодим.

— Разбойного?! Почему — Разбойного?! — воскликнул Ратмир.

— А я почём знаю! Сказали, что из Разбойного и чтобы ты сам к ним туда явился, — растерянно пробормотал охранник, пытаясь поправить разорванный ворот.

Ратмир, оттолкнув его от себя, кинулся вниз по ступенькам.

— Что же ты задумал, стольничий?! Решил руками дьяка Лаврентия достать меня? Я убью тебя, Васька Хомутов! — пробормотал он, запрыгивая на лошадь. — Не дай Бог, хоть один волос упадёт с её головы!

Едва почти загнанная лошадь Ратмира остановилась около ворот Разбойного приказа, как Ратмир тотчас же спрыгнул с неё и кинулся вовнутрь.

— Эй, стой! — только и успел ему крикнуть вслед стоявший на страже заспанный ратник и, тяжело гремя кольчугой и копьём, побежал за ним.

Ратмир добежал до дверей помещения, где обычно находился дьяк Лаврентий и, пробежав мимо дремавшего второго ратника, ворвался туда.

— Стой, оглашенный! — проснулся второй ратник и вдвоём с первым забежали вслед за Ратмиром.

— Где?.. Где он?! Где она?! — заметался по комнате разъярённый Ратмир. Он ногой распахнул дверь во вторую комнату и, увидев, что и она пуста, обернулся к ратникам: — Где дьяк Лаврентий?! Где моя Олюшка?!

— А ну, охолопись маленько! — рявкнул на него ратник и выставил копьё перед собой. — А то сейчас не посмотрю на то, что в приличном кафтане. Вмиг на копьё подниму!

Ратмир непонимающе посмотрел на него, потом на копьё, помотал головой и уже тише произнёс:

— Мне сказали, что ваши служивые захватом увезли мою невесту Ольгу прямо с подворья, что на Девичьем поле...

— Так ты Ратмир что-ли? — усмехнулся второй ратник.

— Да, я, я — Ратмир! Где моя Олюшка?! Кто приказал арестовать её? — возбуждённо воскликнул скоморох.

— Как — кто? Сам дьяк Лаврентий и приказал. И велел передать, что будет ждать тебя на колокольне Смоленского собора, что в Девичьем монастыре. Только ты что-то долго добираться. Он тебя с ночи уже там ждёт, — опять довольно усмехнулся второй ратник.

— Почему на колокольне? — ошеломлённо посмотрел на него скоморох. — И я ведь только что прискакал с Девичьего поля...

— Ну, как у нас говорится — бешеному псу семь вёрст не крюк. Так что, давай — вертайся обратно, — радостно загоготал первый ратник. Второй дружно его поддержал.

Ратмир только, молча, посмотрел на них, стремглав выскочил из комнаты и побежал по длинному коридору к выходу.

— Прости, милая, — прошептал он своей лошади и, запрыгнув на неё, вновь поспешил на Девичье поле, к женскому монастырю, на территории которого находился Смоленский собор.

Глава 17

Над огромным Девичьем полем, подёрнутым лёгким утренним туманом, разносился малиновый колокольный звон, призывавший к заутренней молитве. Ещё не до конца стряхнувшие с себя оковы сна богомольцы и странники спешили по натопанной дороге к раскрытым деревянным воротам Девичьего монастыря на службу.

Ратмир, не замечая ничего вокруг, пронёсся на измученной лошади к воротам

монастыря, распугивая богомольцев и прихожан. В воротах он разминулся с небольшой крытой повозкой. На мгновение она ему показалась знакомой, но влекомый только одной целью, он проскакал дальше, к белевшему в предрассветном сумраке Смоленскому собору.

На территории монастыря было тихо. Только запаздывавшие к службе люди, тихонько переговаривались между собой, непрерывно крестясь и оглядываясь по сторонам.

Ратмир проскакал к самому Смоленскому собору и быстро спешившись, посмотрел наверх. Там, на колокольне, заканчивали частым перезвоном свою партию малые колокола.

Откуда не возьмись к скомороху подошли два бородатых ратника Разбойного приказа с копьями наперевес:

— Ты ли Ратмир? — глуховатым голосом спросил один из них.

— Я, — торопливо ответил скоморох.

— Что-то ты долго добирался. Почитай всю ночь тебя здесь караулим. Мог бы и поторопиться, уважить дьяка Разбойного приказа, — недовольно проворчал один из них и со словами: «Я пошёл за ним», направился куда-то в сторону хозяйственных построек.

— А ты иди, подымайся на колокольню пока, — указал рукой наверх второй ратник.

— Куда идти-то? Где здесь вход на колокольню?

— погоди, — ответил второй и сунул ему в руку какую-то палку, оказавшуюся незажжённым факелом. Ратник, ударив кресалом по кремню, высек огонь, и факел тут же загорелся ярким, чадящим пламенем. — Теперь иди, а то темно там, на ступеньках, пока до верха доберешься.

Ратмир ринулся в темноту. Навстречу ему спускался звонарь, сразу шарахнувшийся от него в сторону. В дрожащем свете факела скоморох увидел крутые ступеньки, ведущие наверх и, позабыв об усталости, стал быстро подниматься по ним.

Ступив на широкую округлую площадку, он увидел огромный колокол-благовестник, занимавший почти треть площадки и свисавший ещё где-то на полэтажа вниз прямо наружу. С другой стороны были устроены ниши для средних и малых колоколов. Рядом, в небольшой нише стены, стояла крепкая скамья для звонаря. На колокольне никого не было. Ратмир воткнул горящий факел в специальное гнездо на метровой толщины стене и выглянул в продолговатое, неширокое отверстие-окно. С высоты колокольни открывался красивый вид на широкую равнину с густым лесом по краям. В свете восходящего солнца натёртым медным пятакон блестела поверхность знакомого ему озера. Неожиданно Ратмир увидел нескольких людей, появившихся из дверей какого-то деревянного пристроя. Они направились в сторону собора. Возглавлял их сам дьяк Лаврентий. Он шагал широкими, быстрыми шагами так, что сопровождавшие его люди едва поспевали за ним. Из-за веток и листьев высокого дерева Ратмир никак толком не мог разглядеть их, но ему показалось, что среди них была и женская фигура. С сильно бьющимся сердцем он стал дожидаться их на верхней площадке колокольни.

— Ну, вот! Я так и знал, что ты примчишься сюда словно ужаленный! Так я люблю это место, Ратмирка! Отсюда вид какой, глянь! — радостным фальцетом продребезжал дьяк Лаврентий, показавшись в проёме входа на колокольню. Следом за ним зашли три, крепких на вид, бородатых ратника. — Только что не сразу-то прискакал? А то мы тебя потеряли, и пришлось даже кое-какие меры принять. Ночь, почитай, из-за тебя не спали...

— Что происходит, дьяк Лаврентий?! — кинулся к нему ничего не понимавший Ратмир. — Я выполнил все твои условия и готов назвать тебе имя человека организовавшего эти страшные убийства.

— И кто же это? — прищурившись, с живым интересом спросил дьяк.

Ратмир кинул обеспокоенный взгляд на стоявших за его спиной ратников. Женщины среди них не было.

— Не бойся, говори. При них можно, — по-своему расценил его беспокойство дьяк Лаврентий и усмехнулся.

— Стольник Василий Хомутов.

— Что?! Васька Хомутов?! — аж подскочил на месте дьяк. — Это точно?!

— Точнее некуда, — кивнул Ратмир. — Единственное, что он убил почти всех, кто знал об этом. Первыми, руками его сообщников, были убиты молодые послушницы. Они случайно узнали о мошенничестве с вкладами состоятельных монахинь в монастырь и по своей наивности решили добиться справедливости.

— Справедливость — это всегда хорошо, — назидательно поднял указательный палец вверх дьяк Лаврентий.

— Да, хорошо. Но только послушницы за это свои жизни отдали. Потом он убил почти всех, кто знал об этом и помогал ему. В том числе и певчего Никитку. Отца Павла он убил при мне.

— Сам убил? — как-то обыденно спросил дьяк Лаврентий.

— Нет, — покачал головой Ратмир. — Дал приказ своему опричнику.

— А кто остался в живых?

— Я ... и его опричники, убивавшие по его же указке, — Ратмир озабоченно огляделся по сторонам.

— Ну, тебя-то я ему ни за какие коврижки не отдам, — усмехнулся дьяк Лаврентий и плотоядно посмотрел на Ратмира. — А вот то, что Васька сунулся в монастырскую казну... Да-а, для меня это новость! И сделать-то, считай, с ним ничего сейчас нельзя.

— Почему? — удивлённо посмотрел на него Ратмир.

— Васька сейчас в больших любимцах у Великого государя и по-всякому отвертится, — озабоченно покачал головой дьяк Лаврентий. — Но мне это знание по-любому пригодится. Потому как я всё-равно постараюсь рано или поздно добить этого прощельгу... А что ты всё высматриваешь, Ратмир? — усмехнулся дьяк, с усмешкой наблюдая за взволнованным скоморохом.

— Мне сказали, что твои люди приезжали на подворье Михайловой Анны Дмитриевны и увезли её внучку Ольгу, — Ратмир тревожно посмотрел на него.

— Это правда, приезжали, — кивнул дьяк. — И забрали с собой.

— Это стольничий Хомутов тебя попросил? Он хочет и меня убить, человека, знающего о его преступлении. Но Ольга здесь не при чём. И я тебя очень прошу отпустить её прямо сейчас, — Ратмир умоляюще посмотрел на дьяка Лаврентия.

— Вот оно! — неожиданно воскликнул тот и счастливо рассмеялся дребезжащим смехом. — Ты даже не представляешь себе, Ратмирка, как я ждал этого момента! Как ночами я себе представлял эту картинку и вот теперь могу от души наслаждаться этим.

— Что происходит, дьяк Лаврентий? — тихо спросил Ратмир, предчувствуя нехорошее.

— Эх, Ратмирка-Ратмирка! — покачал головой дьяк Лаврентий и кивнул своим ратникам: — Свяжите ему руки за спиной и киньте на пол сидеть, — и многозначительно добавил: — Пока...

Ратмир напрягся всем телом: — В своём ли ты уме, дьяк Лаврентий?!

— А я бы на твоём месте и не сопротивлялся. Иначе никогда не увидишь свою Ольгу, —

зловеще усмехнулся тот.

— Так нечестно! — Ратмир отступил к стене.

— Можно подумать, что ты всегда поступаешь по-честному, — покачал головой дьяк Лаврентий. — Ну, так как — согласишься себя связать? И тогда увидишь свою Ольгу. Она здесь...

— Оказывается, дьяк, с тобой нельзя иметь никаких порядочных дел, — со скрытой угрозой произнёс Ратмир, позволив связать себе за спиной руки. — И ты ответишь когда-нибудь за это.

— Мы все когда-нибудь ответим за свои дела, — философски заметил дьяк Лаврентий, усаживаясь на потемневшую от времени скамью звонаря, вытащив её предварительно из ниши колокольни. Он кивнул одному из ратников.

— Где Ольга? Я хочу увидеть её и убедиться, что она здорова, — только и успел произнести Ратмир, как ударом кулака ратника был сбит на пол. Он привстал на одно колено и, слизнув кровь с разбитой губы, помотал головой и тихо спросил: — Что это всё значит? Где Ольга?

— Да, хватит уже долдонить своё — Ольга да Ольга! — дьяк Лаврентий опустил голову и когда он вновь поднял её, то в его глазах светились злорадство и ненависть: — Ну, Ратмирка, начинай рассказывать...

— О чём? — Ратмир кинул быстрый взгляд на ратников, их оружие и благовестный колокол, выходящий за стены колокольни. Он уже понял, что дьяк Лаврентий устроил ему ловушку и что Ольге грозит серьёзная опасность. Ратмир начал быстро соображать, что можно сделать и стал понемногу освобождать связанные сзади руки. Он хорошо знал этот приём, — если при связывании рук их хорошенько напрячь, то потом можно быстро ослабить узел и освободиться.

— О том, как собирался сегодня с Ольгой бежать в Италию, — усмехнулся дьяк Лаврентий и добавил. — Только не нужно представляться дурачком, что якобы ты об этом ничего не знаешь.

— А я, действительно, не понимаю, о чём ты меня спрашиваешь, — спокойным голосом произнёс Ратмир, продолжая ослаблять узел на запястьях рук. Он на мгновение прикрыл глаза и потом в упор посмотрел на дьяка. — Ты чего-то путаешь, дьяк Лаврентий.

— Ну, если ты не собирался сегодня ночью прятаться с нею в итальянском посольстве и, если там у тебя нет друга по имени Антонио, а я уже выяснил, что в посольстве всего два Антонио, то да — я чего-то путаю, — дребезжащим зловещим смехом рассмеялся дьяк. Он с нескрываемым удовольствием увидел, как побледнел и замер Ратмир.

Скоморох опустил голову и замолчал.

— Что, Ратмирка, думал, что самый умный? — вольготно расположился на лавке дьяк Лаврентий. — Ан нет, братец ты мой, — шалишь! И у нас, русских, тоже голова на плечах имеется. Вот и скажи мне теперь, мил человек, каким ветром тебя занесло сюда? И откуда ты так наш язык знаешь, что от русского тебя и не отличить? Молчишь? А может ты, как самый распаскудный человечиска, нашу веру променял на богомерзкую католическую, да и державу свою предал? Сам знаешь, что с предателями везде разговор короткий. Но мне нужно, чтобы ты сам всё рассказал. Может тогда и поблажка тебе какая выйдет. Не в котёл кипящий, допустим, тебя окунать станем, а башку по-быстрому отрубим, чтобы не мучился.

— Я не понимаю, о чём ты говоришь, дьяк Лаврентий, — упрямо повторил Ратмир и, подняв на него стальной взгляд серых глаз, прищурился.

— Ну-ну, — добродушно кивнул дьяк. — Тогда уж поведай нам всем про своего Учителя. Который для тебя самый важный человек на всём белом свете...

Ратмиру на мгновение показалось, что на него опрокинули ушат ледяной воды. У него аж дыхание перехватило. Скоморох быстро опустил глаза, стараясь продышаться. Потом посмотрел на дьяка уничтожающим взглядом и тихо, с угрозой, произнёс: — Только пытки не может перенести женщина. Ты посмел пытаться мою Олюшку?! Я сам тебя порежу на ремни, дьяк Лаврентий! Запомни это!

— Ох, как я её пытал! Пытал и пытал, — покачав головой, весело согласился дьяк Лаврентий. — Твоя правда, Ратмирка! И так я её пытал и этак! И сяк и наперекосяк! Всю ночь пытал, пока мои не прибежали и не сказали, что ты примчался на лихом коне. Вот только тогда я и кончил её пытать, — довольным фальцетом расхохотался дьяк.

Ратмир с недоумением посмотрел на него, продолжая лихорадочно расслаблять узел на запястьях.

— Ну, ладно, Ратмирка, не стану я тебя больше мучить. Увидишь сейчас нашу Ольгу, — продолжая посмеиваться, дьяк кивнул своему ратнику, стоявшему у входа на площадку. Тот, молча, ушёл вниз, и через несколько минут в проёме входа появилась стройная женская фигурка в тёмном плаще с капюшоном. Светлые пряди волос выглядывали из-под капюшона, оттеняя бледное, осунувшееся лицо Ольги.

— Олюшка, солнце моё! — вскочил было на ноги Ратмир, но тут же был сбит на пол стоявшим рядом ратником. Ратмир вскочил на колени: — Скажи мне только — с тобой всё хорошо?! Он пытал тебя? Олюшка, что же ты молчишь?! Скажи мне только и я убью его!

— Да угомонись уже ты, Ратмир! Всё с ней в порядке, — неожиданно усталым голосом произнёс дьяк Лаврентий и махнул рукой Ольге: — А ты — иди сюда, садись рядом. А то в ногах правды нет, — дьяк Лаврентий показал на место на лавке рядом с собой.

— Олюшка, что происходит?! — растерянно воскликнул Ратмир, ошеломлённо наблюдая за тем, как Ольга, молча, прошла к лавке и села рядом с дьяком. Вот она подняла на него глаза, и он увидел тот самый взрослый взгляд, каким она вчера глянула на него, прежде чем отдаться в первый раз. — Кто он тебе? Это твой отец?

— Отец?! — хриплым фальцетом рассмеялся дьяк Лаврентий. — Ну и дурачок же ты, Ратмирка!.. Какие же мы — мужики, дураки! Кидаемся на каждую смазливую похотливую прелестницу и думаем, что она — ангел во плоти, — он кинул быстрый взгляд на Ратмира не сводившего глаз с девушки и обыденным голосом добавил: — Поллюбовники мы с ней, Ратмирка, поллюбовники. Вот уже три года как...

— Это неправда, — уверенно покачал головой скоморох. — Я точно знаю, что это неправда. Я не знаю, какую игру ты затеял, дьяк Лаврентий, но точно знаю, что это не так. Олюшка, что же ты молчишь?

— А-а, понял, — усмехнулся дьяк и посмотрел на Ольгу. — Это он к тому, что ты ему вчера якобы невинной девицей досталась.

Ольга усмехнулась и снисходительно посмотрела Ратмиру в глаза. Внутри у него всё похолодело.

— Вот ты, Ратмирка, как мне все говорили, вроде ученый человек, языки всякие знаешь. Не зря же тебя сюда в шпиёны прислали. А вот до таких простых вещей дотумкаться не смог, — довольно усмехнулся дьяк Лаврентий. — Ясно дело, что мужик после плотских утех бабе больше доверяет. Особенно, если она ему невинной досталась. И я, конечно, понимал, что просто пузырьком с куриной кровью с тобой не обойдёшься. Так у меня для таких умных

как ты повитуха одна есть. Она так подшивает, что комар носа не подточит. Вот и ты попался, — дьяк опять расхохотался. — Мы с Ольгой уже троих таких дурачков на эту наживку поймали... Ты — четвёртый!

Ратмир, стоя на коленях, смотрел на Ольгу и вдруг с ужасом начал осознавать, что всё сказанное сейчас дьяком — правда. Он вспомнил востроглазую бабу в старом кокошнике, прошмыгнувшую мимо него в воротах подворья Михайловой Анны Дмитриевны, перед тем как ему оказаться в опочивальне Ольги...

Ощущение омерзения и брезгливости стало наполнять всё его существо.

— Как же ты могла, Олюшка? — только и произнёс он, чувствуя, как страшная усталость наваливается на его плечи.

— Как я могла?! — неожиданно заговорила Ольга своим неповторимым детским голоском. Только в нём появились другие нотки — презрительно-возмущённые: — Да вы же все вокруг считали и считаете меня ребёнком, куклой! А я — взрослая женщина! Мне на самом деле уже двадцать минуло. Это я выгляжу так — как девчонка совсем.

Дьяк при этом согласно кивнул и по-хозяйски похлопал её по бедру.

Ратмир осел на пол и, прислонившись спиной к стене, побледнел, но продолжал ошарашено смотреть на вдруг обозлившуюся молодую женщину.

— Я не хочу, чтобы все носились со мной как с куклой: «Ох, Олюшка, ох, куколка! Ой, девочка!» — распалившись, воскликнула Ольга. Глаза её заблестали, щёки зарумянились. Она вновь превратилась в ту очаровательную, юную нимфу, что увидел Ратмир впервые на берегу озера.

Ольга с вызовом посмотрела в глаза Ратмиру: — Только Лавруша понял меня и принимает такой, какая я есть на самом деле.

— Какая же ты на самом деле, Олюшка? — тихо спросил Ратмир, устремив на неё пристальный взор.

— Да деньги она любит, Ратмирка, деньги! — воскликнул дьяк Лаврентий. — И утехи плотские. Такая затейница! — дьяк демонстративно по-хозяйски полез за пазуху молодой женщины. Она радостно взвизгнула и, кинув на Ратмира быстрый взгляд, прильнула губами к тощей шее дьяка Лаврентия. Ратмир закрыл глаза и застонал.

— Ну, всё-всё, отвяжись, прилипала, — попытался уговорить её дьяк Лаврентий и посмотрел на скомороха: — Не поверишь, Ратмирка, какие она мне фортеля в постели выкидывала, когда после свиданки с тобой ко мне прибежала. Ты-то её распалишь, да, вроде, как и бережёшь для себя, не трогаешь. А у меня она прям огонь была после таких свиданок. Да и сегодня ночью, пока тебя ждали, раза три её на пытки водил. Пытал её, пытал...

Ратмир открыл глаза и посмотрел на дьяка Лаврентия таким взглядом, что тот сразу замолчал и поскучнел. Затем повернулся к своей соседке: — Ну, всё, Ольга. Сиди смирно! Мне ещё кое-что нужно спросить у нашего дорогого гостя... Так как, Ратмирка, зовут твоего Учителя там — в Италии? Что это за деятель такой? Из политических?

Опустошённый и разочарованный скоморох глубоко вздохнул. У него не было желания говорить и возмущаться. Казалось, силы оставили его...

— Так что. Ратмир, теперь в молчанку будем играть? — внимательно посмотрел на него дьяк. — Не советую. Пока мы здесь, в моём любимом месте — на колокольне — лучше сам всё Расскажи. Ты же знаешь — наши пытки никто не выдерживает. Вон и Мирославу до конца допросили бы, если бы не дядя ейный. Откуда только узнал, мерин сивый! Пришлось отпустить. А так чуть-чуть оставалось — всё рассказала бы про твоих скоморохов...

— Мирослава?...Скоморохи? — непонимающе посмотрел на него Ратмир, и взгляд его стал приобретать стальной оттенок. — Что ты сделал с Мирославой? И причём тут мои скоморохи?

— А при том, Ратмирка, что, если бы ты вдруг всё понял или узнал про Ольгу, то схватить тебя было бы легче через арест твоих скоморохов. Тебя же не было всю эту ночь, и я уже было подумал, что ты оказался умнее меня и где-то схоронился. Вот и послал своих людей за твоими скоморохами. А только на постоялом дворе им сказали, что боярыня Кольчугова их увезла куда-то в эту сторону. Хорошо хоть её успели схватить. Вот и пришлось сегодня ночью Мирославу Авдеевну пытаться, чтобы сказала, куда скоморохов спрятала, — дьяк Лаврентий махнул рукой одному из ратников: — Иди кваску принеси. Что-то во рту пересохло.

Тот моментально кинулся исполнять его приказ.

Ратмир сидел у стены колокольни и молчал. Он уже понял, что это была за повозка, с которой он разминулся при въезде в монастырь...

— Ты знаешь, Ратмирка, крепкая бабёнка оказалась! Мне уже и Ольга взялась помогать — пальчики ейные в такие железные тиски вкладывала. Чуть-чуть оставалось, и призналась бы боярыня Кольчугова как миленькая. Да вот, помешал дядька ейный, — с досадой повторил дьяк Лаврентий.

Улыбавшаяся Ольга случайно перевела взгляд на Ратмира и вздрогнула. Он смотрел на неё исподлобья с такой ненавистью и презрением, что у неё по спине побежали мурашки. Она капризно скривила красивые губки и тут же отвернула лицо к дьяку.

— Та-а-к... Значит, Мирославу ты отпустил? — уточнил Ратмир, пошевелив за спиной пальцами свободных от пут рук. — И скоморохов моих не нашёл? — он кинул быстрый взгляд на продолжавший гореть и чадить факел.

— Пришлось её отпустить. Отличная, надо сказать, баба. Настоящая! За такой, как за каменной стеной, — неожиданно похвалил Мирославу дьяк Лаврентий. — А за скоморохами, если что, дело не встанет. Только на что они мне сейчас? — пожал он плечами. — Ты же у меня в руках. Что здесь не захочешь рассказать, то там внизу, в пыточной, поневоле расскажешь. Заодно и писец всё запишет. Да и Ольга вон поможет, если что. Большая она у меня мастерица по этому делу! И завтра я уже доложу Великому государю, что поймал настоящего итальянского шпиёна и получу за это хорошую награду. Наш царь очень любит и ценит такие подвиги.

— Что-то ты широко размахнулся, дьяк Лаврентий, — неожиданно усмехнулся Ратмир. Голос его не предвещал ничего хорошего. В глазах появился знакомый блеск.

Глава 18

Несколькими минутами ранее в ворота Девичьего монастыря быстро прошли несколько богомольцев в тёмных, замызганных одеяниях. Они, негромко переговариваясь, сразу направились в сторону Смоленского собора. Народ после службы стал выходить из собора и растекаться по территории монастыря. Богомольцы в тёмном подошли к входу на колокольню и о чём-то спросили стоявших рядом с ним ратников из Разбойного приказа. Те, настороженно, с большой неохотой что-то ответили. Но, когда один из богомольцев предложил недорого купить у него якобы найденный золотой перстень, у ратников загорелись глаза и они поспешили завести богомольца в помещение колокольни —

подальше от людских глаз. Товарищи богомольца, молча, переглянулись и быстро шагнули за ними. Тут же послышался короткий шум, звуки ударов и наступила тишина.

— Что там? — обеспокоенно спросил дьяк Лаврентий, повернувшись лицом к ратнику, стоявшему у длинного, узкого отверстия в стене колокольни. Тот выглянул наружу, посмотрел вниз и пожал плечами:

— Ничего, дьяк Лаврентий. Наши стоят, караулят.

— Крикни, пусть поднимаются. Пора этого скомороха на дыбу. А то ещё писать сколько придётся, когда доклад государю готовить стану, — дьяк Лаврентий испытующе посмотрел на Ратмира. — Ну, что, Ратмирка, один раз ты у меня дыбы избежал. Второй раз уже навряд ли получится...

— Это ещё как сказать, — пробормотал Ратмир, прикинув в уме расстояние от колокола-благовеста до ближайших крепких веток старого дерева. Только он напрягся, чтобы в прыжке схватить горящий факел и сунуть его в лицо ближайшему ратнику, как неожиданно на площадку ворвались другие ратники.

— Хватайте его, ребята! А то сейчас сбежит! — завизжал дьяк Лаврентий, проследив за взглядом Ратмира и предугадав его тайный замысел.

Но вбежавшие ратники, к его изумлению неожиданно молча, кинулись к стоявшим у стены своим товарищам и буквально изрешетили их пиками.

— Караул! Измена! — заверещал дьяк Лаврентий и в отчаянии заметался по площадке.

Обескураженный Ратмир, прижавшись к каменной стене колокольни, молча, наблюдал за происходящим.

Крепкий на вид черноволосый и чернобородый ратник, держа по копьё в каждой руке, вдруг растопырил их и, тяжело дыша, пошёл на дьяка. Тот, в поисках спасения, попытался увернуться от копий и стал отступать шаг за шагом назад в сторону благовеста.

— Кто ты?! Ты мне ответишь за это! Сам тебя распну! — отчаянно тонким фальцетом дьяк стал угрожать неизвестному ему ратнику.

— Хе-хе, попробуй! — зловеще усмехнулся чернобородый ратник и одним коротким ударом копья откинул дьяка на благовест.

— А-а-а! — успел только прокричать тот, скользя по ребристой поверхности колокола, и через пару секунд раздался глухой шлепок об землю. Тут же внизу завизжали женские голоса, поднялась суматоха.

Ратмир присмотрелся к чернобородому ратнику и понял, что знает его. Тот кинул на него молниеносный взгляд, подмигнул и тут же обернулся к прижавшейся к стене Ольге. Молодая женщина, увидев его взгляд, побледнела, и, выхватив откуда-то из складок плаща кинжал, сама кинулась на чернобородого ратника. Тот успел перехватить нападавшую за руку, но она тут же впилась ему в предплечье своими мелкими крепкими зубками. Ратник взревел от боли и, рывком дёрнув её на себя, схватил за голову.

— Не трогай! — только и успел проговорить Ратмир и тут же в ужасе зажмурился, успев всё-таки увидеть как лёгким движением руки, ратник рывком повернул голову молодой женщины резко вбок. Та только всхлипнула и кулем осела на каменный пол.

— Ой, извини, брат! Не сразу тебя услышал, — развёл руками чернобородый ратник и довольно огляделся по сторонам. — Всё! Теперь ты в безопасности.

— Кестутис! Откуда ты здесь?! Ты же был рыжим!

— Был, — добродушно согласился тот. — Да только после того, как я сбежал от своего папаша, меня же стали искать. Пришлось масть менять, да из опричников уходить. Вот и

организовал себе небольшую ватагу. Промышляем понемногу...

— А здесь-то ты как очутился? — повторил Ратмир, стараясь не смотреть на распростёртое на каменной площадке безжизненное тело Ольги.

— Так у меня, брат, память длинная — и на хорошее, и на плохое, — усмехнулся Кестутис, подавая руку Ратмиру и помогая встать ему с пола. — Хоть и привёз ты меня тогда к папаше на расправу, так я сейчас за то на тебя не в обиде. Ты своё дело делал. А вот то, что кинжальчик мне для спасения в руку сунул — этого я никогда не забуду. Как здесь говорят — долг платежом красен.

— Как же ты узнал, что я здесь? Следил за мной?

— Следил, брат, следил, — кивнул тот и усмехнулся. — Я ведь поначалу, когда от папаша сбежал, хотел тебя найти и убить. И, было, нашёл уже. Да только услышал тогда в лесочке как ты с одним господином, одетым в плащ с капюшоном, на итальянском языке разговаривал. Я ведь и сам католик... Тогда уже стал за тобой более внимательно приглядывать. И не сам, а людей своих приставил. Да и за господином тем понаблюдал и очень даже приятные вещи узнал о вас. Сам понимаешь, что брата по вере я уже никак не мог убить. Вот поэтому я здесь. Мне успели рассказать, что ты за бесценный фрукт такой.

— И кто же рассказал? — недоверчиво прищурился Ратмир.

— А сейчас сам увидишь, — ухмыльнулся Кестутис и выглянул из окна звонницы наружу. — Вон уже прискакал. А народу-то, народу-то вокруг дьяка собралось. Пора нам быстрее отсюда уходить, — озабоченно нахмурился Кестутис. — Эй, сюда, сюда, — помахал он кому-то рукой.

Через несколько минут на входе на площадку колокольни появился чуть запыхавшийся Антонио. Он быстрым взглядом окинул площадку и, подойдя к Ратмиру, участливо спросил:

— Всё нормально, брат?

— Да вроде... — как-то неопределённо развёл руками тот.

— Слава пресвятой деве Марии, все успели вовремя, — широко улыбнулся Кестутис.

— Благодарю тебя, брат Кестутис! — кивнул ему Антонио и, кинув взгляд на безжизненное тело Ольги, удивлённо поднял брови: — О!.. Что-то мне кажется знакомой эта дама...

Он подошёл поближе и, пригнувшись, убрал с лица молодой женщины золотистые пряди волос: — Ого! Да это же малышка без вести пропавшего здесь в прошлом году герцога Бохуслена! До этого бедолага, правда, начал было жаловаться, что кто-то его чем-то шантажирует... Вот так встреча! Откуда она здесь?! — выпрямившись, изумлённо спросил Антонио. — Помнится шведское посольство очень долго тогда её разыскивало... Погоди... — он с лёгким прищуром посмотрел на Ратмира и тихо спросил: — Так это была она?!

Ратмир сжал губы и посмотрел куда-то за спину друга. Во взгляде его читались боль и разочарование.

— Ну, надо же! Действительно, пути господни неисповедимы. Ведь покажи ты мне её сразу, то, может быть, ничего этого сейчас и не было, — расстроено покачал головой Антонио, оглядывая мёртвые тела ратников и Ольги на площадке. — И, как назло ты, брат, в этой стране выбрал себе такую миссию, что при дворе мог быть только в качестве скомороха... Жаль-жаль... Так-то ты её мог бы раньше узнать...и, возможно, не попался бы в эти сети...

Он вздохнул и опять посмотрел на Ратмира:

— Я думаю, что теперь тебе незачем торопиться в Италию.

Ратмир поднял голову и пожал плечами. Улыбка разочарования появилась на его бледном, осунувшемся лице: — Как видишь, брат, здесь я сплеховал...

— Да, ладно! С кем не бывает! — отечески похлопал его по плечу Кестутис и стал их торопить: — Всё-всё, братья, пора уходить! А то здесь уже и так, вон какая кутерьма начинается...

Они торопливо спустились вниз и постарались незаметно обойти толпу зевак, всю разглядывавших и обсуждавших распластанное на земле тело дьяка Лаврентия. Руки и ноги последнего были неестественно вывернуты, а в расколоте черепа блестел окровавленный мозг.

Мужчины выехали из ворот Девичьего монастыря, чуть поодаль их сопровождали люди Кестутиса.

— Куда ты сейчас, брат? — обратился Антонио к Ратмиру.

— Возвращаюсь к своим скоморохам, — как-то безучастно ответил Ратмир и добавил: — Только мне их сначала отыскать надо. Если дьяк сказал, что Мирославу он отпустил, то она-то как раз и может сказать — где они сейчас..

— Отлично! — бодро кивнул Антонио. — Тогда держим связь старым способом. Ещё тебе нужно заехать на купленное нами подворье и проверить подкоп. Там уже немного осталось. Скоро ты сможешь начать исполнять одну из своих главных миссий здесь. Учитель будет очень рад.

Ратмир согласно кивнул и вздохнул.

— А ты, брат Кестутис, выбирай уже, наконец: или идёшь ко мне в посольство или же продолжаешь жить ватагой, но держишь с нами связь? — повернулся Антонио к Кестутису.

— Я, брат Антонио, пожалуй, ещё немного погуляю с ребятами, а ближе к зиме определюсь. Очень уж мне вольная жизнь по душе пришлась! — улыбнулся тот и добавил: — Но я всегда наготове, как только понадобится. Как меня найти — я уже вам обоим рассказал... Ну, всё, бывайте! А то у нас тут свои дела, — Кестутис дал сигнал рукой своим товарищам по ватаге и, пришпорив коня, удалился вместе с ними в направлении леса...

— Очень надеюсь, что это был для тебя хороший урок, Ратмир, — перешёл на итальянский язык Антонио.

— Да... это был для меня хороший урок... — без эмоций повторил за ним Ратмир, морщась, словно от зубной боли.

— И впредь ты станешь хорошенько проверять любую даму, прежде чем позволишь себе так влюбиться в неё, — озабоченно посмотрел на него Антонио.

— Не думаю, что после всего этого я смогу себе позволить полюбить ещё кого-нибудь, — также равнодушно отозвался Ратмир. — Использовать женщин по их прямому назначению — это да. А полюбить — навряд ли...

— Я тебя очень хорошо понимаю сейчас, брат, — начал, было, Антонио.

— Откуда, откуда ты можешь это понять?! — перебил Ратмир и горько усмехнулся. — Разве у тебя когда-нибудь было что-то подобное?

— Я тоже человек. Просто о многом тебе не рассказываю, — холодно ответил Антонио.

— Не обижайся, брат. Прости, если обидел, — опять, как от зубной боли поморщился Ратмир. — Мне здесь сворачивать...

Они попрощались и Ратмир, пришпорив лошадь, поскакал в сторону подворья Мирославы Кольчуговой.

Уже на подъезде к подворью Ратмир заметил что-то неладное. Ворота были распахнуты и из них то и дело выбегали холопы с какими-то вещами. Другие наоборот вбегали. Все суетились и покрикивали друг на друга.

— Что там происходит? — Ратмир остановил какого-то подростка, бежавшего в сторону холопских лачуг с самоварными щипцами и большой подушкой в руках.

— Да, боярыня наша уезжает. Вот и приказала каждому взять то, что ему приглянется. А то приедет новый хозяин и всё себе заберёт.

— Боярыня уезжает?! Куда?! Насовсем?! — воскликнул Ратмир, устремив взгляд на стоявшие во дворе три крытые повозки.

— Да не сказала куда. Видать, насовсем, раз всё раздаёт, — на бегу крикнул мальчишка и побежал дальше.

Ратмир подстегнул свою лошадь и, спрыгнув у крыльца, перепрыгивая через две ступеньки, кинулся в терем. Внутри царила суматоха: мужики и бабы рвали друг у друга из рук дорогие полотна материи, предметы утвари. Голосистые подростки и детвора помладше дрались между собой из-за чашек и стеклянных бокалов, серебряных ложек...

— Где боярыня? Где Мирослава Авдеевна? — кинулся к ним Ратмир.

— Да там она уже — в повозке, — отмахнулась от него толстая баба с кикой на голове, жадно разглядывая доставшуюся ей резную малахитовую шкатулку. — Вот-вот тронутся уже...

Ратмир кинулся обратно во двор. Он рывком открыл дверцу первой повозки — на него, горько плача, глянула ключница Степанида, укладывавшая в дорожный сундук какие-то шубы.

Тогда он, молча, кинулся ко второй и тут же пробежал мимо неё, увидев внутри какую-то старуху.

В третьей находились две женщины неопределённого возраста в красивых кокошниках и тоже всхлипывая, укладывали какие-то вещи.

— А где боярыня ваша? Где Мирослава Авдеевна? — спросил он у них. — Я пробежался по всем повозкам и не нашёл её.

— Так она, барин, во второй повозке сидит. Одна, сказала, в ней поедет. Нас пока сюда отослала, — узнав скомороха, нехотя ответила одна из них.

— Я её не нашёл. Там только старуха какая-то сидит, — растерянно пожал плечами Ратмир.

— Старуха? — подняла брови женщина и нехорошо усмехнулась: — Не признал, стало быть. А это она и есть — наша Мирослава Авдеевна. А ты думал, барин, что после пыток человек краше становится?

Ратмир ошеломлённо посмотрел на неё и медленно пошёл в сторону второй повозки. Он тихо подошёл к раскрытой дверце и побледнел. Внутри, на лавке, прислонившись спиной к оббитой вишнёвым бархатом стенке повозки, сидела седая, бледная как смерть старуха. Голова её была запрокинута назад, запавшие глаза закрыты. Пряди седых волос торчали из-под незнакомого, тёмного платка. На искусанных губах старухи темнели подсыхавшие кровавые корочки. Опухшие кисти рук отливали синевой, а на пальцах белели повязочки со следами начинавшей буреть крови. Услышав шорох, она, не открывая глаз, незнакомым,

хриплым голосом спросила: — Что там, Степанидушка, едем уже?

Ратмир, поражённый увиденным, стоял, молча, не в силах пошевелиться.

— Что же ты молчишь, Степанидушка? — опять хрипло спросила старуха и приоткрыла опухшие глаза. Увидев Ратмира она, казалось, нисколько не удивилась, и равнодушно произнесла: — А, это ты... Слава Богу, жив... Ну, раз ты здесь, значит всё обошлось. Кликни мне Степаниду.

Ошарашенный Ратмир на неверных ногах подошёл к первой повозке и позвал ключницу. Та мигом прибежала к хозяйке.

— Иди, Степанидушка, — тихим хриплым голосом, с трудом сглатывая, произнесла Мирослава. — Скажи Кузьме, пусть едет за скоморохами. Он знает, где они хоронятся.

Степанида кинула на Ратмира уничтожающий взгляд и кинулась исполнять указание.

Мирослава глубоко вздохнула и, попробовала поудобнее сесть на лавке. Grimаса боли пробежала по её мертвенно-бледному, очень постаревшему лицу.

— Сможешь ли ты простить меня, Мирославушка? — опустил перед ней на колени скоморох. Взгляд его был полон отчаянья и боли.

— Ишь ты — Мирославушкой назвал, — попыталась усмехнуться женщина, но тут же надрывно закашлялась. Откашлявшись, она кинула на скомороха усталый взгляд: — Ещё вчера я бы всё отдала, чтобы только услышать от тебя такие слова. А так мне не за что прощать тебя, Ратмир. Бог простит...

— Как же не за что?! — воскликнул он, осторожно касаясь своими длинными крепкими пальцами её изуродованных рук. — А за то, что ты вчера оказалась в страшных лапах дьяка Лаврентия?! За то, что я посмел так мерзко оскорбить тебя?!

Мирослава, морщась от боли, убрала руки в сторону и хриплым голосом ответила: — Дьяк Лаврентий — старый служака и для него все средства хороши... А то, что ты сказал мне тогда... Так ты правильно, Ратмир, сказал: старая баба должна понимать, что она старая баба и не лезть куда не надо... Жаль, что поняла я это поздно...

— Прости меня, Мирославушка! — в отчаянии воскликнул скоморох и, положив ей на колени свою голову, обхватил их руками.

Мирослава с трудом подняла дрожащую руку с красно-белыми повязками на пальцах и попыталась погладить его по блестящим, густым волосам: — Вчера я только хотела тебя предупредить, что дьяк решил посадить твоих товарищей в подземелье... И... — она замолчала и прищурившись посмотрела на него. — Ты теперь уже всё знаешь про неё?

— Да, знаю, — поднял голову Ратмир. — Она и дьяк Лаврентий мертвы...

— Вот как, — тихим хриплым голосом произнесла Мирослава и опять поморщилась от боли: — Я видела их вчера утром у него в приказе. Хотела зайти к нему, чтобы он не трогал твоих скоморохов... Он же много раз звал меня к себе, чтобы я докладывала ему про тебя... Но я каждый раз отказывалась... Тогда он пригрозил, что, если я тебе хоть словом обмолвлюсь, то он бросит в тюрьму твоих товарищей... А она там у него из второй комнаты показалась ...

— Теперь я знаю, что они были любовниками, — Ратмир опять взял её руки в свои ладони и поднёс к губам: — Это было какое-то наваждение. Словно меня околдовали, и я ничего не видел и не хотел видеть вокруг себя...

— Не кори себя, Ратмир... уже всё позади... — безучастно ответила Мирослава, и grimаса боли вновь пробежала по её измождённому лицу. Она опять убрала руки в сторону и покачала головой: — Не трогай больше — больно. Эта твоя Ольга и в пыточных делах знала

ТОЛК...

— Сможешь ли ты простить меня, Мирославушка? — повторил свой вопрос Ратмир и с болью в сердце посмотрел в лицо постаревшей Мирославе. — Ты спасла моих друзей... Так хотела помочь мне... Перенесла из-за меня такие пытки... Где я ещё найду такого преданного человека?! Не уезжай, Мирославушка, — тихо попросил он, глядя ей прямо в глаза.

— Нет, Ратмир, — она чуть качнула головой. — Я должна уехать. Мне нужно придти в себя... А пытки... Я бы всё-равно не выдержала их до конца... Такие адские боли уже не в силах была терпеть... Благо, что Степанидушка до дяди моего добежала. Вот он и выручил....

Мирослава опять откинула голову к стенке повозки и прикрыла глаза.

— Даже, если я предложу тебе обвенчаться со мной? — решил вдруг Ратмир.

Мирослава медленно открыла глаза и испытующе посмотрела на него. Тут Ратмир на мгновение увидел наконец-то знакомый ему задорный взгляд Мирославы. Но он тут же потух и она хриплым голосом спросила:

— Венчаться с тобой? Зачем ты предлагаешь мне это сейчас?.. Из жалости?.. Или из чувства вины?.. Ты же не любишь меня, Ратмир...

Скоморох покачал головой:

— Для того, чтобы жить в браке не обязательно любить... Достаточно уважать друг друга...

Мирослава аж закашлялась: — Давно ли ты так заговорил, Ратмир?

— Я очень многое понял сегодня, — твёрдо ответил он и посмотрел ей в глаза: — Я хочу обвенчаться с тобой... Я увезу тебя в Италию, и ты там сможешь быстро поправить своё здоровье... А твои волосы... У меня есть хороший знакомый. Он знает толк в покраске волос...

— Опять эта Италия... Я тоже многое поняла за эти два дня, Ратмир, — хриплице возразила она ему. — И самое главное я поняла, что ты очень верно сказал, что старая баба должна понимать, что она старая баба...

— Прощу тебя — забудь эти слова! — воскликнул скоморох

— Нет, Ратмир, так положено самой природой. Каждому овощу своё время... — Мирослава глубоко вздохнула.

В этот момент в повозку заглянула Степанида: — Всё готово, боярыня. Можем трогаться.

— Прощай, Ратмир, — равнодушно посмотрела на скомороха Мирослава и попыталась распухшими, перевязанными пальцами подправить под платок прядь седых волос.

— Значит, ты меня никогда не любила, — неожиданно произнёс он и своей рукой помог ей спрятать седую прядь под тёмный платок. — Раз уезжаешь и бросаешь меня...

— Ты мне и сейчас безразличен, Ратмир, но я больше не хочу тебя любить, — тихий, хриплый голос женщины был едва слышен в окружавшей повозку предотъездной суматохе. — Слишком дорого мне это обошлось, — она судорожно вздохнула и показала рукой с перевязанными пальцами в районе груди: — Вот здесь всё выгорело... Пусто там сейчас после твоих вчерашних слов...

— Куда же ты уезжаешь, Мирославушка? — спросил он, начиная осознавать, что решение её окончательно и бесповоротно.

— В Индию. Хочу вернуться туда, где я была так счастлива со своим мужем. Там тепло

и красиво... Там люди, которые помнят и ждут меня... Которым я нужна...

— Но ты и здесь нужна! Ты мне очень нужна! — воскликнул скоморох, но, глянув на бесстрастное измождённое лицо женщины, тихо спросил: — Где именно в Индии?! Я хорошо знаю тамошние места. Я смогу приехать к тебе.

— Нет, Ратмир, — твёрдо ответила ему Мирослава. — Не нужно. Было слишком больно...

В повозку опять заглянула ключница Степанида:

— Там эти... скоморохи подъезжают...

— Иди, Ратмир, встречай друзей... Они у тебя хорошие, настоящие... Всегда за тебя так переживают... Вот только кто они для тебя — я так и не поняла до конца. Как и не поняла — что для тебя моя держава... Ну, да бог тебе судья, — опять с трудом сглотнув, произнесла Мирослава.

— Так, если не я, то может Никифор пусть с тобой поедет! Он для тебя всё сделает! — решил на последнюю попытку, чтобы не потерять с ней связь, Ратмир.

— Я знаю, — опять вздохнула женщина и посмотрела долгим, прощальным взглядом на продолжавшего стоять перед ней на коленях красавца-скомороха. — Если уж я от тебя уезжаю, то он мне и подавно не нужен... Прощай, Ратмир...

В этот момент на дворе послышался знакомый мальчишеский голос: — Дяденька Ратмир! Где ты, дяденька Ратмир?!

— Иди, они ждут тебя, — бесстрастно посмотрела на него Мирослава.

Ратмир встал с колен, нагнулся к женщине, прикоснулся губами к её сухим, искусанным губам, и, молча, вышел из повозки, прикрыв за собой дверцу. Лицо Мирославы исказила гримаса отчаянья. Она вновь откинула голову назад и глухо застонала...

— Ой, дяденька Ратмир! А я тебя искал! — неожиданно рядом со скоморохом оказался Теодорка и потащил его за собой за ворота: — А мы всю ночь в такой хорошей избе на болоте провели. Я и не знал, что на болотах можно так прятаться. А нам уже не надо больше прятаться, дяденька Ратмир?

— Нет, Теодорка, больше не надо никому из вас прятаться, — глухо ответил Ратмир, видя, как к подворью приближается их повозка. Рядом с ней шагал озабоченный Никифор. Весёлые Елена, Василий и Авдотья махали ему руками. Лошадей под уздцы вёл довольный Андрейка. Ратмир зашагал навстречу друзьям.

В этот момент одна за другой тронулись все три повозки боярыни Кольчуговой. Громко скрипя креплениями, они стали медленно набирать скорость.

— Где она?! — Никифор первым поспешил к Ратмиру и с волнением посмотрел на него.

— Там, — кивнул Ратмир на повозки и добавил: — Во второй...

Старик Никифор довольно прытко догнал вторую повозку и, распахнув дверцу, заскочил в неё. Все три повозки тут же встали.

Скоморохи замерли в ожидании. Спустя короткое время из повозки показалась худая фигура старика Никифора. Бледный как полотно, он быстрыми шагами пошел в их сторону, глядя перед собой в землю.

Повозки боярыни Кольчуговой вновь заскрипели и стали удаляться.

— Как ты, Никифор? — сочувственно спросил Ратмир.

Вместо ответа, старик Никифор внезапно размахнулся и с силой ударил Ратмира в челюсть. Тот от неожиданности упал на спину и тут же, ошеломлённый ударом, попытался

вскочить на ноги, но разъярённый Никифор с рычанием накинулся на него и нанёс ещё несколько сильных ударов по лицу. У Ратмира кровь показалась из разбитой губы и носа. Он крепко схватил старика Никифора за запястья и тихо произнёс: — Всё, Никифор, успокойся. Уже ничем не помочь. Она сама так решила ...

— Да кто ты такой, Ратмир?! Что ты возомнил о себе?! Ломаешь чужие судьбы как палку через колено. Ты видел — в кого ты её превратил?! Будь ты проклят! — простонал старик Никифор. Ратмир тотчас же отпустил его руки. Никифор поднялся, сплюнул ему под ноги и отошёл в сторону.

Ратмир сел прямо на земле и прижал пальцы к переносице, пытаясь остановить кровь из носа. Ошарашенные увиденным, скоморохи, молча, стояли в стороне. Первой опомнилась Авдотья. Она, схватив какую-то тряпицу, тут же подбежала в Ратмиру: — На, приложи. Сейчас кровь и остановится.

— Спасибо, Дуняша, — благодарно взглянул на неё Ратмир и кинул взгляд на стоявшего поодаль старика Никифора. Тот стоял, спрятав лицо в ладони, и тихонько мотал головой.

Василий, молча, подал Ратмиру руку и помог ему подняться с земли. Тот кивнул и направился к старику Никифору. Там он несколько минут что-то говорил старому скомороху, стараясь в чём-то убедить. Потом просто постоял рядом с ним, держа окровавленную тряпицу у лица. Наконец старик Никифор отнял ладони от лица и, не глядя ни на кого, с поникшими плечами направился к своим. Следом за ним зашагал Ратмир. Лишь на мгновение он кинул взгляд на дорогу, где уже маленькими точками темнели удалявшиеся прочь повозки боярыни Кольчуговой.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Больше книг на сайте — Knigoed.net